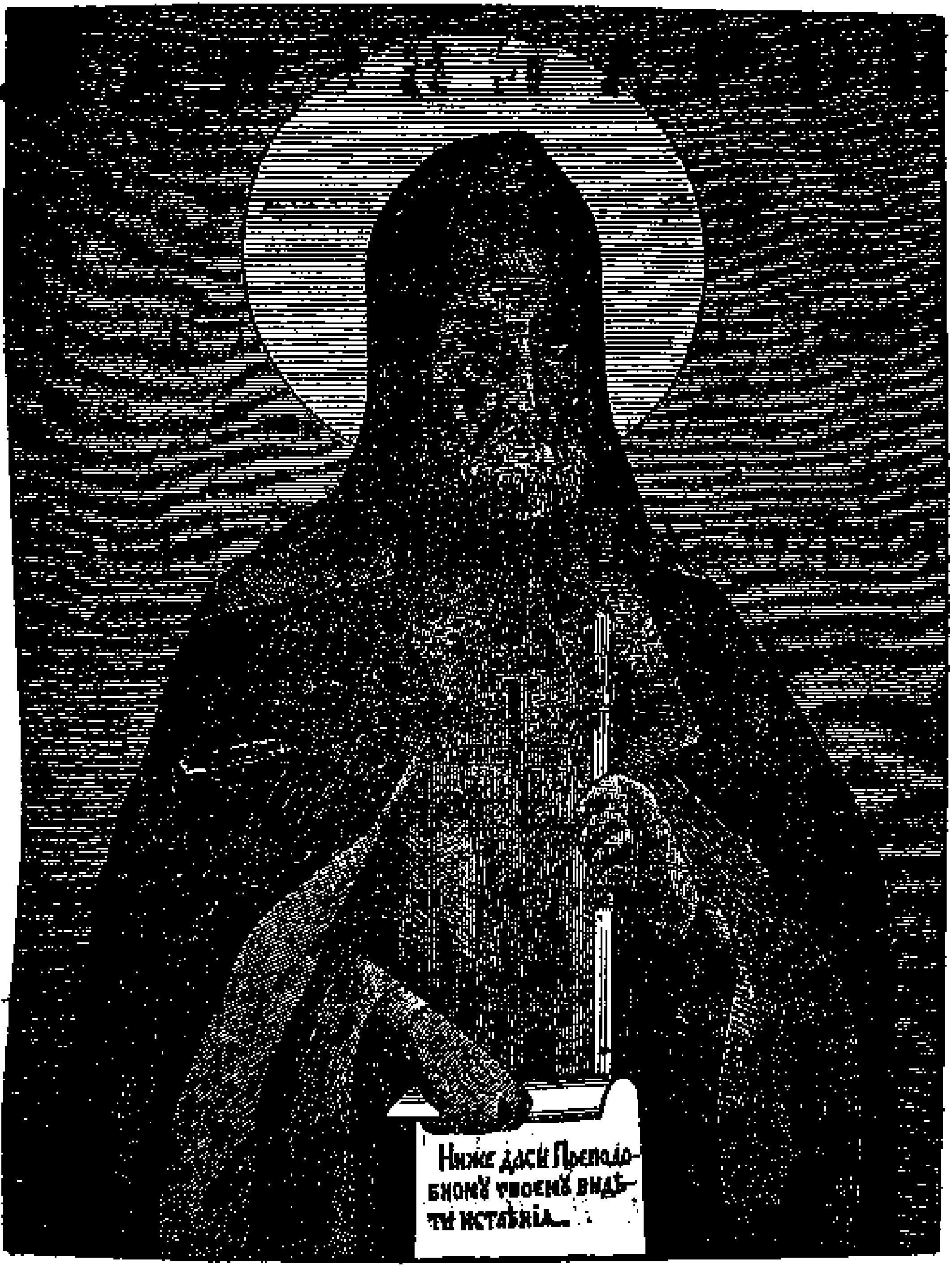
ПЧЕЛА
ПОЧАЕВСКАЯ.

ИЗБОРНИКЪ
НАЗИДАТЕЛЬНЫХЪ ПОУЧЕНІЙ И СТАТЕЙ,
СОСТАВЛЕННЫХЪ И СПИСАННЫХЪ
ПРЕПОДОБНЫМЪ ІѠВОМЪ
ИГУМЕНОМЪ ЛАВРЫ ПОЧАЕВСКОЙ,
(1581—1651 г.).
ИЗДАННЫЙ
ВЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ СЛАВЯНСКАГО НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ,
ПО СОБСТВЕННОРУЧНОЙ РУКОПИСИ ПРЕПОДОБНАГО,
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
Профессора Кіевской Духовной Академіи
Н. И. ПЕТРОВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОЧАЕВЪ.
Типографія Почаевской Успенской Лавры.
1884.


Ниже даси Преподобному твоему видѣти истлѣнія...

ПРЕПОДОБНЫЙ ІОВЪ ИГУМЕНЪ ПОЧАЕВСКІЙ.

Напечатано съ разрѣшенія Духовной цензуры.
Кіевъ, 4 Іюля 1883 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЖИТІЯ, СКАЗАНІЯ И СЛОВА НА НЕПОДВИЖНЫЕ ПРАЗДНИКИ И НАРОЧИТЫЕ ДНИ ЦЕРКОВНАГО ГОДА.

Святаго священномученика Ипполита о двоюнадесятехъ апостолѣхъ, и гдѣ кождо ихъ проповѣда, и гдѣ како скончашася [1].

Петръ верховный проповѣдалъ евангеліе въ Понтѣ, Галатіи, Каппадокіи, Виѳиніи, въ Италіи, въ Асіи, потомъ въ Римѣ, гдѣ императоромъ Нерономъ распятъ былъ стремглавъ, такъ какъ онъ самъ пожелалъ такъ пострадать и такъ какъ Господь сказалъ ему по воскресеніи: *егда*,—сказалъ Онъ,—*состарѣешися, воздѣжеши руцѣ твои, и инъ тя пояшетъ, и ведетъ, аможе не хощеши* (Іоан. 21, 18). Посему онъ пожелалъ такъ быть распятымъ и умеръ и погребенъ былъ тамъ.

Павелъ же прежде назывался Савломъ. Онъ призванъ къ апостольству черезъ одинъ годъ по вознесеніи Христа, отъ котораго свыше наименованъ *сосудомъ избраннымъ* (Дѣян. 9, 15). Начавъ съ Іерусалима проповѣдывать евангеліе, онъ дошелъ до Иллирика, до Италіи и до Испаніи. На тридцать пятомъ году, при императорѣ Неронѣ, у него отсѣчена была глава, и онъ погребенъ былъ тамъ, и вмѣсто крови изъ раны истекло молоко.

---

[1] Рукоп. преп. Іова, л. 1—3.

*

Андрей первозванный былъ изъ города Виѳсаиды, сынъ Іонинъ, братъ верховнаго апостола Петра. Онъ первоначально былъ ученикомъ честнаго предтечи Крестителя. Потомъ, когда услышалъ отъ учителя, перстомъ указывающаго на учителя Іисуса, *се агнецъ Божій* (Іоан. 1, 29), то оставилъ Крестителя и послѣдовалъ за Христомъ и сказалъ брату своему Петру—*обрѣтохомъ Мессію, еже есть сказаемо Христосъ* (—ст. 41), и привелъ его ко Христу. Можно найти о немъ и другое въ священномъ писаніи. Такъ какъ онъ послѣдовалъ Христу, то, по вознесеніи Его, когда другимъ апостоламъ назначены другія страны, ему достались Виѳинія и Евксинское море и страны Понтійскія съ Халкидономъ, Византія, Фракія и Македонія даже до рѣки Истра, и Ѳессалія и Еллада даже до Ахаіи, и кромѣ того Амисосъ и Трапезунтъ и Ираклія...

Но въ каждомъ изъ нихъ онъ много претерпѣлъ бѣдствій, находился во многихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, хотя и преодолѣлъ все помощію учителя Христа. Изъ нихъ я упомяну объ одномъ городѣ; остальное предоставляя очевидцамъ. Пришедши въ Синопъ и проповѣдавъ ученіе, онъ подвергся многочисленнымъ страданіямъ: его повергали на землю и таскали, схвативши за руки и ноги, выбивали ему зубы, и дреколіемъ били, и камнями побивали, и далеко изъ города выбрасывали, и персты у него отрѣзывали; но силою Учителя онъ оказывался невредимымъ. Ушедши отсюда, онъ обошелъ много городовъ, Неокесарію, Самосатъ, Алановъ, Абазговъ, Зикховъ, Босфорцевъ, Херсонитянъ. Потомъ, переплывъ въ Византію, поставилъ епископомъ Стахія, и обошедши другіе города, прибылъ въ Пелопонесъ, и жилъ у Сисоя, по случаю тяжкой болѣзни. И скоро весь Патарскій городъ онъ привелъ ко Христу. И жена правителя Максимилла, освобожденная апостоломъ отъ тяжкихъ мученій болѣзни, увѣровала во Христа, и мудрый

Стратоклей, правитель, братъ Егеата; и многіе другіе одержимые различными болѣзнями, исцѣлены были апостоломъ. По этому Егеатъ, распалившись завистію, распялъ апостола на крестѣ, а самъ разбился, упавши съ одной высокой стѣны. Мощи же апостола, по истеченіи многихъ лѣтъ, принесены были блаженнымъ мученикомъ Артеміемъ въ Константинополь и поставлены были вмѣстѣ съ апостоломъ Лукою и Тимоѳеемъ, въ пречестномъ храмѣ святыхъ апостоловъ подъ святою трапезою.

Евангелистъ Іоаннъ богословъ. Онъ имѣлъ отца Зеведея, а мать Саломію, которая была дочь Іосифа, обручника Богородицы. Іосифъ имѣлъ четырехъ сыновей, Іакова, Симеона, Іуду и Іосію, и трехъ дочерей, Есфирь, Марѳу и Саломію, которая была женой Зеведея, а матерью Іоанна. Іисусъ Христосъ былъ дядя Іоанну, какъ братъ Саломіи, дочери Іосифа. Сей апостолъ возлежалъ на персяхъ Христовыхъ, такъ какъ весьма любилъ его Христосъ; когда разбѣжались всѣ апостолы во время преданія и распятія, онъ одинъ остался; и къ гробу онъ, поспѣшивши, пришелъ прежде; и потомъ Богородицу онъ принялъ къ себѣ и угождалъ ей до самаго ея успенія. Послѣ ея успенія, онъ пришелъ въ Ефесъ и проповѣдалъ евангеліе. Онъ имѣлъ на землѣ трехъ матерей: первую Саломію, вторую—громъ, третью—пречистую Богородицу, какъ сказано въ евангеліи—*Сына громова* (Марк. 3, 17); потомъ,—*Се мати твоя* (Іоан. 19, 27). Императоромъ Домиціаномъ онъ заточенъ былъ на островъ Патмосъ, на которомъ написалъ, по откровенію, святое евангеліе. Когда же Траянъ наслѣдовалъ Домиціану, то освободилъ изъ заточенія и апостола. Бывши въ Ефесѣ и узнавши, что скончался мученически апостолъ Тимоѳей, котораго онъ поставилъ епископомъ въ своемъ городѣ, самъ снова принявши свою паству, разрушилъ молитвою храмъ Артемиды и 400 тысячъ ея почитателей привелъ ко Христу, и сотворилъ другія многія чудеса и посему имѣлъ преславную кончину; ибо онъ въ глубокой старости почилъ мирно Своими учениками онъ погребенъ былъ на мѣстѣ, гдѣ стоитъ церковь Богослова, называемая Ливантомъ. На западной же сторонѣ лежатъ святый Тимоѳей. Марія же Магдалина и семь отроковъ почиваютъ близъ горы, называемой Хелето. Святая Ерміонія, дочь апостола Филиппа, одного изъ семи діаконовъ, одна изъ четырехъ дочерей его пророчицъ, лежитъ близъ той же горы. Тамъ же лежатъ мученикъ Адавктъ и дочь его Каллисѳенія и другіе мученики бывшіе епископы — Аристъ, Тиранъ и Аристовулъ и пустынножитель Павелъ.

Іаковъ, братъ Іоанна, проповѣдывалъ Христа по всей Іудеѣ; отъ Ирода четверовластника усѣкнутъ былъ мечемъ и погребенъ тамъ.

Филиппъ апостолъ, изъ города Виѳсаиды, обильный разумомъ, читавшій книги пророковъ (Дѣян. 8, 30 и сл.), за чистоту житія признававшійся дѣвственникомъ. Христосъ нашелъ его послѣ крещенія своего и призвалъ, и онъ тотчасъ послѣдовалъ за Нимъ и, нашедши Наѳанаила, сказалъ ему: *обрѣтохомъ Іисуса отъ Назарета* (Іоан. 1, 45). Сей, получивъ въ удѣлъ Мисійскую землю, имѣлъ спутникомъ своимъ и помощникомъ въ проповѣди Варѳоломея съ сестрою своею Маріамною. И когда они прошли Мизійскіе и Лидійскіе города съ проповѣдію и подъяли многочисленныя скорби, то нашли возлюбленнаго ученика Христова Іоанна, проповѣдующаго въ Асіи. Чрезъ него и жена правителя увѣровала, и домъ Стахія. Когда же сей апостолъ проповѣдывалъ въ Іераполѣ, то ему просверлили голени и таскали по распутіямъ. Онъ распинается стремглавъ императоромъ Домиціаномъ, и такимъ образомъ, помолившись, предалъ Богу духъ; и тотчасъ потряслась земля и, испустивши гласъ, разсѣлась и поглотила многихъ изъ невѣрныхъ. Прочіе же, устрашившись, пришли къ вѣрѣ и, снявши апостола со креста, погребли тамъ.

Варѳоломей, происходившій отъ Іуды, въ Индіи проповѣдывалъ евангеліе отъ Матѳея и скончался стремглавѣ распятый въ городѣ Арванѣ; онъ похороненъ былъ въ оловянной ракѣ и въ ней брошенъ былъ въ море и найденъ и принесенъ на островъ Липаръ и погребенъ тамъ.

Матѳей, названный Левія, братъ Іакова Алфеева, мытарь, евангелистъ. Онъ написалъ свое евангеліе на еврейскомъ языкѣ и оставилъ его въ Іерусалимѣ; просвѣтивъ Парѳянъ и Мидянъ и составивъ церковь, впослѣдствіи огнемъ скончался отъ невѣрныхъ.

Ѳома, называемый близнецъ, проповѣдавъ слово Христово Парѳянамъ и Мидянамъ и Персамъ и въ Индіи и въ Гирканіи, заключенъ былъ въ темницу царемъ Мозадомъ. Но сынъ его Уванъ и жена его Тертія, и Мегдонѣ, и Ларисъ пришли къ апостолу, были оглашены имъ и крещены. Поэтому царь отдалъ его пяти воинамъ, которые, возведши его на гору, пронзили его копьями и предали смерти, и онъ погребенъ былъ тамъ.

Іаковъ Алфеевъ, братъ апостола и евангелиста Матѳея, онъ, соотвѣтственно имени, обогатился сѣменемъ и такимъ образомъ проповѣдывалъ въ Іерусалимѣ; отъ іудеевъ побитъ камнями и погребенъ тамъ въ церкви.

Іуда Клеоповъ, проповѣдавъ въ Едесѣ и Месопотаміи, почилъ въ Беритѣ и тамъ погребенъ. Онъ повѣшенъ былъ невѣрными и застрѣленъ, и названъ былъ братомъ Господнимъ по плоти и впослѣдствіи нареченъ былъ Ѳаддеемъ.

Симонъ Кананитъ Клеоповъ, онъ же и Іуда, былъ епископомъ въ Іерусалимѣ и многихъ прельщенныхъ привелъ къ свѣту. Императоромъ Домиціаномъ онъ, какъ сродникъ Господень изъ колѣна Іудина, осужденъ былъ на преданіе ядовитымъ и лютымъ звѣрямъ, разсерженнымъ и голоднымъ, но, подвергнувшись ихъ злобѣ, нисколько не пострадалъ отъ нихъ. Впослѣдствіи же императоромъ Траяномъ подвергнутъ былъ многимъ мученіямъ и наконецъ, бывъ пригвожденъ ко кресту, предалъ Богу духъ. Онъ имѣлъ двойное названіе, ибо онъ именовался Симономъ Зилотомъ, отъ самаго Христа названъ братомъ Іакова.

Мѣсяца Августа въ 29 день слово на усѣкновеніе честныя главы святаго и славнаго пророка и крестителя Господня Іоанна[1].

Когда Іисусъ родился въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ, Иродъ четвертовластникъ сотворилъ взысканіе, чтобы погубить родившагося младенца. Но ангелъ Господень сказалъ Іосифу, чтобы онъ взялъ младенца и матерь его и шелъ въ Египетъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. И когда онъ жилъ тамъ съ младенцемъ и матерью Его, то Иродъ, не находя Іисуса, повелѣлъ умертвить всѣхъ дѣтей, бывшихъ въ Виѳлеемѣ. Елисавета же, взявши сына своего Іоанна, бѣжала въ горы. Иродъ же, искавъ и не нашедши Іоанна, послалъ къ отцу его Захаріи сказать: гдѣ сынъ твой и куда ты скрылъ его? Приведи его ко мнѣ! или ты не знаешь, что кровь твоя находится въ моей власти? Отвѣчалъ Захарія: «не знаю, гдѣ сынъ мой; ибо я — служитель Господа Бога». Услышавъ это, Иродъ послалъ убійцъ своихъ предъ утромъ, и они заклали Захарію въ храмѣ Господа Бога. На слѣдующій же день пришли всѣ люди въ святилище и ждали Захарію съ привѣтствіемъ. А такъ какъ онъ медлилъ, то нѣкоторые изъ нихъ отважились войти въ святилище. И вотъ былъ голосъ, говорящій: «Захарія убитъ». Устроили же всѣ люди плачъ и великую печаль въ теченіи семи дней и семи ночей. Кровь же Захаріи сгустилась у олтаря, какъ камень, а тѣла нигдѣ не оказалось. Елисавета же, когда бѣжала съ сыномъ и пришла въ горы, утомилась и думая, что за ней гонятся, возопила: «гора Божія, прими матерь съ младенцемъ, несправедливо преслѣдуемую». И тотчасъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она была, разступилась гора и впустила ее въ себя. Она ходила съ сыномъ своимъ среди разсѣлины, и не было никакого входа. Но ангелъ постоянно приходилъ къ Елисаветѣ, такъ что она, находясь одна въ горѣ, не имѣла ни въ чемъ недостатка. Убійцы же Иродовы, кинувшись тамъ по слѣдамъ ея, пришли къ разсѣлинѣ, въ которой она находилась, и, не видя никакого входа, возвратились. Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ жила Елисавета, по лѣвую сторону протекалъ источникъ, а по правую — постоянно приносимые хлѣбы. И когда было младенцу пять мѣсяцевъ, сказалъ ангелъ Елисаветѣ: «отними младенца и больше не давай груди, но бери верхушки финиковъ, и дикій медъ будетъ выходить изъ камня, который надъ твоей головой: это давай ему ѣсть. Ибо не истощится медъ, ни верхушки, пока Господь Богъ не повелитъ вамъ выйти отсюда». Когда же младенецъ былъ тринадцати мѣсяцевъ и укрѣпился, будучи питаемъ отъ ангела, то началъ понемногу ходить ногами. И сказалъ ангелъ Елисаветѣ: «выйди отсюда и иди въ домъ отца твоего, поелику мужъ твой Захарія убитъ; ищущіе сына твоего умерли, а съ ними и гнѣвъ ихъ». Елисавета же отвѣчала: «господинъ, я не нахожу пути, по которому бы могла выйти». И когда она держала младенца на рукахъ своихъ, внезапно впала въ изступленіе и вышла какъ бы по воздуху; и по выходѣ ея тотчасъ сомкнулась гора со всѣхъ сторонъ и сдѣлалась такою, какъ и прежде. И тотчасъ она узнала дорогу, которою пришла, и съ радостію и веселіемъ пошла въ домъ свой.

---

[1] Рукоп. пролог. Іюнь, л. 57—59. Это и слѣдующее за нимъ слово отчасти основаны на первоевангеліи Іакова.

Когда же Іоаннъ былъ 25 лѣтъ, то сталъ проповѣдывать крещеніе покаянія въ отпущеніе грѣховъ, ходя по всѣмъ городамъ и соблюдая воздержаніе, чистоту и постъ. Пищей для него были верхушки финиковые и дикій медъ; одежда его — изъ верблюжьей шерсти и кожаный поясъ на чреслахъ его. И проживъ довольное чело дѣтъ, онъ имѣлъ большой успѣхъ отъ благовѣстія, такъ что слава о немъ разошлась по всей вселенной.

Иродъ же, слышавъ объ Іоаннѣ, призвалъ его къ себѣ, — тогда Іоанну было 27 лѣтъ, — и сказалъ ему: «ты ли Іоаннъ, сынъ Захаріи? или ты не знаешь, что кровь твоя — въ моей власти? Но Іоаннъ, не убоявшись угрозы царя и ярости лица его, ни величія сана, ни высокой почести, но вооруживъ тѣло тихимъ лицемъ, оружіемъ небеснымъ сталъ бороться съ царемъ и, заманивая его какъ звѣря и показывая къ нему своими руками, говорилъ въ отвѣтъ: «И сынъ Захаріи, кровь котораго вы пролили предъ олтаремъ въ храмѣ Божіемъ, каковая кровь не погибнетъ до суднаго дня, обличая твое беззаконіе и безпорядочность. Какъ не стыдно тебѣ, Иродъ, и какъ ты не боишься Бога, что взялъ себѣ жену брата своего?» Иродъ же, бивъ тяжко Іоанна, ввергнулъ его въ темницу. Но и находясь въ темницѣ, Іоаннъ опять говорилъ, что не слѣдуетъ тебѣ имѣть жену брата твоего Филиппа.

И хотѣлъ Иродъ отпустить Іоанна ради смѣлаго его обличенія, но его останавливала Иродіада, чтобы онъ не отпускалъ его, и наполнивши Ирода гнѣвомъ, убѣждала его, чтобы онъ вывелъ его изъ темницы и мучилъ его. И изведши его, онъ повелѣлъ повѣсить его стремглавъ на деревѣ и до четырехъ часовъ подкуривать его. Іоаннъ же отвѣчалъ Ироду: «зачѣмъ уклоняешься отъ обличенія истины? Ибо я говорилъ тебѣ, что не слѣдуетъ тебѣ имѣть жену брата твоего». Иродъ же сказалъ: «въ законѣ Господа Бога написано, что, если женатый умретъ бездѣтнымъ, то жену его возметъ братъ его (Второз. 25, 5)». Но Іоаннъ сказалъ: «въ законѣ Господнемъ написано: зачѣмъ ты скрываешь грѣхи свои? Если ты скрываешь грѣхи свои, то Господь обличитъ твои дѣла; ибо ты, еще при жизни брата твоего, любодѣйствовалъ съ нею. Она, по твоему требованію, была любодѣйцею, а потомъ задумала быть убійцею мужа вмѣстѣ съ тобою, братоубійца; а предпринявъ злое намѣреніе, вы приготовили отраву и умертвили Филиппа, жившаго благочестиво. И ты сдѣлался братоубійцею, и кровь его пролiется отъ рукъ вашихъ, и за эту кровь вы отвѣтите Богу! проживъ эту жизнь худо, вы получите и кончину съ болѣзнію».

Тогда Иродъ, весьма опечалившись, снова бросилъ Іоанна въ темницу, размышляя о томъ, что сдѣлать съ нимъ. Случилось въ этотъ день Ироду праздновать рожденіе. Устроя же пиршество, онъ приготовилъ множество вина и устроилъ тимпаны и гусли и пляску. И пришедши дочь его, плясала, и угодила Ироду и сѣла съ нимъ. Иродъ же, любовавшись пляскою дочери своей, обнялъ и облобызалъ ее и сказалъ ей съ клятвою: если чего попросишь у меня, дамъ тебѣ, хотя бы до половины моего царства. Она же пришедши къ матери, сказала: чего мнѣ просить? Безстыдная же Иродіада сказала: «проси главы Іоанновой на блюдѣ». Она же, наученная матерью своей, просила, чтобы ей дали главу Іоаннову на блюдѣ. Иродъ опечалился, но ради клятвы и пирующихъ съ нимъ послалъ въ темницу и повелѣлъ усѣчь его. И принесена была на блюдѣ глава Іоаннова, и онъ отдалъ ее дочери своей.

Ученики Іоанновы, собравшись ночью, взяли тѣло его и скрыли его. Ангелъ же Господень, который приставленъ былъ къ Елисаветѣ въ горахъ, сказалъ ей: «встань, иди въ Виѳлеемъ и, взявъ тѣло сына своего, погреби оное тамъ, гдѣ погребенъ отецъ его Захарія». И сказала Елисавета: «господинъ, я не знаю, гдѣ сынъ мой». И взявши ее ангелъ за руку ея, привелъ ее туда, гдѣ находились ученики Іоанновы въ размышленіи. Ангелъ сказалъ ей: «вотъ ученики сына твоего! Итакъ, взявши тѣло, внесите въ храмъ Господень, гдѣ закланъ отецъ его; я же доведу васъ туда». Когда онъ шелъ, —то было землетрясеніе; когда же онъ вошелъ въ святилище, то послѣдовалъ великій громъ, такъ что всѣ выбѣжали вонъ. Когда же всѣ вышли, Елисавета, павши на землю, осталась одна внутри. Тотчасъ затворались врата святилища, и ангелъ Господень бесѣдовалъ съ Елисаветой, и укрѣпилъ ее, и привелъ ее туда, гдѣ у алтаря лежалъ мужъ ея Захарія; ибо разверзлось то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ. Бывшіе съ ангеломъ, взявъ тѣло Іоанново, положили оное съ отцемъ его, и тотчасъ сомкнулось мѣсто, и скрылись тѣла ихъ, и удалился ангелъ. И послѣдовалъ голосъ, говорящій Елисаветѣ: «Елисавета, вотъ сгустившаяся кровь Захаріина, которая не погибнетъ во вѣчные годы на обличеніе Ирода». Мѣста же погребенія Захаріи и Іоанна никто не зналъ никогда.

О мужъ, не ужаснувшійся угрозы царской! О мужъ святый, не испытавшій вкушенія хлѣба! О мужъ справедливый, бывшій обличителемъ сквернаго беззаконія мужа и жены! О твердость мужа правдиваго, который шелъ на смерть, какъ на веселіе! О святый мужъ, получившій большее воздаяніе, небесное за земное! О мужъ правдивый, съ младенчества бывшій оруженосцемъ истинныя вѣры Христовой! О мужъ правдивый, освободившій людей отъ лукавства и приведшій ихъ на оставленіе грѣховъ! О мужъ, съ младенчества честный и питаемый рукою ангельскою! Ты былъ первымъ учителемъ покаянія; ты былъ проповѣдникомъ предъ крещеніемъ (Спасителя); ты одинъ былъ учителемъ образа истины, находясь еще во чревѣ матери и пророчествуя о Христѣ, водворяющемся въ нѣдрахъ Отца небеснаго! ты осудилъ Иродіаду на вѣчное мѣсто осужденія! На землѣ обрѣлась только твоя глава, которая беззаконно осуждена была на пиру царскомъ быть положенною на блюдѣ и принесена царю не на серебряномъ и не на золотомъ, — ибо это гнусно для тебя, — но на чистомъ стеклянномъ блюдѣ.

Иродіада не научила свою дочь закону Моисееву, не научила ее пророческимъ книгамъ, ни псалмопѣніямъ, но научила дочь играть въ неистовую игру. Посему она, получивъ за пляску правдивую главу, сама усѣчена была льдомъ, и голова ея принесена была на лово отца ея; сама же она оставалась внизу подъ льдомъ, усѣкнувшимъ ее въ водѣ. О вода, Святымъ Іоанномъ благословенная, изощренная на подобіе желѣзной бритвы, не только очищающая грѣхи, но и уготовавшая скорый конецъ племени Иродову, возставшему на кровь неповинную! Іоанна усѣкли мечемъ, а она замерзшею водою усѣчена была. О вода благословенная, очищающая грѣхи! О вода, острѣйшая меча, отсѣкающая главу на обличеніе невѣрнымъ! О гробъ святаго мужа, въ храмѣ Господнемъ сокровенный, гробъ же нечестивыхъ подъ землею не принимающій плоти! Тѣла ихъ съѣдены нетопырями и червями и птицами всякими, а иныя поглощены были водою. О гробъ нечестивыхъ, исполненный всякаго трепета и скрежета зубовъ!

Усѣченъ же былъ святый Іоаннъ изъ-за Иродіады Иродомъ царемъ мѣсяца Августа 29. Молитвами Святаго и славнаго пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна да получимъ вѣчную жизнь мы, почитающіе славное его усѣкновеніе во славу пресвятыя единосущныя и безначальныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, Которой слава и держава, честь и поклоненіе нынѣ и всегда и въ безконечные вѣки. Аминь.

Мѣсяца Септемврія въ 5-й день слово о убіеніи Захаріинѣ [1])

Въ сороковой годъ, когда царствовалъ Иродъ, онъ сотворилъ взысканіе избить всѣхъ младенцевъ въ Іерусалимѣ. Тогда Іосифъ, получивъ совѣтъ отъ ангела, то есть отъ силы Бога вышняго, и взявши младенца и матерь его, привелъ въ Египетъ и прожилъ тамъ двѣнадцать мѣсяцевъ [illegible] Анфея, нѣкоего человѣка Божія». Когда же искали Іисуса и не находили Его, то Иродъ, разгнѣвавшись великою яростію, немедленно повелѣлъ избить всѣхъ младенцевъ въ Виѳлеемѣ до двухъ лѣтъ. Тогда и Елисавета, взявши сына своего Іоанна, бѣжала въ гору. Иродъ же, искавъ и ненашедши Іоанна, послалъ убійцъ своихъ къ отцу его Захаріи, спрашивая: «скажи, гдѣ сынъ твой Іоаннъ?» Захарія сказалъ въ отвѣтъ: «я — служитель Господа Бога Израилева, — и какъ я могу знать о своемъ сынѣ, гдѣ онъ находится?» И возвратившись слуги, передали царю слова Захаріи. Онъ же, еще болѣе распалившись гнѣвомъ, сказалъ: «не его ли сынъ имѣетъ царствовать въ Израилѣ?» И снова послалъ ихъ къ нему, говоря: «идите, настоятельно потребуйте у него, и если онъ выдастъ своего сына, то не троньте его; если же нѣтъ, то схватите и приведите его ко мнѣ». Слуги же мучителя, пришедши къ Захаріи, сказали ему: «выдай намъ сына своего! если же не выдашь, то кровь твою прольемъ въ храмѣ Божіемъ». И сказалъ Захарія: «хотя и прольете мою кровь, но за то Господь взыщетъ душу мою на небесахъ». И немедленно въ ту же ночь убили его предъ дверьми храма. Онъ же, ползая, достигъ до олтаря, и тутъ пролилась кровь его и ссѣлась и была какъ камень, въ обличеніе и осужденіе Ирода. И на другой день пришли люди и не видѣли, чтобы онъ вышелъ къ нимъ, какъ онъ обыкновенно выходилъ къ нимъ, и онъ не являлся къ нимъ. Одинъ же изъ нихъ, осмѣлившись, вошелъ внутрь святилища и услышалъ голосъ, говорящій изъ олтаря: «Захарія убитъ». И подошедши, онъ увидѣлъ ссѣвшуюся кровь, но тѣла не было. И плакали о немъ семь дней.

---

[1]) Рукоп. преп. Іова, л. 59—60. Текстъ сличенъ со спискомъ, находящимся въ Церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Дух. Академіи; по печатному описанію рукописей № 676.

Когда же Елисавета находилась въ горахъ, то объялъ ее великій страхъ, ибо она думала, что будетъ схвачена убійцами Иродовыми. И тотчасъ она возопила, говоря: «гора Божія, прими матерь съ чадомъ, преслѣдуемую беззаконникомъ»! И благій Богъ, подающій нымъ прежде Крещенія нашего, тотчасъ послалъ архангела своего Уріила, который повелѣлъ горѣ разступиться и устроилъ жилище праведникамъ; Іоаннъ вошелъ съ ними и служилъ имъ, совершенно заградивши совнѣ входъ въ это мѣсто; онъ повелѣлъ и водѣ истечь въ разсѣлину. И по правой сторонѣ появился хорошій источникъ воды, а по лѣвой — хлѣбъ предложенія; и питалась Елисаветъ хлѣбами, а Іоаннъ молокомъ. Иродъ же, услышавъ, что Елисаветъ находится въ горахъ, послалъ туда слугъ своего мучительства. И отправившись, они дошли до пути въ разсѣлину и, много искавши, ничего не нашли и возвратились къ Ироду безъ успѣха.

После того, какъ Іоаннъ пробылъ въ пустынѣ четыре мѣсяца, пришелъ Господь изъ Египта съ архангеломъ Гавріиломъ въ Виѳлеемъ Іудейскій, въ храмъ Божій, и повелѣлъ Уріилу привести Іоанна изъ горы въ храмъ ночью. И пришли изъ сонма безчисленныхъ ангеловъ четыре силы, Михаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ, Уріилъ; среди нихъ находилось и тѣло Захаріи, и вошелъ въ него духъ жизни, и вставши, всѣ они служили Богу. Спаситель повелѣлъ, и истекла вода на томъ мѣстѣ, гдѣ святая святыхъ, и въ храмѣ Божіемъ явился безсмертный источникъ: и Онъ крестилъ въ немъ сначала Іоанна, а потомъ крестилъ и отца его Захарію. И сказали ангелы: аминь. И опять они восклицали, говоря: «Святъ Святъ, Святъ Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, сѣдящій на престолѣ славы»! И вотъ, повелѣніемъ Отца свѣтовъ явилась купель небесная. И снова сказали ангелы: аминь. И повелѣлъ Богъ почить Захаріи. И ангелы, обвивши тѣло Захаріи, погребли оное въ храмѣ Божіемъ предъ алтаремъ. И пошелъ Господь Богъ съ Гавріиломъ въ Египетъ, а Уріилъ съ Іоанномъ въ пустыню къ Елисаветѣ.

Такія-то чудеса и знаменія совершились. И когда Іоаннъ, бывши 9-ти мѣсяцевъ, началъ вставать на ноги и ходить, ангелъ сказалъ Елисаветѣ: отними младенца и не давай ему груди, но пусть будетъ пищею ему дикій медъ на верхушкахъ финиковыхъ. Ибо надъ дре-сѣнною выросъ весьма красивый финикъ, и когда наступала пора ѣсть, дерево это склонялось къ Іоанну. Медъ же дикій означаетъ воды крещенія, такъ какъ *отъ дивія мѣста сладость прозябе*, то есть дикій медъ.

Когда же Іоаннъ былъ 13-ти мѣсяцевъ, ангелъ сказалъ Елисаветѣ: «выйди отсюда, ибо Иродъ уже умеръ». Также и въ Египтѣ сказано было Іосифу: «выйди изъ Египта». И услышавъ Іосифъ, что Архелай царствуетъ вмѣсто отца своего Ирода, побоялся идти туда, но бѣжалъ въ Галилею, въ городъ Назаретъ. Случилось же быть тамъ и Елисаветѣ, и цѣловались Марія и Елисавета, Іисусъ и Іоаннъ. Тогда исполнилось сказанное пророкомъ: *отъ Египта воззвахъ Сына Моего* (Мате. 2, 15). И еще пророкъ сказалъ: *яко Назорей наречется* (— ст. 23). И еще: *Галилея языкъ. Людіе, сѣдящіи во тмѣ, видѣша свѣтъ велій* (Мате. 4, 15—16). Когда Іоаннъ руководимъ былъ ангеломъ Уріиломъ, то, будучи пяти лѣтъ, облекся въ одежду изъ верблюжьихъ волосъ, и носилъ кожанный поясъ на чреслахъ своихъ. Другой же лучшей одежды онъ не захотѣлъ, кромѣ этой, которая увеличивалась вмѣстѣ съ ростомъ, и до конца осталась нераздранною, какъ одежда Господня, сверху истканная и нешвенная. Когда же Іоанну было 12-ть лѣтъ, о немъ узналъ Архелай, сынъ Ирода, — и онъ бѣжалъ въ Галилейскій городъ (Назаретъ). Царствовалъ же Архелай 9 лѣтъ. Надъ нами же царствуетъ Іисусъ Христосъ Господь нашъ, Которому слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ нынѣ и всегда и въ безконечные вѣки. Аминь.

Мѣсяца Декемврія въ 5 день житіе святаго отца нашего и наставника пустынскаго Саввы освященнаго [1].

Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, побудившій Ваше преподобіе приказать моему недостоинству, описать и послать къ Вашему преподобію богоугодную жизнь совершившихъ на землѣ путь свой святыхъ отцевъ нашихъ Евѳимія и Саввы. Богъ, по неизреченному своему милосердію, источилъ чрезъ нихъ мнѣ бѣдному каплю слова и отверзъ уста мои для исполненія столь полезнаго вашего приказанія: и я уже написалъ нѣчто о честномъ отцѣ нашемъ Евѳиміѣ, написалъ весьма немногое и несоотвѣтствующее величію его духа. Ибо я не могъ найти много свѣдѣній о немъ; ибо уже 80 лѣтъ прошло, какъ отошелъ онъ къ Богу. По сей причинѣ и немногія сказанія о немъ съ трудомъ могъ я собрать воедино. Я ходилъ по разнымъ мѣстамъ, чтобы найти и собрать сіи душеспасительныя сказанія, и такимъ образомъ извлекалъ оныя изъ глубины долговременнаго забвенія, дабы время не истребило ихъ для насъ совершенно.

Теперь время побуждаетъ меня привесть въ исполненіе и остальное изъ вашихъ приказаній и написать нѣчто о славномъ отцѣ нашемъ Саввѣ. Свѣдѣнія о немъ я тщательно и съ трудомъ собралъ отъ достовѣрныхъ святыхъ мужей, которые были его учениками и сподвижниками, и которые донынѣ подражаютъ его жизни и освѣщаютъ намъ пути къ Богу. Сдѣлать сіе я обѣщался еще въ описаніи жизни св. Евѳимія. Впрочемъ, я знаю собственное свое невѣдѣніе и недостоинство. Но, не смотря на сіе, приступая къ исполненію предпріятія, превышающаго мои силы, я дѣлаю сіе не по гордости, но потому, что знаю худое послѣдствіе непослушанія и страшную угрозу, содержащуюся въ сихъ словахъ: *лукавый рабе и лѣнивый! подобаше убо тебѣ вдати сребро мое торжникомъ* (Матѳ. 25, 26 и 27). Итакъ, я умоляю всѣхъ вообще, кому случится читать эти мои сочиненія, особливо же умоляю твое Преподобіе, честнѣйшій и чадолюбивѣйшій отецъ Георгій, вопервыхъ молить Владыку Бога, чтобы Онъ простилъ меня бѣднаго въ моей порочной жизни и во многихъ грѣхахъ моихъ; потомъ умоляю вѣрить всему что мною уже сказано или будетъ говорено теперь. Для сего я съ точностію упоминалъ о времени, мѣстахъ, лицахъ и именахъ, дабы удобно было провѣрить истину моего повѣствованія. Будучи увѣренъ, что Богъ помогаетъ и содѣйствуетъ мнѣ, я начну повѣствованіе о Саввѣ.

---

[1] Въ рукописи преп. Іова, на л. 56 на об., сохранилось только начало, остальное заимствовано изъ христіанскаго чтенія за 1823 годъ, ч. XII. Въ подлинникѣ составлено Кирилломъ Скиѳопольскимъ.

Савва, нынѣ сдѣлавшійся гражданиномъ небеснаго града, родомъ былъ изъ села Муталаски, Каппадокійской области Село сіе зависѣло отъ Кесаріи и прежде по своей незначительности и неважности было неизвѣстно, но потомъ у всѣхъ сдѣлалось весьма славнымъ вслѣдствіе происхожденія изъ него этого божественнаго юноши, подобно тому, какъ селеніе Армаѳемъ, бывшее прежде неизвѣстнымъ и весьма маловажнымъ, сдѣлалось славнымъ во всемъ мірѣ съ того времени, какъ въ немъ родился Самуилъ, съ младенчества посвященный Богу (1 Цар. 1, 1 и слѣд.). У Саввы родители были христіане и притомъ весьма благородные, по имени Іоаннъ и Софія. Онъ родился отъ нихъ въ 17-й годъ правленія Ѳеодосіева, какъ это мы вѣрно знаемъ по точному исчисленію лѣтъ жизни его. Вскорѣ по рожденіи Саввы, отецъ его взятъ въ воинское состояніе въ Александрію, причисленъ къ такъ называемымъ Исаврянамъ и по сему случаю съ своею супругою переселился изъ Каппадокійской страны въ Александрію. Священный юноша Савва, будучи тогда около 5 лѣтъ, по Божію провидѣнію, оставленъ съ родительскимъ имѣніемъ въ помянутомъ селеніи Муталаскѣ у своего дяди по матери, именемъ Ермія, у котораго жена была злонравная. По сей причинѣ, испытывая здѣсь неудовольствія, онъ удалился къ Григорію, который былъ ему дядей по отцѣ, и который жилъ въ селеніи Скандѣ, отстоящемъ отъ Муталаски на три стадіи.

По прошествіи непродолжительнаго времени, когда дяди его Ермій и Григорій начали между собою спорить о немъ и объ имѣніи его родителей: Савва, подобно великому пророку Іеремія (Iерем. 1, 5), будучи предъизбранъ Богомъ отъ чрева матери и предузнанъ прежде зачатія своего, презрѣлъ все житейское и удалился въ монастырь, называемый Флавіаны, отстоящій на 20 стадій отъ села Муталаски. Будучи принятъ въ оный отъ архимандрита и причисленъ къ монашескому лику, онъ научился строгости монашеской жизни: въ короткое время изучилъ псалтирь и узналъ прочія постановленія общежительнаго устава. Между тѣмъ упомянутые его дяди помирились между собою и многократно покушались склонить его къ выходу изъ монастыря, дабы, какъ они говорили, онъ вступилъ во владѣніе землями, принадлежащими его родителямъ. Сверхъ сего, они убѣждали его вступить въ бракъ; но Савва, будучи охраняемъ Богомъ, избралъ *лучше день единъ во дворѣхъ* Божіихъ, нежели предаться мірскимъ суетамъ (Пс. 83, 11). По этому онъ никакъ не согласился оставить сію скромную жизнь; ибо онъ имѣлъ въ мысляхъ сіе изреченіе Господа: *никто же возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. 9, 62). Притомъ Савва размышлялъ и говорилъ самъ въ себѣ такимъ образомъ: тѣхъ, которые мнѣ совѣтуютъ оставить Бога, я убѣгаю какъ змѣй; ибо тлятъ обычая благи бесѣды злы (1 Кор. 15, 33); я боюсь, чтобы, ослабѣвши отъ непрерывныхъ заботъ, не подпасть проклятію пророка, который говоритъ: *прокляти уклоняющіися отъ заповѣдей твоихъ* (Псал. 118, 21). Таковъ былъ Савва издѣтства въ ревности къ благочестію!

Однажды, когда онъ работалъ въ монастырскомъ саду, родилось у него желаніе съѣсть прежде опредѣленнаго часа яблоко, которое на видъ было красиво и весьма вкусно. Будучи распаленъ симъ желаніемъ, онъ сорвалъ яблоко съ дерева, но размысливши, мужественно преодолѣлъ себя и благочестивыми мыслями упрекалъ себя такимъ образомъ: красивъ былъ для взора и пріятенъ для вкуса тотъ плодъ, который умертвилъ меня чрезъ Адама. Адамъ предпочелъ духовной красотѣ то, что казалось пріятнымъ для тѣлесныхъ очей, и насыщеніе чрева сочелъ болѣе драгоцѣннымъ, чѣмъ духовныя удовольствія, но чрезъ это онъ ввелъ смерть въ міръ. Итакъ, я не долженъ презирать добродѣтель воздержанія, не долженъ отягчаться душевною дремотою. Ибо, какъ появленію всякихъ плодовъ предшествуетъ цвѣтъ: такъ воздержаніе предшествуетъ всякой добродѣтели. Сими благочестивыми мыслями Савва преодолѣлъ свое пожеланіе, бросилъ яблоко на землю и топталъ его ногами, попирая вмѣстѣ съ яблокомъ и пожеланіе. Въ это время онъ положилъ себѣ за правило не вкушать яблоко до смерти. Послѣ сего случая онъ получилъ силу свыше и предался воздержанію; поелику оно обуздываетъ злые помыслы и прогоняетъ тяжесть сна. При воздержаніи онъ трудился и тѣлесно; ибо помнилъ пѣснь Давида, который взывалъ къ Богу: *виждь смиреніе мое, и трудъ мой, и остави вся грѣхи моя* (Псал. 24, 18). Посему онъ со всякимъ смиреніемъ и ревностію очищалъ свою душу постомъ, а тѣло изнурялъ трудомъ до изнеможенія, и имѣя въ упомянутомъ монастырѣ Флавіанахъ 60 или 70 сподвижниковъ, всѣхъ ихъ превзошелъ смиреніемъ, послушаніемъ и благочестивыми трудами.

Въ повѣствованіяхъ о юношескихъ его подвигахъ находится и слѣдующее. Монастырскій хлѣбникъ въ ненастное время, когда не было солнца, разостлавши мокрыя одежды свои въ теплой печи, чтобъ онѣ тамъ просохли, забылъ о нихъ. Черезъ день, когда вынули хлѣбы, нѣкоторые изъ братій, въ числѣ коихъ былъ и чудный Савва, по приказанію настоятеля, работали въ хлѣбнѣ. Когда они затопили печь, тогда хлѣбникъ вспомнилъ объ одеждахъ. Сдѣлалось безпокойство, и никто не смѣлъ войти въ печь, такъ какъ она была велика и весьма разгорѣлась. Юный Савва, будучи старцемъ по несомнѣнной вѣрѣ, укрѣпившись оною и вооружившись знаменіемъ креста, вскочилъ въ печь и, взявши одежды, вышелъ изъ нея невредимымъ. Богъ, сотворившій чудо въ Вавилонѣ и сохранившій невредимыми отъ огня трехъ отроковъ съ ихъ одеждами и головными покрывалами, сохранилъ въ печи и одежду невредимою отъ огня, а чрезъ нее возвѣстилъ всѣмъ о божественной благодати, которая имѣла возсіять въ рабѣ Его, отрокѣ Саввѣ. Отцы, увидѣвши сіе необыкновенное чудо, прославляли Бога и говорили: «каковъ будетъ сей юноша, который въ молодыхъ лѣтахъ удостоился такой благодати!» Сіе извѣстіе я написалъ точно такъ, какъ слышалъ оное отъ Григорія пресвитера и его двоюроднаго брата по отцѣ,—написалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы читающимъ это показать, какова была въ юномъ Саввѣ вѣра, каковъ разумъ и сколь велики были его преимущества предъ другими. Стараясь возрастать отъ славы въ славу и *восхожденія въ сердцѣ своемъ полагая* (Псал. 83, 6), Савва провелъ 10 лѣтъ въ семъ монастырѣ и возымѣлъ богоугодное желаніе посѣтить святый градъ и остаться въ пустынѣ, лежащей близь онаго; ибо надлежало сей *пустынѣ быть созданной* отъ него и такимъ образомъ исполниться словамъ, сказаннымъ о ней краснорѣчивымъ Исаіею (Иса. 58, 12). Посему, пришедши къ архимандриту, просилъ его, чтобы онъ отпустилъ его съ молитвою. Когда архимандритъ не̂ хотѣлъ отпустить его; то открылось ему божественное видѣніе, въ которомъ сказано ему: «отпусти Савву послужить Мнѣ въ пустынѣ!» Послѣ сего, архимандритъ призвалъ его къ себѣ и тайно сказалъ ему: «будучи побуждаемъ божественнымъ видѣніемъ, я отпускаю тебя, сынъ мой, иди въ мирѣ, но такъ, чтобы никто изъ братій не зналъ о семъ; Господь да будетъ съ тобою!» Такимъ образомъ Савва, будучи путеводимъ Богомъ, пришелъ въ Іерусалимъ на 18-мъ году жизни, въ концѣ царствованія благочестиваго Маркіана, во время Ювеналіева патріаршества въ Іерусалимѣ. Здѣсь принялъ его одинъ Каппадокійскій старецъ въ монастырѣ аввы Пассаріона, находившимся тогда подъ управленіемъ архимандрита Елпидія. Рабъ Божій Савва, проведши въ семъ монастырѣ зиму, не согласился долѣе оставаться въ немъ, хотя старецъ и убѣждалъ его къ тому. Равнымъ образомъ и другіе многіе приглашали его въ различныя мѣста монашескихъ общежительныхъ монастырей, но онъ ни къ одному изъ нихъ не присоединился, потому что издѣтства любилъ спокойствіе и посвятилъ себя Богу.

Но поелику ото всѣхъ почти онъ слышалъ о великомъ Евѳиміѣ, который подвизался тогда въ пустынѣ, лежащей къ востоку отъ святаго града, и сіялъ на подобіе свѣтила и всюду испускалъ лучи чудесъ своихъ: то, воскрылившись умомъ своимъ, возжелалъ увидѣть сего святаго. Итакъ, пришедши къ блаженному Елпидію, онъ объявилъ ему о своемъ желаніи и съ молитвою отпущенъ былъ отъ него съ нѣкіимъ проводникомъ. Пришедши въ показанное мѣсто и постоянно пребывая съ находившимися тамъ отцами, въ субботній день онъ увидѣлъ великаго Евѳимія идущимъ въ церковь и со слезами просилъ его, чтобы онъ причислилъ его къ находящимся подъ его смотрѣніемъ братіямъ. Но великій Евѳимій отсовѣтовалъ ему и говорилъ: «Сынъ мой! я думаю, что не прилично тебѣ столь молодому оставаться въ лаврѣ; да и лаврѣ нѣтъ никакой пользы имѣть у себя юношу, и тебѣ юношѣ неприлично быть между отшельниками. Итакъ, поди къ аввѣ Ѳеоктисту въ обитель, лежащую ниже! тамъ ты получишь себѣ великую пользу». На сіе блаженный Савва отвѣтствовалъ: честной отецъ! я знаю, что промышляющій о всѣхъ Богъ, желая моего спасенія, самъ показалъ мнѣ путь придти подъ святыя твои руки. Итакъ, я сдѣлаю, что ты мнѣ приказываешь». Тогда великій Евѳимій послалъ его къ блаженному Ѳеоктисту и увѣдомилъ сего послѣдняго, чтобы онъ имѣлъ попеченіе о Саввѣ, поелику сей благодатію Христовою имѣлъ прославиться въ монашеской жизни. Великій Евѳимій сдѣлалъ это, какъ мнѣ кажется, не просто, но по прозорливости. Онъ предвидѣлъ, что Савва будетъ архимандритомъ всѣхъ палестинскихъ отшельниковъ, что сверхъ сего онъ устроитъ весьма великую и весьма славную лавру, которая будетъ превосходнѣе всѣхъ палестинскихъ лавръ; что онъ будетъ начальникомъ и законодателемъ всѣхъ отшельниковъ, которые уединяются въ самихъ себя. Посему онъ далъ ему законъ не принимать никого безъ бороды, и этотъ древній законъ, бывшій въ силѣ у древнихъ отцевъ, приказалъ предать настоятелямъ и другихъ лавръ. Извѣстно же, что все, отличающееся своею древностію, находится въ уваженіи.

Поступивши подъ начальство блаженнаго Ѳеоктиста, отецъ нашъ Савва всего себя предалъ Богу. Все, что принадлежало ему какъ собственность, онъ отдалъ въ руки Ѳеоктиста и посвятилъ себя на всякое подвижническое дѣло. Проводя дни въ тѣлесномъ трудѣ, онъ основаніемъ и началомъ своей жизни положилъ смиреніе и послушаніе. Будучи способенъ и весьма ревностенъ къ совершенію божественнаго служенія, онъ прежде всѣхъ входилъ въ церковь и выходилъ изъ ней послѣ всѣхъ; при великихъ душевныхъ силахъ, онъ и тѣломъ былъ великъ и силенъ. Посему, когда всѣ монахи рубили въ пустынѣ только по одной связкѣ прутьевъ для корзинъ и носили въ киновію,—Савва рубилъ и носилъ по три. Притомъ онъ усердно услуживалъ при богослуженіи. Сверхъ сего, иногда носилъ и воду и дрова и такимъ образомъ старался всѣмъ услужить. Былъ онъ довольно долгое время смотрителемъ надъ лошаками, исправлялъ и другія различныя должности и все это исполнялъ неукоризненно и безпорочно, такъ что отцы киновіи удивлялись столь великому усердію и услужливости юнаго Саввы.

Одинъ братъ въ киновіи, родомъ Александріянинъ, по имени Іоаннъ, часто просилъ блаженнаго Θеоктиста, чтобы онъ отпустилъ его въ Александрію привесть въ порядокъ родительское имѣніе; ибо сей Іоаннъ слышалъ, что родители его не задолго передъ тѣмъ скончались, при чемъ просилъ, чтобы онъ позволилъ ему взять съ собою изъ монаховъ спутникомъ Савву, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ участіе въ его трудахъ и заботахъ. Блаженный Θеоктистъ согласился на просьбу Іоанна и послалъ съ нимъ въ Александрію Савву. Когда они туда прибыли и старались отыскать родительское имѣніе; то мать блаженнаго Саввы Софія и отецъ его Іоаннъ, который тамъ, перемѣнивъ свое имя, назывался Кономомъ и начальствовалъ надъ отрядомъ Исаврянъ, узнали его, убѣждали остаться въ Александріи и вступить въ воинскую службу, съ тѣмъ, чтобы быть ему первымъ въ отрядѣ. Но онъ отвергнулъ ихъ убѣжденія и сказалъ: «я вступилъ въ военную службу къ царю всѣхъ Богу и не могу оставить сей службы. Тѣхъ, которые хотятъ отвлечь меня отъ него и всѣми силами стараются принудить къ сему, я не могу называть своими родителями. Я твердо намѣренъ пребыть въ сихъ мысляхъ до послѣдняго издыханія и надѣюсь скончаться въ святой жизни подвижничества». Итакъ, при всѣхъ стараніяхъ не могши ослабить его твердости и удержать его у себя, родители давали ему двадцать какихъ-то монетъ для издержекъ; но онъ не принималъ ихъ. Впрочемъ видя, что они очень опечалились этимъ, въ угожденіе имъ взялъ только три монеты, и потомъ скоро вышелъ изъ Александріи вмѣстѣ съ Іоанномъ, съ которымъ онъ былъ посланъ. Пришедши въ киновію, онъ отдалъ три монеты въ руки великаго Θеоктиста.

Когда оканчивался десятый годъ пребыванія Саввы въ сей киновіи, скончался треблаженный Θеоктистъ въ третій день мѣсяца Сентября, въ четвертый индиктіонъ. Великій Евθимій, пришедши въ киновію, предалъ погребенію побѣдоносное тѣло Θеоктиста и преемникомъ правленія его поставилъ нѣкоего чуднаго Мариса. Но какъ и сей послѣ двухгодичнаго управленія богоугодно скончался: то опять пришелъ великій Евѳимій, погребъ его въ одной могилѣ съ блаженнымъ Ѳеоктистомъ и начальство надъ киновіей вручилъ нѣкоему добродѣтельному Лонгину. Тогда отецъ нашъ Савва, будучи уже на тридцатомъ году жизни, но, несмотря на то, превосходя всѣхъ старшихъ его по лѣтамъ въ киновіи пощеніемъ, бдѣніемъ, незлобіемъ, смиреніемъ и послушаніемъ, просилъ авву Лонгина, чтобы онъ позволилъ ему жить въ пещерѣ, которая находилась внѣ киновіи, къ югу въ утесѣ. Авва Лонгинъ, видя его отличную добродѣтель, постоянство и чистоту нравовъ, ревность и усердіе къ молитвамъ, донесъ о его желаніи великому Евѳимію, и поелику сей сказалъ — «не препятствуй ему подвизаться такъ, какъ онъ хочетъ», то Лонгинъ позволилъ Саввѣ жить въ пещерѣ къ югу, по пяти дней въ недѣлѣ. Отецъ нашъ Савва, получивши желаемое позволеніе, провелъ пять лѣтъ слѣдующимъ образомъ: въ день воскресный въ вечеру выходилъ онъ изъ киновіи съ такимъ количествомъ пальмовыхъ вѣтвей, которое достаточно было для работы на недѣлю, оставался въ пещерѣ пять дней, не принимая никакой пищи, и въ субботу по-утру возвращался въ киновію и приносилъ съ собою пятидневное рукодѣліе—пятьдесятъ отдѣланныхъ корзинъ. Великій Евѳимій, узнавши о такой его жизни, бралъ его съ собою вмѣстѣ съ блаженнымъ Дометіаномъ въ большую пустынь Руву, мѣсяца Генваря 14 дня. Ибо Евѳимій увѣренъ былъ въ немъ; онъ называлъ его отрокомъ—старцемъ и, какъ искусный воспитатель дѣтей, руководствовалъ его къ высшимъ добродѣтелямъ и упражнялъ въ нихъ. Въ этой пустынѣ, будучи отдѣлены отъ всякаго общенія съ людьми, они оставались до праздника вайй.

Однажды великій Евѳимій вмѣстѣ съ Дометіаномъ и Саввою вышелъ изъ Рувы, съ тѣмъ, чтобы пройти чрезъ всю пустыню, лежащую за мертвымъ моремъ къ полудню. Когда они пришли въ безводныя мѣста и тамъ долго оставались: то отъ чрезмѣрнаго жара блаженный Савва, почувствовавъ сильную жажду, не могъ идти далѣе и упалъ. Вѣроятно, это случилось отъ того, что находящаяся въ его внутренности влажность истощилась отъ чрезмѣрнаго жара. Старецъ, сжалившись надъ нимъ, отошелъ отъ него на разстояніе брошеннаго камня, палъ на лице и произнесъ слѣдующую молитву: «Господи Боже! дай въ землѣ жаждущей воду, которая бы утолила жажду юноши!» По окончаніи молитвы, Евѳимій призвалъ къ себѣ Савву и небольшимъ орудіемъ покопалъ три раза землю и открылъ ему источникъ воды. Напившись ея, Савва пришелъ въ себя, и съ сего времени получилъ божественную силу къ перенесенію трудностей пустынной жизни. Спустя нѣсколько времени, въ пятнадцатый годъ патріаршества Анастасіева въ Іерусалимѣ, великій отецъ нашъ Евѳимій *въ миръ уснулъ и почилъ, яко Господь на упованіи вселилъ его* (Псал. 4, 9).

Тогда великій Савва, будучи 35 лѣтъ отъ роду, увидѣлъ, что въ киновіи образъ жизни перемѣнился, когда отцы обители скончались; поэтому онъ удалился въ ту восточную Іорданскую пустыню, въ которой тогда сіялъ святый Герасимъ на подобіе свѣтила и сѣялъ сѣмена благочестія. Пребывая въ пустынѣ, Савва самою жизнію своею пѣлъ сіе Давидово изреченіе: *се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни* (Псал. 54, 8). Тамъ онъ проводилъ время въ тишинѣ, постѣ и непрестанныхъ молитвахъ и, соотвѣтственно словамъ писанія *упраздните и разумѣйте, яко азъ есмь Богъ* (Псал. 45, 11), содѣлывалъ умъ свой чистымъ зеркаломъ Бога и божественныхъ предметовъ. Діаволъ, желая отвлечь его отъ такой жизни, по зависти своей вымышлялъ для него многія искушенія. Такъ, однажды въ полночь Савва лежалъ на пескѣ, и діаволъ, преобразившись въ змѣй и скорпіоновъ, старался устрашить его. Хотя Савва сначала сильно устрашился, но скоро понялъ, что это хитрость діавола. Посему онъ, оградившись крестнымъ знаменіемъ и отогнавши страхъ, смѣло всталъ и сказалъ: «хотя ты и стараешься устрашить меня, но самъ остаешься побѣжденнымъ, потому что со мною Господь Богъ. Онъ далъ намъ власть надъ тобою сими словами: *се даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію, и на всю силу вражію*» (Лук. 10, 19). Какъ скоро онъ произнесъ это, то исчезли эти ядовитыя животныя. Также однажды явился ему сатана въ видѣ самаго страшнаго льва, который шелъ противъ него и свирѣпымъ своимъ видомъ угрожалъ ему. Савва, увидѣвши страшное приближеніе къ нему звѣря, сказалъ: «если ты получилъ надо мною власть, то что̀ медлишь? если же не получилъ, то для чего напрасно трудишься? Ты не можешь отвлечь меня отъ Бога; ибо онъ Самъ научилъ меня мужеству сими словами: *на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія*» (Псал. 90, 13). Какъ скоро Савва произнесъ эти слова, то звѣрь сталъ невидимъ. И съ того времени Богъ покорилъ Саввѣ всякое ядовитое и хищное животное, такъ что, находясь въ пустыняхъ съ этими животными, онъ не терпѣлъ отъ нихъ никакого вреда.

Въ то же время онъ встрѣтился съ четырьмя Сарацынами, которые томились жаждою и изнемогали. Сжалившись надъ ними, Савва приказалъ имъ сѣсть; но, не имѣя у себя ничего, кромѣ дикихъ кореньевъ и сердцевины изъ тростника, высыпалъ оныя предъ ними изъ своей небольшой милоти. Варвары, насытившись сею пищею, разспросили у него, въ которой Рувійской пещерѣ живетъ онъ. Потомъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, когда у нихъ было довольно съѣстныхъ припасовъ, принесли ему хлѣбы, сыръ и финики. Отецъ нашъ Савва, удивившись сей признательности варваровъ, пришелъ въ сердечное сокрушеніе и со слезами говорилъ: «горе мнѣ, душа моя! какое великое стараніе употребили сіи варвары для того, чтобы возблагодарить меня за ничтожную услугу! Что̀ же должны дѣлать мы бѣдные и неблагодарные, мы, которые ежедневно наслаждаемся столь многочисленными благодѣяніями и дарами Божіими и несмотря на это проводимъ жизнь свою въ безпечности и нерадѣніи и не стараемся благоугождать подателю даровъ Богу исполненіемъ заповѣдей Его и непрестаннымъ приношеніемъ Ему *плода устенъ, исповѣдающихся имени Его* (Евр. 13, 15)? Пребывая въ семъ сокрушеніи, Савва дни и ночи проводилъ въ молитвѣ Божіей.

Въ эту же Рувійскую пустыню пришелъ къ Саввѣ одинъ достопамятный монахъ, по имени Анѳъ, и началъ жить вмѣстѣ съ нимъ. Сей монахъ нѣсколько времени жилъ вмѣстѣ и съ треблаженнымъ аввою Ѳеодосіемъ при церкви, такъ называемой Сѣдалищной. Во время пребыванія Саввы и Анѳа въ сей пустынѣ напали на нихъ шесть Срацынъ, которые были варвары и разбойники. Они, сговорившись между собою, послали къ блаженнымъ одного своего товарища испытать ихъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, что, если монахи будутъ сопротивляться одному, всѣмъ придти къ нимъ и обоихъ взять въ плѣнъ. Блаженные отцы, видя опасность, нимало не устрашились, но око души обратившись къ Богу, усердно молились объ избавленіи отъ нападенія сихъ безчеловѣчныхъ разбойниковъ. Тотчасъ разверзлась земля и поглотила того разбойника, который пришелъ испытать ихъ. Остальные, увидѣвъ это страшное чудо, объяты были страхомъ и убѣжали. Съ сего времени отецъ нашъ Савва получилъ божественный даръ не страшиться нападенія разбойниковъ. Въ то же время великій отецъ нашъ Савва, благодаря сожительству съ блаженнымъ Анѳомъ, въ первый разъ сдѣлался извѣстенъ блаженному аввѣ Ѳеодосію, который тогда еще не основалъ своей священнѣйшей обители.

Святый отецъ нашъ Савва, проведши четыре года въ сихъ пустыняхъ, когда обходилъ и осматривалъ прочія пустынныя мѣста, пришелъ и на ту гору, которая выше всѣхъ, и на которой нѣкогда блаженная Евдокія слушала ученіе великаго Евѳимія. Здѣсь во время молитвы, продолжавщейся цѣлую ночь, явился Саввѣ нѣкій ангельскій образъ въ сіяющей одеждѣ, указалъ ему на сухой потокъ, идущій отъ Силоама съ южной стороны сей горы, и сказалъ ему: «ежели ты хочешь населить эту пустыню подобно городу: то обратись къ восточной сторонѣ сего потока, ты увидишь предъ собою пещеру, которая никѣмъ небыла занимаема, взойди и поселись въ ней. *Дая́й скотомъ пищу и птенцемъ врановымъ призывающимъ Его* будетъ промышлять и о тебѣ». По окончаніи видѣнія, Савва, пришедши въ себя и увидѣвши показанный къ югу потокъ, обрадовался, сошелъ съ горы и, будучи путеводимъ Богомъ, нашелъ ту пещеру, о которой говорило ему видѣніе. Вошедши въ нее, онъ поселился въ ней въ началѣ 40-го года своей жизни. Въ это время умеръ іерусалимскій архіепископъ Анастасій, занимавшій патріаршескій престолъ 19 лѣтъ. Преемникомъ по себѣ онъ оставилъ Мартирія. Въ это же время римскій императоръ Зенонъ, умертвивъ тиранна Василиска, возвратилъ себѣ свой престолъ. Отецъ нашъ Савва, поселившись въ упомянутой пещерѣ, привѣсилъ къ отверстію ея веревочку и, при помощи ея, восходилъ и нисходилъ, поелику безъ веревочки трудно было восходить къ ней. Воду бралъ онъ стадій за пятнадцать изъ озера, называемаго семи-устнымъ. По прошествіи нѣкотораго времени, пришли къ нему четыре Сарацына, и поелику они не могли взойти къ его пещерѣ, то освященный Савва, увидѣвши это, спустилъ имъ веревочку и такимъ образомъ позволилъ взойти къ себѣ. Сарацыны, взошедши къ нему и ничего не нашедши у него, удивились его нищетѣ и образу жизни. Ушедши отъ него, они чрезъ нѣсколько дней опять пришли къ нему и принесли сушенныхъ хлѣбовъ, сыра, финиковъ и другихъ вещей, которыя случились у нихъ.

При этомъ потокѣ Савва прожилъ 5 лѣтъ одинъ, бесѣдуя въ тишинѣ съ однимъ только Богомъ и очищая око ума своего, дабы *откровеннымъ лицемъ славу Го-*

сподню взирати (2 Кор. 3, 18). Здѣсь непрестанными молитвами и приближеніемъ къ Богу онъ совершенно побѣдилъ злыхъ духовъ, и Богъ на 45-мъ году жизни его ввѣрилъ ему попеченіе о душахъ другихъ людей. Ибо слово Божіе словами пророка *раскуйте мечи своя на рала и копія на серпы* внушило ему, что онъ не долженъ напрасно заниматься побѣжденными врагами, но силы свои, способныя прежде къ брани, долженъ, для пользы многихъ, обратить отъ бранныхъ подвиговъ къ воздѣланію тѣхъ людей, которые заросли, такъ сказать, порочными помыслами. Послѣ сего Савва началъ принимать всѣхъ приходящихъ къ нему. Весьма многіе изъ отшельниковъ и Восковъ, узнавши объ этомъ, приходили къ нему и оставались при немъ. Въ числѣ пришедшихъ были: св. Іоаннъ, который послѣ былъ настоятелемъ новой лавры, блаженный Іаковъ, который послѣ при Іорданѣ основалъ лавру такъ называемую *съ башнями*, блаженный Фирминъ, который въ странѣ Махмаса основалъ лавру, и славный по монашескимъ подвигамъ Северіанъ, который послѣ построилъ обитель Перикапарвариха; также пришелъ къ нему Юліанъ, по прозванію *Киртъ* (согбенный), который при Іорданѣ основалъ лавру, называемую Несліерава; приходили и другіе многіе, *ихъ же имена суть въ книзѣ животнѣй*. Савва давалъ каждому изъ приходящихъ къ нему приличное мѣсто, на которомъ находилась небольшая пещера и келлія. Благодатію Божіею его общество возрасло до 70 человѣкъ, которые всѣ были боговдохновенны, всѣ христоносцы. Если кто назоветъ ихъ ликомъ ангеловъ, или племенемъ подвижниковъ, или градомъ людей благочестивыхъ, или новымъ ликомъ седьмидесяти апостоловъ, тотъ не ошибется въ семъ названіи. И начальникомъ, путеводителемъ и пастыремъ всѣхъ ихъ былъ Савва. Вознамѣрившись построить башню на горѣ, онъ собралъ учениковъ своихъ и началъ строить ее на той части горы, которая лежитъ къ сѣверу, къ истоку потока. Съ сего мѣста, при благодати и содѣйствіи Св. Духа, который руководствовалъ Савву, онъ началъ строить лавру. Посреди же самаго потока онъ построилъ небольшую церковь и въ ней поставилъ освященный жертвенникъ. Когда кто приходилъ къ нему въ санѣ пресвитера, то онъ заставлялъ его совершить богослуженіе; ибо самъ онъ, имѣя великую кротость и истинное смиреніе, не хотѣлъ принять рукоположенія. Въ сихъ добродѣтеляхъ онъ подражалъ Христу, истинному Богу, который сказалъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. 11, 29), и этими словами предложилъ себя въ образецъ смиренія всѣмъ желающимъ. Взирая на сей образецъ, онъ смирялся, такъ что былъ слугою у всѣхъ и почиталъ себя меньшимъ изъ всѣхъ. Но между тѣмъ, имѣя обо всѣхъ ясное понятіе, онъ каждаго изъ нихъ научалъ и увѣщевалъ мужественно стоять противъ хитростей діавола и нимало не ослабѣвать противъ него, или не предаваться печали по причинѣ многообразной злобы злыхъ духовъ. Онъ говорилъ, что человѣкъ, очистившійся и посвятившій себя Богу, долженъ ограждаться надеждою будущихъ благъ; ибо только слабой душѣ свойственно падать подъ бременемъ трудовъ. Такими и подобными дѣлами и словами Савва не переставалъ питать и орошать души ихъ, давалъ имъ крылья, научалъ ихъ летать и дѣлалъ способными возлетать на небо.

Но поелику ихъ началъ тѣснить недостатокъ воды, то въ одну ночь Савва помолился Богу такимъ образомъ: «Господи Боже силъ! ежели Тебѣ угодно, чтобы мѣсто сіе населилось во славу святаго имени Твоего; то благоволи даровать намъ небольшое количество водъ!» Когда онъ такимъ образомъ молился въ небольшой своей молитвенницѣ, то внизу въ долинѣ слышанъ былъ стукъ. Савва, посмотрѣвши внизъ, при свѣтѣ полной луны увидѣлъ дикаго осла, который ногами своими долго копалъ землю и, выкопавши довольно глубокую яму, какъ сверху замѣтилъ это Савва, опустилъ въ нее свою голову и пилъ. Савва, представивши себѣ, что такимъ образомъ Богъ призрѣлъ на рабовъ своихъ и извелъ имъ воду; тотчасъ сошелъ внизъ и, раскопавши мѣсто, нашелъ источникъ воды. Посему даже и донынѣ находится вода посреди лавры; она доставляетъ великое утѣшеніе отцамъ и ни зимою не умножается, ни лѣтомъ не умаляется, хотя почти всѣ ее черпаютъ. Также въ одну ночь блаженный Савва вышелъ изъ своей пещеры и, читая псалмы Давидовы, шелъ одинъ въ долину. Вдругъ надъ западнымъ утесомъ потока, гдѣ нынѣ лежатъ честныя его мощи, посреди двухъ церквей, которыя нынѣ тамъ находятся, увидѣлъ онъ огненный столпъ, утвержденный въ землѣ, вершиною же своею касающійся неба. Увидѣвши это страшное зрѣлище и вмѣстѣ возрадовавшись о семъ, онъ размышлялъ о томъ, что̀ сказано въ писаніи о лѣствицѣ, видѣнной патріархомъ Іаковомъ, и говорилъ: *страшно мѣсто сіе, нѣсть сіе, но домъ Божій* (Быт. 28, 17). Пробывши въ молитвѣ на этомъ мѣстѣ даже до разсвѣта, онъ со страхомъ и великою радостію взошелъ туда, гдѣ видѣнъ былъ огненный столпъ. Тамъ нашелъ онъ великую и удивительную пещеру, которая внутри имѣетъ видъ церкви Божіей; ибо въ этой пещерѣ съ восточной стороны находится Богомъ созданное отдѣленіе со сводомъ. Съ сѣверной стороны Савва нашелъ великій домъ на подобіе той служебной палаты (діаконика) при церквахъ, въ которой хранятся церковныя вещи. Съ южной стороны онъ увидѣлъ широкій входъ въ пещеру и входящій въ нее довольно обильный свѣтъ отъ солнечныхъ лучей. При содѣйствіи Божіемъ, онъ украсилъ эту пещеру и повелѣлъ совершать въ ней богослуженіе въ субботу и въ воскресный день.

При содѣйствіи Божіемъ, его общество умножилось и возрасло до 150 отцевъ. Когда оно умножалось, и около долины вездѣ строились различныя келліи; то отцы завели уже и рабочій скотъ, какъ для строенія лавры, такъ и для другихъ потребностей. Ибо Савва заботился, чтобы въ лаврѣ были всѣ необходимыя вещи, и чтобы, по этой причинѣ, отцы не принуждены были выходить изъ лавры въ міръ, когда рѣшились удалиться отъ мірскаго шума. Будучи хорошо отъ него насаждены и руководимы, они приносили плоды, достойные своего званія, и тѣло свое содѣлывали духовнымъ прежде того нетлѣнія, которое надѣемся получить въ будущей жизни. Впрочемъ, освященіе упомянутой пещеры, т. е. созданной Богомъ церкви, онъ откладывалъ потому, что не хотѣлъ принять рукоположеніе въ пресвитера или вообще быть посвященнымъ въ служителя церкви. Онъ говорилъ, что желаніе быть причисленнымъ къ клиру есть начало и корень честолюбивыхъ помысловъ. Надъ церковію, созданною Богомъ, есть утесистая и чрезмѣрно высокая скала; на ней отецъ нашъ Савва построилъ себѣ башню, и внутри святой пещеры, какъ въ раковинѣ, нашедши скрытный путь, ведущій отъ служебной палаты къ башнѣ, удалялся въ нее для совершенія правила и для другихъ дѣлъ. И поелику слава о немъ пронеслась повсюду, то весьма многіе приходили къ нему и, зная его ангельскую жизнь, многое приносили ему. Блаженный же Савва большую часть приношеній употреблялъ на зданія и устройство лавры. Онъ дѣлалъ все то, что почиталъ благоугоднымъ Богу. Посему никто изъ братій ни въ чемъ не смѣлъ противиться ему. Управлявшій тогда Іерусалимскою церковію Мартирій со времени великаго Евѳимія началъ знать и очень любить Савву.

Авва Мартирій, по прошествіи 8 лѣтъ своего патріаршества, переселился къ Богу, и правленіе церковію принялъ послѣ него Саллюстій. Отцу нашему Саввѣ былъ тогда 48-й годъ жизни. Тогда въ его лаврѣ возникли нѣкоторые люди, которые умомъ были плотскіе и, какъ говоритъ писаніе, не имѣли духа (Іуд. 19). Они съ давняго времени поставляли сѣти Саввѣ и всякимъ образомъ оскорбляли его. Но былъ и между апостолами Іуда; и Гіезій жилъ нѣсколько времени съ Елиссеемъ; родился и Исавъ отъ Исаака, и Каинъ былъ бранили, и наконецъ эти люди, о которыхъ мы сказали, составивши между собою, пришли во Святый Градъ, пришли къ архіепископу Саллюстію и просили его, чтобы онъ далъ имъ другаго игумена. Архіепископъ спросилъ ихъ: изъ какого вы мѣста? Они отвѣчали: мы живемъ въ пустынѣ, въ нѣкоторой долинѣ. Потомъ архіепископъ спросилъ ихъ: въ какой это долинѣ? На этотъ вопросъ они и противъ желанія отвѣтили: въ той долинѣ, которую нѣкоторые называютъ долиною аввы Саввы. На это архіепископъ сказалъ имъ: гдѣ же авва Савва? Они сказали: онъ по грубости своей неспособенъ управлять тѣмъ мѣстомъ; притомъ онъ и самъ не имѣетъ рукоположенія, и другому никому не позволяетъ войти въ церковный клиръ; посему, какъ можетъ онъ управлять обществомъ, состоящимъ изъ 150 человѣкъ? Въ это время одинъ достопамятный мужъ, по имени Кирикъ, который былъ тогда пресвитеромъ и настоятелемъ церкви Святаго Воскресенія и хранителемъ креста, находясь при архіепископѣ и слыша разговоръ его съ отцами, пришедшими изъ лавры Св. Саввы, спросилъ ихъ: вы ли приняли Савву въ то мѣсто, или онъ принялъ васъ? Они отвѣчали: хотя онъ насъ принялъ, но поелику онъ грубъ, то не можетъ управлять нами, когда мы умножились. На это сказалъ имъ преблаженный Кирикъ: если онъ, какъ вы сами говорите, собралъ васъ въ упомянутомъ вами мѣстѣ, и если это мѣсто, бывшее прежде пустымъ, онъ населилъ, то теперь не гораздо ли легче ему управлять населеннымъ мѣстомъ и вами, собравшимися вмѣстѣ? Если Богъ содѣйствовалъ ему собрать васъ и устроить мѣсто, то тѣмъ паче будетъ содѣйствовать ему въ управленіи. Послѣ этого разговора архіепископъ отпустилъ ихъ, сказавши: ступайте, разсмотрите это дѣло и завтра придите ко мнѣ. Между тѣмъ онъ призвалъ къ себѣ блаженнаго Савву, будто бы для другаго дѣла, потомъ призвалъ и обвинителей его и передъ ихъ глазами рукоположилъ его въ пресвитера и имъ сказалъ:

-ворь теперь въ этихъ [illegible] Саввѣ освященному игумена нашей лавры [illegible] больше [illegible] Богъ давшій человѣкамъ не только утверждать божественное избраніе, но чрезъ это и достоинство Божія благодѣянія. Послѣ этого архіепископъ Илія взялъ съ собою блаженнаго Савву и отцовъ и пошелъ въ его лавру. Причемъ находился и упомянутый хранитель креста Киріакъ. Архіепископъ освятилъ созданную Богомъ церковь, въ томъ богосозданномъ отдѣленіи ея, которое было со сводомъ, и поставилъ освященный жертвенникъ, подъ который положилъ весьма много мощей святыхъ и добропобѣдныхъ мучениковъ. Это происходило мѣсяца Декабря двѣнадцатаго дня, 14-го индиктіона, на 53-мъ году жизни блаженнаго Саввы, въ то время, когда умеръ царь Зенонъ и началъ царствовать Анастасій.

Въ это же время принятъ былъ въ лавру нѣкоторый богоносный и славный божественными дарами мужъ, по имени Іеремія. Родомъ онъ былъ армянинъ. При немъ были два ученика его, которые имѣли одинаковые съ нимъ нравы, были его сподвижники и назывались Петръ и Павелъ. Отецъ нашъ Савва былъ очень радъ пришествію ихъ, какъ людей благочестивыхъ. Онъ далъ имъ пещеру и небольшую келлію, которыя находились съ сѣверной стороны той его собственной пещеры, въ которой онъ жилъ сначала, когда еще былъ одинъ въ долинѣ. Онъ позволилъ имъ совершать въ малой молитвенницѣ правило псалмопѣнія на армянскомъ языкѣ въ субботу и воскресный день. Такимъ образомъ въ короткое время умножились армяне въ великой лаврѣ. Одинъ изъ упомянутыхъ учениковъ блаженнаго Іереміи божественный Павелъ еще и донынѣ славится въ великой лаврѣ святыми добродѣтелями. Онъ много чудеснаго разсказываетъ объ Іереміи, и онъ же сообщилъ мнѣ весьма многія извѣстія, которыя я здѣсь помѣщаю.

Въ то же время, какъ созданная Богомъ церковь была освящена, Св. Духъ привелъ въ лавру божественнаго отца нашего Іоанна, епископа, удалившагося на новой, сообщившаго мнѣ) весьма многія подробныя сказанія объ Евѳиміѣ и Саввѣ, и побудившаго меня къ тому, чтобы я предалъ оныя письмени. Святый отецъ нашъ Савва причислилъ его же къ живущимъ въ лаврѣ. Іоанну былъ тогда еще только 38-й годъ жизни; теперь же онъ содѣлался освященнымъ сосудомъ Всесвятаго Духа, обилуетъ божественными дарами, содѣлался свѣтоносцемъ, и донынѣ будучи во плоти, живетъ по-ангельски и освѣщаетъ наши пути къ Богу. Его добродѣтели и подвиги невозможно теперь описать мимоходомъ. Но если будетъ угодно Богу, то, по окончаніи настоящаго труда, я въ особенномъ сочиненіи что-нибудь скажу и о его дѣлахъ, которыя почти всѣмъ извѣстны, о которыхъ я слышалъ изъ его святыхъ устъ, и которыя многочисленны и важны. Молчать о сихъ дѣлахъ и предавать ихъ забвенію не подобаетъ; ибо Іоаннъ по своей жизни и добродѣтелямъ знаменитъ и славенъ во всемъ нашемъ, такъ сказать, гражданствѣ.

Этотъ великій въ добродѣтели подвижникъ и епископъ Іоаннъ сказывалъ мнѣ, что св. отецъ нашъ Савва во всемъ старался подражать жизни великаго Евѳимія. Итакъ, поелику сей имѣлъ обыкновеніе въ 14-й день мѣсяца Генваря удаляться въ совершенную пустыню и тамъ проводить четыредесятницу: то и Савва, измѣнивши немного сіе обыкновеніе, выходилъ изъ лавры по прошествіи того дня, въ который совершается память св. Антонія, совершая память великаго Евѳимія, которая празднуется въ 20-й день, и послѣ сего уходилъ въ совершенную пустыню. Тамъ до праздника ваій онъ удаленъ былъ отъ всякаго общенія съ людьми. И это дѣлалъ почти каждый годъ. Такимъ образомъ вышедши однажды въ пустыню и ходя около Мертваго моря на мѣстѣ, называемомъ Зоора, увидѣлъ онъ на морѣ одинъ дикій и весьма малый островъ и захотѣлъ взойти на него и провести на немъ дни поста. Когда онъ шелъ на него; то, по коварству и зависти злыхъ духовъ, упалъ въ одну рыхлую яму, лежащую при морѣ. Изъ нея поднялся какой-то горящій пепелъ, который обжегъ Саввѣ лицо, бороду и другія части тѣла, такъ что онъ много дней лежалъ безъ голоса, доколѣ нѣкая божественная сила не пришла къ нему, не исцѣлила его и не укрѣпила противъ нечистыхъ духовъ. Впрочемъ, поелику борода его сгорѣла, какъ мы сказали, и болѣе не росла, то съ того времени онъ остался безъ бороды. Посему, когда, по прошествіи извѣстныхъ дней, онъ возвратился въ лавру, отцы узнали его только по голосу и по образу жизни. Впрочемъ, онъ благодарилъ Бога за потерю бороды; ибо онъ почиталъ это дѣломъ промысла Божія, который содѣлалъ сіе для того, чтобы онъ смирялся и не тщеславился большою бородою.

Въ послѣдующее время Савва, по своему обыкновенію, опять удалился въ совершенную пустыню съ однимъ ученикомъ своимъ, по имени Агапитомъ. Тамъ, по прошествіи немногихъ дней, Агапитъ, ослабѣвши отъ труда и поста, въ одну ночь легъ на землѣ на спину. Когда онъ уснулъ и блаженный Савва духомъ молился, то пришелъ къ Агапиту величайшій левъ и началъ обнюхивать его съ ногъ до головы. Въ это время отецъ нашъ Савва молился Богу объ Агапитѣ. Левъ, будучи отгоняемъ отъ Агапита молитвою старца какъ бы бичемъ, тихо ударилъ хвостомъ по лицу его и, такимъ образомъ разбудивши его, пошелъ отъ него. Агапитъ, открывши глаза и увидѣвши страшнаго льва, объятъ былъ страхомъ, всталъ и побѣжалъ къ своему учителю. Великій старецъ, принявши его къ себѣ, началъ наставлять его слѣдующимъ образомъ: «продолжительный сонъ отгоняй отъ глазъ своихъ, сынъ мой, и удаляй нерадѣніе отъ сердца своего, *да спасешися аки серна отъ тенетъ, и яко птица отъ сѣти*, (Притч. 6, 5).

Божественный подвижникъ Іоаннъ разсказалъ мнѣ о Саввѣ и слѣдующее. Савва, намѣреваясь однажды удалиться въ совершенную пустыню, далъ Агапиту небольшую милоть, въ которой было десять кусковъ сушенаго жизни; ученикъ, ему было около 70 лѣтъ. Вышедши изъ лавры, они пошли къ Іордану. Идя при берегѣ его къ западу и къ сѣверной сторонѣ, они пришли къ одному утесистому мѣсту, на верху котораго была пещера. Савва, будучи побуждаемъ любопытствомъ, или лучше, бывшимъ ему откровеніемъ, съ трудомъ взошелъ на утесъ. Вошедши въ пещеру, они нашли въ ней прозорливаго отшельника. Когда они оба сотворили молитву, то отшельникъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ: «кто тебѣ, рабъ Божій Савва, указалъ это мѣсто? Вотъ уже 38 лѣтъ прожилъ я въ этой пещерѣ съ Богомъ и ни съ однимъ человѣкомъ не видѣлся, и какъ ты теперь пришелъ сюда?» Блаженный Савва отвѣчалъ: «Богъ, который открылъ тебѣ мое имя, указалъ мнѣ и это мѣсто». Послѣ сего они облобызали другъ друга, и Савва съ ученикомъ своимъ вышелъ. Потомъ, обошедши многія мѣста, прошедши пространство между Тиверіадскимъ моремъ и Іорданомъ и сотворивши молитву при Хореѣ и Гептапегѣ (мѣстѣ седьми источниковъ) и прочихъ священныхъ мѣстахъ, находящихся тамъ даже до Спаніады, они стали возвращаться въ лавру. Когда пришли къ упомянутой пещерѣ отшельника, то блаженный Савва сказалъ ученику своему: «взойдемъ, братъ, и облобызаемъ раба Божія!» Вошедши въ пещеру, они нашли его стоящимъ на колѣнахъ лицемъ къ востоку. Старецъ долго ждалъ, думая, что онъ молится. Но когда и день прошелъ, а отшельникъ не вставалъ, то блаженный сказалъ ему: «помолись о насъ Христу, отецъ!» И поелику онъ не отвѣчалъ, то Савва, приближившись къ нему и коснувшись его, увидѣлъ, что онъ скончался. Поэтому Савва сказалъ ученику своему: «приблизься, сынъ мой, погребемъ его! Ибо Богъ для сего и послалъ насъ сюда». Итакъ, поклонившись тѣлу, приготовивши его къ погребенію, они отпѣли надъ нимъ обыкновенныя молитвы погребенія и положили въ той же пещерѣ. Потомъ, заградивши ее великими камнями, продолжали путь свой и наконецъ возвратились въ лавру въ субботу ваій. Во всѣ дни поста Савва пребывалъ безъ пищи и довольствовался только пріобщеніемъ св. Таинъ въ субботу и воскресный день. Десять же кусковъ хлѣба, которые онъ взялъ въ пустыню, удовлетворяли нужды Агапита.

Въ упомянутое время освященія богосозданной церкви Іоаннъ, по прозванію Кононъ, отецъ нашего аввы Саввы, скончался въ Александріи. Онъ былъ весьма силенъ и славенъ въ отрядѣ Исавровъ; а мать Саввы, блаженная Софія, достигши уже глубокой старости, когда узнала, что сынъ ея сдѣлался славенъ въ монашескихъ подвигахъ, распродала все свое имѣніе, пришла въ Іерусалимъ и принесла съ собою довольно много золота. Блаженный Савва, принявъ ее, убѣдилъ отречься отъ всего мірскаго. Спустя немного времени она умерла. Савва похоронилъ ее и положилъ между гробами праведныхъ, имущество же ея онъ отдалъ лаврѣ. На него онъ купилъ въ Іерихонѣ страннопріимный домъ съ небольшими садами, при немъ находящимися, и снабдилъ ихъ водою. Также и въ лаврѣ онъ построилъ страннопріимный домъ для пользы отцевъ и совершилъ весьма многія другія дѣла.

Когда строился въ лаврѣ страннопріимный домъ, то отецъ нашъ Савва послалъ въ Іерихонъ одного брата съ рабочимъ скотомъ изъ лавры, дабы привезть оттуда бревна для постройки дома. Братъ, пріѣхавши въ Іерихонъ и взявши бревна, возвращался въ лавру пустынею. Поелику же тогда былъ чрезвычайно большой жаръ, то братъ почувствовалъ сильную жажду и на половинѣ пути, ослабѣвши, упалъ. Но, вспомнивши о святомъ старцѣ, онъ произнесъ молитву слѣдующими словами: «Господи, Боже аввы моего Саввы, не оставь меня!» и тотчасъ Богъ, нѣкогда руководившій Израиля облачнымъ столпомъ, и сему брату распростеръ для покрова облако, которое прохлаждало и укрѣпляло его. Такимъ образомъ, сопровождаемый облакомъ, онъ возвратился въ лавру.

Великій Савва на 54 году своей жизни, во второе лѣто по освященіи богосозданной церкви и по прибытіи въ лавру епископа Іоанна, въ 21 день мѣсяца Генваря, въ 15-й индиктіонъ, пришелъ на холмъ Кастеллійскій, лежащій отъ лавры къ сѣверовосточной сторонѣ, въ разстояніи около 20 стадій. Этотъ холмъ былъ страшенъ и неприступенъ по причинѣ множества гнѣздившихся въ немъ злыхъ духовъ. Поэтому ни одинъ пастухъ, находившійся въ пустынѣ, не смѣлъ приближиться къ сему мѣсту. Но священный старецъ Савва, *положивши прибѣжищемъ своимъ Вышняго* (Псал. 90, 9), и окропивши сіе мѣсто елеемъ всечестнаго креста, оставался на немъ въ продолженіи дней четыредесятницы. Его непрестаннымъ божественнымъ славословіемъ это мѣсто очистилось отъ духовъ. Впрочемъ, на этомъ холмѣ онъ много перенесъ оскорбленій отъ нихъ. Сперва онъ, какъ человѣкъ, устрашился и хотѣлъ уйти съ этого мѣста; но явившійся нѣкогда великому Антонію явился и ему и совѣтовалъ надѣяться на силу креста. Такимъ образомъ получивши смѣлость, онъ вѣрою и терпѣніемъ побѣдилъ дерзость бѣсовъ; ибо постоянно пребывалъ въ молитвѣ и постѣ. Въ концѣ четыредесятницы, когда авва бодрствовалъ и молился Богу объ очищеніи сего мѣста отъ гнѣздящихся въ немъ нечистыхъ духовъ, вдругъ бѣсы начали производить стукъ и показывать привидѣнія то пресмыкающихся животныхъ, то вороновъ, и этими привидѣніями хотѣли устрашить его, но не могши сего сдѣлать, потому что онъ постоянно пребывалъ въ молитвѣ, вышли оттуда и человѣческимъ голосомъ съ крикомъ произносили эти слова: «какія отъ тебя насилія, Савва! Ты не доволенъ долиною, которую населилъ, но пришелъ и на наше мѣсто. Уступаемъ тебѣ собственность. Богъ тебѣ поборникъ, мы не можемъ! противиться». Произнося это и сему подобное, они, въ видѣ вороновъ, съ крикомъ и шумомъ въ туже полночь всѣ тотчасъ удалились съ этого холма. Въ эту ночь въ пустынѣ, лежащей около этого холма, ночевали пастухи, стерегшіе свое стадо. Они, видя съ шумомъ летящихъ вороновъ и слыша крикъ ихъ, очень устрашились и говорили между собою: видно, какіе нибудь святые мужи находятся въ Кастелліи. Они прогнали оттуда бѣсовъ. Пойдемъ къ этому холму и узнаемъ, что значитъ это явленіе, и ежели тамъ находятся святые мужи, то поклонимся имъ. По наступленіи утра, они взошли на Кастеллійскій холмъ и, нашедши тамъ святаго старца одного, разсказали ему о томъ, что они видѣли и слышали въ прошедшую ночь. Святый Савва сказалъ имъ: идите, дѣти, въ мирѣ и *страха ихъ не убойтеся* (1 Петр. 3, 14). Ободривши ихъ такимъ образомъ, онъ отпустилъ ихъ съ миромъ. По прошествіи же дней поста, онъ возвратился въ лавру и, совершивши праздникъ Пасхи, взялъ съ собою нѣкоторыхъ изъ отцевъ, пошелъ въ Кастелліи и началъ очищать это мѣсто и строить келліи изъ найденнаго тамъ лѣса. Когда они очищали, то подъ деревами нашли большой домъ со сводомъ, который сдѣланъ былъ изъ удивительныхъ камней, и въ которомъ можно было жить. Очистивши отъ земли и украсивши этотъ домъ, Савва сдѣлалъ изъ него церковь. Съ того времени онъ вознамѣрился устроить на этомъ мѣстѣ киновію. Это и исполнилось. Когда Савва съ братіей работалъ въ этомъ Кастелліи и около мѣсяца Августа уже нисколько не имѣлъ съѣстныхъ припасовъ; то авва Маркіанъ, настоятель киновіи около Святаго Виѳлеема, посредствомъ откровенія узналъ о стѣсненномъ положеніи божественнаго старца. Ибо авва Маркіанъ ночью видѣлъ нѣкоторый ангельскій образъ, который сіялъ и сказалъ ему: вотъ ты, Маркіанъ, сидишь спокойно и имѣешь все нужное для тѣлесной пищи; рабъ же Божій Савва изъ любви къ Богу трудится въ Кастелліи съ братіей. Онъ алчетъ и не имѣетъ ничего нужнаго для пищи. Итакъ, безъ отлагательства пошли къ нимъ пищи, дабы они не ослабѣли. Авва Маркіанъ тотчасъ вставъ, приказалъ приготовить рабочій скотъ и, навьючивъ его различными припасами, послалъ ихъ съ братіями въ Кастелліи. Божественный старецъ, принявши сихъ братьевъ съ постоянными припасами, мысленно благодарилъ Бога словами Давида и Даніила за посѣщеніе Божіе и усердіе, началъ заниматься построеніемъ киновіи. Авва же Маркіанъ, поживши 4 мѣсяца послѣ упомянутаго откровенія, перешелъ въ нестарѣющуюся и безпечальную жизнь. Великій отецъ нашъ Савва, удостовѣрившись, что Богъ помогаетъ ему въ его дѣлѣ, съ великимъ стараніемъ и усердіемъ окончилъ постройку киновіи и, собравши въ ней довольно многочисленное общество, настоятелемъ его поставилъ нѣкоего Павла, давно извѣстнаго отшельническою жизнію, и ученика своего Θеодора. По смерти Павла управленіе киновіею принялъ Θеодоръ. Онъ принялъ въ лавру своего брата Сергія и дядю Павла, которые родомъ были Мелитинцы. Они, послѣ благоразумнаго управленія Кастелліемъ, въ разныя времена, были епископами въ Амаѳунтѣ и Аилѣ. И вотъ все, что должно было сказать о Кастелліи.

Основавши киновію въ Кастелліи, отецъ нашъ Савва употреблялъ всевозможное стараніе о томъ, чтобы населить ее мужами преклонныхъ лѣтъ и славными въ монашескихъ подвигахъ. Поэтому, когда онъ принималъ къ себѣ мірскихъ людей, желавшихъ отречься отъ міра, то не позволялъ имъ жить въ келліяхъ ни въ лаврѣ, ни въ Кастелліи, но основавъ небольшую киновію съ сѣверной стороны лавры и поставивши въ ней степенныхъ и благоразумныхъ мужей, приказывалъ отрекающимся отъ міра жить тамъ, пока не изучатъ Псалтирь и правило псалмопѣнія и пока не научатся строгости монашеской жизни. Ибо онъ всегда говорилъ, что монахъ, живущій въ келліи, долженъ быть разсудителенъ, старателенъ и готовъ ко всякимъ подвигамъ, трезвъ, воздерженъ, скроменъ, способенъ другихъ научать, а самъ не долженъ имѣть нужды въ наученіи, способенъ обуздывать всѣ уды тѣла и сохранять свой умъ въ безопасности. Ибо я знаю, говорилъ онъ, что таковаго человѣка писаніе называетъ единомысленнымъ, когда говоритъ: *Богъ вселяетъ единомысленныя въ домъ* (Псал. 67, 7). Когда же по испытаніи онъ узнавалъ, что отрекающіеся отъ міра твердо изучили правило псалмопѣнія и сдѣлались способными хранить умъ свой, очищать мысли свои отъ воспоминанія о мірскихъ вещахъ и сражаться противъ чуждыхъ помысловъ, тогда давалъ имъ келліи въ лаврѣ. Если же которые изъ нихъ были сильны, то приказывалъ трудиться въ строеніи и съ увѣреніемъ говорилъ, что кто строитъ себѣ келлію или полагаетъ ей основаніе, тотъ строитъ какъ бы Церковь Божію.

Поступая же и наставляя такимъ образомъ, отецъ нашъ Савва не позволялъ жить въ своемъ обществѣ никому, кто не имѣлъ бороды и у кого лице не было покрыто ею; ибо опасался соблазновъ лукаваго. И если когда онъ принималъ кого либо, желающаго отречься отъ міра, но не имѣющаго бороды, то принималъ уже въ совершенномъ возрастѣ и отсылалъ его къ аввѣ Θеодосію, который уже отошелъ отъ Сѣдалищной церкви и достигъ монашескаго совершенства подъ руководствомъ Марина, основавшаго обитель, называемую Фекиновою, и подъ руководствомъ Луки Метопина, которые оба нѣкогда были учениками преподобнаго Евθимія. Авва Θеодосій жилъ къ западу отъ лавры, въ разстояніи около 35 стадій, и тамъ при содѣйствіи Христа основалъ весьма славную киновію. Отсылая, какъ мы сказали, какого либо брата къ великому аввѣ Θеодосію, отецъ нашъ Савва утѣшалъ отсылаемаго такими словами: «сынъ мой, неприлично, или лучше, вредно этой лаврѣ имѣть у себя кого нибудь безъ бороды. Этотъ законъ установили древніе отцы скита, и мнѣ его предалъ великій отецъ нашъ Евθимій. Когда я хотѣлъ жить въ его лаврѣ, то онъ, увидѣвши, что у меня нѣтъ бороды, послалъ меня къ блаженному Θеоктисту и сказалъ, что неприлично и даже вредно жить въ лаврѣ безбородому монаху. Поэтому иди къ аввѣ Θеодосію, говорилъ Савва отсылаемому брату, — тамъ ты получишь себѣ пользу. Великій авва Ѳеодосій, принимая къ себѣ брата, посланнаго Саввою, всячески старался объ усовершеніи его, изъ уваженія къ пославшему. Ибо Савва и Ѳеодосій были единодушны и единомысленны, дышали другъ другомъ болѣе, чѣмъ воздухомъ, такъ что іерусалимскіе жители, видя ихъ единомысліе и согласіе въ отношеніи къ Богу, называли ихъ новою апостольскою двоицею, подобною двоицѣ Петра и Іоанна. Посему архіепископъ Саллюстій незадолго передъ своею кончиною во Христѣ, по прошенію всего монашескаго сословія, сдѣлалъ ихъ обоихъ архимандритами и начальниками монаховъ. Какая была причина такого ихъ возвышенія, я разскажу объ этомъ въ краткихъ словахъ.

Когда Елпидій и Илія, преемники аввы Пассаріона, бывшіе архимандритами одинъ послѣ другаго, скончались, и когда нѣкто Лазарь, сдѣлавшійся преемникомъ ихъ власти и отдѣлившійся отъ вселенскаго общенія, также скончался, и правленіе принялъ нѣкто Анастасій; тогда между монахами началось нѣкоторое безначаліе, отъ котораго обыкновенно раждается безпорядокъ и несогласіе. Монашеское сословіе находилось тогда въ безпорядочномъ состояніи; потому что Лазарь и Анастасій, бывшіе одинъ послѣ другаго архимандритами, уже отступили отъ строгости монашеской жизни и занимались земными заботами и мірскими выгодами. Этому особенно благопріятствовало то обстоятельство, что Анастасій сдѣлавшійся императоромъ послѣ Зенона, далъ свободу отступникамъ отъ правовѣрія. Поэтому противъ сего безпорядка возсталъ патріархъ Саллюстій и сдѣлалъ помянутаго выше авву Маркіана архимандритомъ монаховъ. Но поелику по прошествіи непродолжительнаго времени Маркіанъ почилъ во Христѣ; то всѣ пустынные монахи собрались въ епископскій домъ къ патріарху, который былъ тогда боленъ, и по общему согласію представили ему Ѳеодосія и Савву, чтобы онъ поставилъ ихъ архимандритами и начальниками всѣхъ монастырей, находящихся около святаго града, потому что эти святые мужи были пустынники, не имѣли никакого имущества, украшены были и жизнію и словомъ и обладали богосотворенными дарами. Съ того времени авва Ѳеодосій сдѣлался главнымъ вождемъ и архимандритомъ всякаго общежительнаго монастыря. Вторымъ по немъ въ управленіи киновіями былъ святый авва Павелъ, игуменъ обители аввы Мартирія. А отецъ нашъ Савва былъ поставленъ начальникомъ и законодателемъ всѣхъ отшельниковъ и всѣхъ, кои хотятъ жить въ келліяхъ.

Послѣ архіепископа Саллюстія, занимавшаго іерусалимскій престолъ 8 лѣтъ и 3 мѣсяца и почившаго во Христѣ 23 дня мѣсяца Іюля, 2-го индиктіона, патріаршество принялъ Илія, о которомъ я многократно упоминалъ въ повѣствованіи о преподобномъ Евѳиміѣ. Тогда блаженному Саввѣ былъ 56-й годъ жизни. Патріархъ Илія построилъ монастырь близъ своего епископскаго дома и въ немъ собралъ благочестивыхъ мужей, которые служили при церкви святаго Воскресенія, но были разсѣяны въ мѣстахъ, лежащихъ около Давидовой башни; каждому изъ нихъ онъ далъ келлію, по всему удобную для тѣлеснаго отдохновенія. Когда эти люди были собраны здѣсь, какъ мы сказали, то отецъ нашъ Савва купилъ у нихъ различныя келліи и обратилъ ихъ въ гостинницу лавры. Кромѣ того, онъ хотѣлъ купить для принятія странныхъ монаховъ и другія келліи, находящіяся съ сѣверной стороны купленныхъ келлій. Но для этого требовалось довольно значительное количество золота; а онъ имѣлъ только одну полумонету. Впрочемъ, укрѣпляясь вѣрою въ Бога, онъ отдалъ эту полумонету въ залогъ и сказалъ: если я завтра не принесу всей цѣны, то согласенъ потерять залогъ. Въ тотъ самый день, въ который нужно было доставить деньги, еще до восхода солнца, когда Савва размышлялъ объ этомъ и молился въ умѣ, пришелъ къ нему одинъ странникъ, совершенно ему неизвѣстный, подалъ ему сто монетъ и тотчасъ удалился, а не объявивши ни о своемъ имени. Блаженный, удивившись столь скорой Божией помощи, отдалъ эти монеты зодчимъ и устроилъ на нихъ другую гостиницу для принятія въ ней монаховъ, приходящихъ изъ дальнихъ странъ. Послѣ этого Савва устроилъ и для Кастелліевой киновіи двѣ гостиницы, одну во святомъ градѣ, не далеко отъ Давидовой башни, другую въ Iерихонѣ, въ одномъ изъ небольшихъ садовъ, которые тамъ были куплены имъ.

Въ это время Богъ послалъ отцу нашему двухъ братьевъ по плоти, родомъ изъ Исавріи, по имени Ѳеодула и Геласія. Если бы кто назвалъ ихъ именами Веселіила и Еліава, этихъ главныхъ строителей скиніи, тотъ, мнѣ кажется, не ошибся бы (Исх. 31, 2. 6). Ибо при ихъ помощи новый нашъ Моисей построилъ въ знаменитѣйшей своей лаврѣ все, чего еще не доставало въ ней. При помощи ихъ онъ построилъ также и святые монастыри, находящіеся около лавры. Въ лаврѣ онъ построилъ сначала хлѣбню и больницу, потомъ огромную церковь во имя всехвальной Богородицы и Приснодѣвы Маріи, потому что богосозданная церковь была тѣсна для умножившагося общества; притомъ и умножившіеся армяне съ трудомъ могли вмѣщаться въ малой молитвенницѣ. Въ срединѣ между обѣими церквами, тамъ, гдѣ Савва видѣлъ прежде огненный столпъ, онъ сдѣлалъ паперть; устроилъ также въ долинѣ много водоемовъ. Когда соборная церковь была построена и украшена всякимъ украшеніемъ, то въ лавру пришелъ упомянутый архіепископъ Илія, освятилъ церковь и поставилъ въ ней освященный жертвенникъ, въ 1 день мѣсяца Іюля, въ 9-й индиктіонъ, въ 63-й годъ жизни великаго Саввы. Послѣ этого Савва перевелъ армянъ изъ малой молитвенницы въ богосозданную церковь, для совершенія въ ней правила псалмопѣнія на армянскомъ языкѣ. Онъ позволилъ имъ отдѣльно въ своихъ собраніяхъ читать по-армянски евангеліе и прочее [illegible] богослуженія, что [illegible] приходятъ [illegible] во время божественнаго приношенія такія не [illegible] приобщаются. Когда же нѣкоторые изъ нихъ начали читать Трисвятую пѣснь съ прибавленіемъ «распныйся за ны», выдуманнымъ отъ Петра, по прозванію Кнафея, то божественный старецъ по справедливости вознегодовалъ на это и приказалъ имъ пѣть эту пѣснь по-гречески, по древнему преданію каѳолической церкви, а не по нововведенію помянутаго Петра. Ибо Петръ былъ послѣдователь Евтихія, дважды насильственно занималъ антіохійскій престолъ, былъ низвергаемъ съ него церковными опредѣленіями, но наконецъ въ царствованіе Зенона, въ то время, какъ Илъ насильственно сдѣлался правителемъ Исавріи, Петръ при помощи царской власти въ третій разъ незаконно занялъ тотъ же престолъ, ибо еще не были разрѣшены произнесенныя на него проклятія. Такою дерзостію онъ возмутилъ весь востокъ и за свое отступленіе отъ правовѣрія и за упомянутое прибавленіе къ трисвятой пѣсни былъ проклятъ римскимъ папою Феликсомъ. Поэтому отецъ нашъ Савва справедливо и благочестиво поступилъ, что отвергнулъ выдуманное имъ прибавленіе и твердо слѣдовалъ церковному преданію. Савва постановилъ, чтобы въ субботу собраніе было въ богосозданной церкви, а въ воскресный день въ церкви Богоматери, и положилъ, чтобы въ обѣихъ церквахъ во всякій воскресный и господскій праздникъ было непрестанное бдѣніе съ вечера до утра.

Въ короткое время Савва благодатію Христовою расширилъ лавру, умножилъ число монаховъ, основалъ киновію въ Кастелліи и поставленъ главнымъ начальникомъ всѣхъ прочихъ лавръ и отшельниковъ. Впрочемъ, вышеупомянутые ученики его и обвинители, завидуя особенно тому, что онъ устроилъ Кастелліи, привлекли на свою сторону и другихъ монаховъ изъ братіи и, умножившись до 40 человѣкъ, начали къ нему вражду. Но отецъ нашъ Савва, будучи кротокъ въ обращеніи съ людьми и браннолюбивыхъ отношеній тѣхъ [illegible] ныхъ своихъ враговъ, удалился въ Скиѳопольскія страны и остановился въ пустынѣ при рѣкѣ, называемой Гадаринскою. Тамъ, [illegible] не надолго, поселился въ одной пещерѣ, въ которую обыкновенно приходилъ отдыхать величайшій левъ. Левъ, пришедши въ полночь и увидѣвши, что тамъ спитъ блаженный, взявши зубами [illegible] одежду его и потащилъ его вонъ изъ пещеры. Но поелику Савва проснулся и началъ совершать ночное псалмопѣніе, то левъ вышелъ вонъ и внѣ пещеры дожидался, пока старецъ не окончилъ своего правила. Послѣ сего Савва опять легъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, а левъ вошелъ въ пещеру и, взявшись за его одежду, опять потащилъ его вонъ изъ пещеры. Когда такимъ образомъ левъ старался вытащить его изъ пещеры, то Савва смѣло сказалъ ему: «пещера широка; она свободно можетъ вмѣстить насъ обоихъ, ибо Творецъ насъ обоихъ есть одинъ и тотъ же. Если ты хочешь, останься здѣсь, а если же не хочешь, то поди въ другое мѣсто. Ибо я рукою Божіею созданъ и почтенъ Божіимъ образомъ». Услышавъ это и какъ бы устыдившись, левъ удалился.

Поелику здѣсь Савва въ немногіе дни сдѣлался славенъ, то начали приходить къ нему нѣкоторые Скиѳополитанцы и Гадарины, въ числѣ коихъ былъ одинъ Скиѳополитанскій юноша, по имени Василій. Онъ былъ родственникъ знаменитыхъ тамъ мужей Севера и Софронія. Будучи побуждаемъ божественною силою, онъ отрекся отъ міра, пришелъ къ Саввѣ и учился у него подвижнической жизни. Нѣкоторые разбойники, узнавши о семъ Василіѣ, нечаянно пришли къ нимъ въ полночь, думая, что у Василія есть деньги, но, не нашедши у нихъ никакого имущества, ушли отъ нихъ съ [illegible]ніемъ; ибо они только узнали ихъ нищету и образъ жизни. На пути встрѣтились съ ними два величайшіе льва. Устрашившись, они заклинали ихъ такими словами и молитвами аввы Саввы, котораго добродѣтельными теперь видѣли съ удивленіемъ, сойдите съ пути, дабы мы могли пройти!» Звѣри, услышавши имя аввы Саввы, были прогнаны симъ именемъ, какъ бичемъ, и убѣжали. Разбойники удивились сему чуду и убѣдились, что старецъ дѣйствительно есть рабъ Божій, ибо онъ и въ отсутствіи чудодѣйствовалъ. Посему, единодушно возвратившись къ нему, они пали предъ нимъ, разсказали о случившемся чудѣ, предъ Богомъ обѣщались не обижать на будущее время ни одного человѣка, рѣшились удаляться отъ всякаго беззаконія и съ того времени начали заниматься земледѣліемъ. Когда разнеслась молва объ этомъ происшествіи, то многіе начали приходить къ Саввѣ; ибо онъ въ немногіе дни построилъ себѣ и келлію. Но какъ скоро Савва увидѣлъ, что его начали безпокоить мірскіе люди, то тайно удалился оттуда, а братію поручилъ Господу. Въ послѣдствіи времени, по смерти ихъ, одинъ Исавриянинъ, по имени Евмаѳій, взявъ себѣ эту келлію, основалъ тамъ киновію и собралъ въ ней общество монаховъ. Къ этому обществу принадлежалъ и славный Тарасій, сдѣлавшійся послѣ преемникомъ Евѳиміевой добродѣтели и власти. Освященный же Савва, возвратившись въ свою лавру, узналъ, что 40 упомянутыхъ монаховъ, которые способны были къ злымъ предпріятіямъ, склонили на свою сторону и другихъ, такъ что число всѣхъ ихъ возрасло до 60. Увидѣвши, что общество его развратилось, онъ много печалился и плакалъ объ этомъ и вмѣстѣ удивлялся тому, какъ легко раждается и удобно распространяется порокъ и какъ скоро онъ привлекаетъ къ себѣ слабыхъ. Сперва онъ противопоставилъ ихъ дерзости долготерпѣніе, ненависти любовь и слова свои одушевлялъ духовною мудростію и искренностію; но потомъ видя, что они болѣе и болѣе укрѣпляются во злѣ, поступаютъ безстыдно и не хотятъ идти путемъ смиренія Христова, но *непщуютъ вины о грѣсѣхъ* (Псал. 140, 4) и вымышляютъ причины, благопріятствующія ихъ страстямъ, онъ *уступилъ мѣсто гнѣву* (Рим. 12, 19), удалился въ страну Никопольскую и спокойно пребывалъ тамъ многіе дни подъ однимъ деревомъ, питаясь его стручками. Владѣтель этого мѣста, узнавъ о немъ, пришелъ къ нему и построилъ ему на этомъ мѣстѣ келлію. Эта келлія, спустя не много дней, при содѣйствіи Христа, обратилась въ киновію. Когда Савва жилъ въ этихъ мѣстахъ, то означенные дерзкіе монахи, воспользовавшись его долговременною отлучкою, разгласили въ лаврѣ, что авва ихъ, ходя по пустынямъ, съѣденъ звѣрями, и такимъ образомъ склонивши къ себѣ и другихъ, пришли во св. градъ къ архіепископу Иліѣ и сказали ему: «авва нашъ, ходя по пустынѣ, лежащей около Мертваго моря, съѣденъ львами; посему прикажи дать намъ игумена». Илія, этотъ поистинѣ святитель Божій, зная еще со времени святаго Евѳимія образъ жизни божественнаго Саввы, сказалъ имъ въ отвѣтъ: «Я не вѣрю вамъ. Я знаю, что Богъ не неправосуденъ. Онъ не попуститъ рабу своему быть добычею звѣрей. Подите, сыщите своего авву, или живите спокойно, доколѣ Богъ не явитъ его». Когда наступилъ праздникъ обновленія, то, по обыкновенію игуменовъ, Савва пришелъ во святый градъ съ нѣкоторыми братіями изъ монастыря, находящагося при Никополѣ. Ибо, какъ мы сказали, онъ основалъ тамъ монастырь и собралъ братію, потому что Богъ во всемъ содѣйствовалъ ему. Онъ пришелъ къ архіепископу съ нѣкоторыми игуменами.

Патріархъ, увидѣвши старца и возрадовавшись, убѣждалъ его наединѣ возвратиться въ свою лавру. Когда же Савва просилъ себѣ свободы и никакъ не хотѣлъ возвратиться, то архіепископъ сказалъ ему: «вѣрь, что, если ты не послушаешь моего убѣжденія и совѣта, не увидишь болѣе лица моего; ибо я не могу надѣяться, чтобы труды твои исполнили другіе». Услышавъ эти слова архіепископа, отецъ нашъ Савва обѣщалъ повиноваться его приказанію и принужденъ былъ разсказать ему о безпорядкѣ и возмутительномъ духѣ 60-ти соумышленниковъ. По сему случаю патріархъ написалъ къ монахамъ въ лавру слѣдующее письмо: «Извѣщаю васъ, возлюбленные братія, что отецъ вашъ не съѣденъ львами, но живъ; ибо онъ пришелъ ко мнѣ на праздникъ. Удержавъ его у себя, я убѣдилъ его не оставлять своей лавры, которую онъ по Божію промыслу основалъ своими трудами. Итакъ, примите его съ должною честію и повинуйтесь ему совершенно; ибо не вы его избрали, но онъ васъ избралъ. Посему вы должны покориться ему. Если же между вами есть упрямые, высокомѣрные, непослушные и не хотящіе быть смиренными; то таковые не должны оставаться въ лаврѣ. Ибо не подобаетъ Саввѣ оставлять свое мѣсто». Итакъ, отецъ нашъ Савва, не умѣя быть непослушнымъ, поставилъ игуменомъ въ Никопольскій монастырь одного ученика своего, родомъ изъ Никополя, по имени Северіана, чтобы потомъ возвратиться въ лавру.

Освященный Савва, взявши письмо отъ патріарха, возвратился въ свою лавру. Когда письмо было прочтено въ церкви, то дерзкіе оные монахи вознегодовали на него, ослѣпились своею злобою и всѣ 60 единодушно составили толпу и какъ будто на войнѣ ополчались противъ святаго отца. Одни изъ нихъ собирали одежды и всѣ вещи, принадлежащія прочимъ, другіе взяли топоры, багры, заступы и шесты, пришли къ башнѣ Саввы, съ величайшимъ бѣшенствомъ разрушили ее до основанія, дерева и камни изъ нея побросали внизъ въ потокъ, вышли съ своими вещами изъ лавры, пришли къ лаврѣ Суха и просили, чтобы имъ позволено было остаться въ ней. Святый Акилинъ, которому тогда ввѣрено было правленіе Сухи, узнавши о дѣлахъ ихъ, отвергъ отъ себя и не принялъ ихъ. Будучи не приняты здѣсь, они удалились къ югу, къ Ѳекойскому потоку, при которомъ и остановились; ибо здѣсь они нашли воду и слѣды келлій, построенныхъ нѣкогда отступниками отъ правовѣрія. Здѣсь построили они себѣ келліи и назвали это мѣсто новою лаврою. Когда они удалились изъ лавры старца, то оставшіеся въ ней, учножаясь подобно полевому хлѣбу по истребленіи изъ него плевелъ, безпрепятственно приносила Богу чистоту сердца. По прошествіи непродолжительнаго времени, св. Савва узнавши, гдѣ живутъ бѣглые ученики его, взялъ рабочій скотъ въ лаврѣ и въ Кастелліи, навьючилъ его припасами и пошелъ къ нимъ туда. Нѣкоторые изъ нихъ, увидѣвши, что онъ идетъ, говорили между собою: «вотъ лицемѣръ и сюда пришелъ». Святый старецъ, увидѣвши, что они находились въ великомъ стѣсненіи, потому что не имѣли ни церкви, ни главы, и по воскреснымъ днямъ пріобщались въ церкви Св. пророка Амоса, которая находилась въ Ѳекояхъ, что у нихъ безпорядокъ безначалія, что они и между собою несогласны и ссорятся, сжалился надъ ними и донесъ о ихъ состояніи патріарху и убѣдилъ его ввести порядокъ между ними. Патріархъ своею рукою далъ Саввѣ одну литру золота и вмѣстѣ далъ ему власть надъ тѣмъ мѣстомъ и надъ живущими въ немъ, какъ бы они принадлежали къ его собственному обществу. Поэтому божественный старецъ пришелъ къ нимъ съ мастерами и со всѣми вещами, нужными для строенія, и во время пятимѣсячнаго пребыванія своего у нихъ построилъ имъ церковь и трапезу. Украсивши эту церковь, онъ освятилъ ее въ 69-й годъ своей жизни. Потомъ, призвавши изъ своей лавры вышепомянутаго отшельника Іоанна, который родомъ былъ грекъ и имѣлъ пророческій даръ, поставилъ его игуменомъ новой лавры. Сей богоносный Іоаннъ предсказалъ тѣ событія, которыя случились въ сей новой лаврѣ въ эти годы. Будучи близокъ къ своей кончинѣ во Христѣ, въ присутствіи сидѣвшихъ при немъ главныхъ вождей общества, онъ заплакалъ и сказалъ: «вотъ наступаютъ дни, въ которые жители сего мѣста чрезмѣрно превознесутся и отступятъ отъ правыя вѣры; но превозношеніе ихъ унизится, и они за дерзость свою будутъ изгнаны». Сказавъ это, онъ достигъ пристани успокоенія. Онъ богоугодно управлялъ лаврою семь лѣтъ и былъ чудотворцемъ. Послѣ него отцы этой лавры, по совѣту отца нашего Саввы, поставили себѣ игуменомъ нѣкоего римлянина, по имени Павла, который былъ весьма простъ, ничего у себя не имѣлъ и сіялъ божественными добродѣтелями. Авва Павелъ, шесть мѣсяцевъ противъ своей воли управлявъ лаврою, ушелъ въ Аравію, и потомъ пришелъ въ Капарвариху и скончался у упомянутаго выше Северіана, который строилъ тамъ киновію. Отцы новой лавры возвѣстили божественному старцу о Павловомъ побѣгѣ и просили его дать имъ игумена. Савва далъ имъ вышеупомянутаго ученика своего Агапита. Агапитъ, принявши управленіе новою лаврою, нашелъ между братьями четырехъ монаховъ, принятыхъ въ лавру препростымъ Павломъ, не имѣвшимъ отчетливаго о нихъ понятія, и тайно внушавшихъ другимъ Оригеновы догматы. Главнымъ между ними былъ одинъ палестинецъ, по имени Ноннъ. Онъ притворно показывалъ себя Христіаниномъ, былъ по наружности благочестивъ и держался мнѣній языческихъ, іудейскихъ, манихейскихъ и выдуманныхъ Оригеномъ, Евагріемъ и Дидимомъ о существованіи вещества до сотворенія міра. Опасаясь, чтобы зараза ереси не распространилась и на другихъ, блаженный Агапитъ изгналъ зараженныхъ изъ новой лавры, сообразно съ мнѣніемъ и разрѣшеніемъ упомянутаго выше архіепископа Иліи. По изгнаніи пошли они въ страну, обильную плодоносными полями, сѣять тамъ гибельныя плевелы. Но по прошествіи нѣкотораго времени, когда этотъ архіепископъ коварствомъ лишенъ былъ престола, какъ объ этомъ вскорѣ будетъ сказано, Ноннъ и его сообщники пришли во св. градъ и просили новаго патріарха позволить имъ жить въ новой лаврѣ. Патріархъ, будучи украшенъ божественною мудростію, призвалъ къ себѣ св. Савву и блаженнаго Агапита и спросилъ у нихъ, можно ли принять въ лавру Нонна съ его сообщниками. Агапитъ сказалъ, что они, къ погибели общества, разсѣваютъ Оригеновы мнѣнія, и что онъ согласенъ лучше выйти изъ своего мѣста, нежели принять ихъ во внѣренное ему общество. Архіепископъ, услышавъ это, сказалъ: «хорошо и богоугодно ты разсуждаешь». Сообщники Нонна, узнавши, что патріархъ не соглашается на ихъ прошеніе, опять пошли въ страну, обильную полями. По смерти блаженнаго Агапита, который 5 лѣтъ благоразумно управлялъ новою лаврою, монахи оной избрали себѣ игуменомъ нѣкоего Маму. Ноннъ и его сообщники, услышавши о смерти Агапита и о возведеніи Мамы на степень игумена, пришли къ нему и тайно приняты были отъ него въ лавру. Въ душѣ своей они скрывали пагубныя мысли, но, боясь св. отца нашего Саввы, совсѣмъ не предлагали ихъ монахамъ. Ибо, когда живъ былъ Савва, то исповѣданіе вѣры у всѣхъ монаховъ было одно. Вотъ что нужно было сказать о монахахъ новой лавры! Теперь я возвращаюсь къ дальнѣйшему повѣствованію о славныхъ дѣлахъ божественнаго старца.

Блистательны божественные дары просвѣщеннаго отца нашего Саввы. Они состоятъ въ славномъ подвижничествѣ, добродѣтельной жизни и православной вѣрѣ. Это отчасти уже показано было выше, и частію покажетъ далѣе Богъ Слово, управляющій моими словами. Освященный Савва, явившись побѣдителемъ надъ духами злобы и желая населять пустыню, устроилъ, при содѣйствіи живущаго въ немъ св. Духа, еще новое убѣжище благочестія. Ибо, по удаленіи означенныхъ дерзкихъ монаховъ и по основаніи новой лавры, когда діаволъ, хотѣвшій уловить себѣ учениковъ Саввы, самъ былъ уловленъ Саввою, Савва еще поставилъ знаменіе побѣды надъ нимъ. Возвратившись изъ новой лавры и проведши немногіе дни въ своей лаврѣ, онъ во время поста взялъ съ собою нѣкоего старца Павла, славнаго весьма многими монашескими подвигами, и пришелъ къ потоку, который былъ на разстояніи 15 стадій отъ великой лавры, недалеко отъ Кастеллія, къ западу. Здѣсь въ сѣверномъ утесѣ онъ нашелъ большую пещеру, которая никѣмъ еще не была занимаема, поселился и жилъ въ ней съ Павломъ до праздника ваій. После Пасхи онъ взялъ Ѳеодула, Гелясія, того же Павла и другихъ монаховъ, пришелъ на упомянутое место и, короче сказать, при содѣйствіи Божіемъ изъ пещеры сдѣлалъ церковь, и въ последствіи времени устроилъ тамъ весьма славную киновію и назвалъ ее пещерною. Блаженнаго Павла онъ поставилъ настоятелемъ сего мѣста и далъ ему изъ лавры трехъ братьевъ, Георгія, Кирика и Евстаѳія. На этомъ мѣстѣ, по благоволенію Божію, весьма скоро возрасло и умножилось число братій. Но для чего я много говорю объ этомъ? у всѣхъ передъ глазами находится пещерная киновія, устроенная трудами св. отца нашего Саввы. По кончинѣ блаженнаго Павла во Христѣ, правленіе надъ киновіей преемственно принимали Кирикъ и Евстаѳій, а по смерти ихъ игуменомъ сдѣланъ Сергій. Ибо Георгій былъ посланъ въ Александрію, гдѣ, сдѣлавшись извѣстнымъ архіепископу Зоилу, рукоположенъ во епископа Пелусійскаго. Вотъ что нужно было сказать объ обители, называемой пещерною. Нѣкто Маркіанъ, пресвитеръ церкви св. Воскресенія и игуменъ обители на святомъ Сіонѣ, часто приходилъ къ св. отцу нашему Саввѣ, дѣлалъ ему многія приношенія и, будучи побуждаемъ вѣрою, самъ своими руками съ дѣтьми своими Антоніемъ и Іоанномъ трудился и помогалъ трудящимся въ постройкѣ упомянутыхъ святыхъ мѣстъ. Такъ велика была вѣра сего мужа! Архіепископъ Илія полюбилъ его и рукоположилъ во епископа Севастійскаго, сына его Антонія рукоположилъ во епископа церкви Аскалонской, а другаго сына его Іоанна — во діакона церкви святаго Воскресенія.

Но нужно возвратиться къ повѣствованію о славныхъ дѣлахъ божественнаго старца. Замокъ, который, какъ мы сказали въ описаніи жизни Евѳиміевой, блаженная Евдокія построила на самой высочайшей во всей восточной пустынѣ горѣ, по преемству заняли монахи, защищавшіе Діоскорову и Евтихіеву ересь. Когда они, по вторичномъ соборномъ разсмотрѣніи ихъ ереси, были изгнанный изъ сего замка вмѣстѣ съ Геронтіемъ и Романомъ; но поселились въ немъ два монаха, которые были поборниками нечестивой Несторіанской ереси и не признавали Дѣву въ настоящемъ смыслѣ Божіею Матерію и не почитали Христа, нашего истиннаго Бога, лицемъ Святыя и единосущныя Троицы. Великій отецъ нашъ Савва, видя, что эти монахи находятся, такъ сказать, надъ головою трехъ его монастырей, печалился и съ великимъ прискорбіемъ сносилъ ихъ близкое присутствіе. Въ тѣ дни онъ видѣлъ слѣдующее видѣніе: ему казалось, что онъ находится въ церкви святаго Воскресенія, въ собраніи народа, во время богослуженія, и нѣкоторые церковные стражи съ величайшею угрозою изгоняютъ изъ церкви означенныхъ двухъ монаховъ, зараженныхъ Несторіанскою ересью; казалось, что онъ убѣждаетъ этихъ стражей позволить монахамъ пріобщиться св. таинъ, но стражи суровымъ голосомъ говорятъ ему въ отвѣтъ: нельзя позволить имъ пріобщиться св. таинъ; ибо они — іудеи, не признаютъ Христа истиннымъ Богомъ и Марію — Богородицею. Съ того времени старецъ сдѣлался сострадательнымъ къ нимъ и усердно молился о нихъ Богу, дабы они получили познаніе истины и оставили Несторіеву ересь. Притомъ онъ постоянно и долго ходилъ къ нимъ, убѣждалъ ихъ, совѣтовалъ имъ и внушалъ догматы благочестія. Наконецъ, отецъ нашъ Савва, послѣ многихъ молитвъ и совѣтовъ, при содѣйствіи Божіемъ, убѣдилъ ихъ предать проклятію Несторіево мнѣніе и присоединиться къ каѳолической церкви. Онъ ввѣрилъ ихъ блаженному Ѳеодосію, а начальникомъ и игуменомъ ихъ замка поставилъ нѣкоего ученика своего Іоанна, который по жизни своей былъ достоинъ удивленія; родомъ былъ изъ Византіи, въ монашескую жизнь вступилъ изъ перваго воинскаго отряда схоларіевъ, и въ великой лаврѣ строго исполнялъ монашескія обязанности; ибо онъ украшенъ былъ божественною мудростію и весьма былъ способенъ быть настоятелемъ въ этомъ мѣстѣ. Савва далъ ему братіевъ изъ лавры, также все нужное для нихъ, самъ часто приходилъ туда, трудился тамъ и имѣлъ попеченіе объ этомъ мѣстѣ, пока при помощи Божіей не сдѣлалъ изъ замка киновія. Въ этой киновіи схоларій собралъ многочисленное общество, къ которому принадлежалъ и честный Авраамій, епископъ Кратійскій. Схоларій прожилъ въ семъ монастырѣ 35 лѣтъ и прославился монашескими подвигами и твердостію въ православныхъ догматахъ. Св. отецъ нашъ Савва много потрудился въ основаніи и устроеніи сего монастыря и до смерти не переставалъ посѣщать сего мѣста и благодѣтельствовать ему.

Въ одно время, вскорѣ по выходѣ великаго Саввы изъ лавры въ совершенную пустыню, одинъ монахъ изъ великой лавры, родомъ изъ Іерусалима, по имени Іаковъ, будучи побуждаемъ гордостію, взялъ съ собою нѣкоторыхъ монаховъ изъ лавры и при вышепомянутомъ озерѣ, называемомъ семиустнымъ, (имѣющемъ семь устьевъ), началъ строить малую молитвенницу и келліи, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы тамъ основать лавру. Когда же отцы лавры начали негодовать на это и препятствовать его дѣлу,—онъ обманулъ ихъ и сказалъ, что святый отецъ ему приказалъ это. Отцы, услышавъ это, опечалились и перестали ему препятствовать. Великій старецъ, возвратившись къ празднику въ лавру и увидѣвши строеніе, призвалъ къ себѣ Іакова и сказалъ ему: твое предпріятіе, сынъ мой, основать другую лавру на мѣстѣ, принадлежащемъ лаврѣ, не богоугодно, тѣмъ болѣе, что избранное тобою мѣсто находится при дорогѣ и при нашемъ озерѣ. Если же кто и будетъ говорить, что строеніе будетъ принадлежать лаврѣ, то я не хочу, чтобы лавра такъ далеко распространялась. Послушай, что пророкъ совѣтуетъ тѣмъ, которые по неопытности и гордости предпринимаютъ дѣла выше своего достоинства и силъ: *раскуйте*,—говоритъ онъ,—*рала ваша на мечи, и серпы ваша на копія* (Іоил. 3, 10); ибо какая польза отъ земледѣлія, когда война опустошаетъ землю? Какъ ты можешь учить другихъ, когда еще самъ не побѣдилъ въ себѣ плотскихъ и душевныхъ страстей, когда еще самъ управляешься честолюбіемъ и тщеславіемъ?» Поелику Іаковъ противорѣчилъ этимъ словамъ, и не хотѣлъ оставить своего предпріятія; то старецъ сказалъ ему: «я совѣтую тебѣ, сынъ мой, полезное, но такъ какъ ты не хочешь послушаться, то ты на опытѣ узнаешь справедливость сказаннаго въ писаніи: *прекословія воздвижетъ всякъ злый, Господь же ангела немилостива послетъ нань* (Прит. 17, 11). Когда святый произнесъ эти слова и удалился въ свою башню, то Іаковъ объятъ былъ ужасомъ и вмѣстѣ весьма сильною горячкою; семь мѣсяцевъ онъ мучился этою болѣзнію, такъ что въ мѣсяцѣ Ноябрѣ отчаялся въ выздоровленіи. Поэтому онъ просилъ отцевъ, чтобы они взяли и снесли его въ церковь лавры и положили къ ногамъ святаго, дабы удостоиться отъ него прощенія прежде смерти. Когда это сдѣлано было съ нимъ, то святый сказалъ ему: «узналъ ли ты, въ чемъ состоитъ награда упрямству и противорѣчію? Научился ли ты гордостію своею? Когда же онъ съ трудомъ отверзъ уста и сказалъ: «прости меня, честный отче!» то святый сказалъ ему: «Богъ проститъ тебя!» потомъ подалъ ему руку, поднялъ его и приказалъ ему пріобщиться пречистыхъ таинъ. Пріобщившись ихъ, Іаковъ тотчасъ принялъ пищу и выздоровѣлъ, такъ что всѣ удивлялись нечаянной его перемѣнѣ. Съ этого времени онъ уже не возвращался къ своей постройкѣ. Архіепископъ Илія, услышавши объ этомъ, послалъ людей разрушить постройку Іакова. А св. отецъ нашъ Савва, взявши изъ лавры нѣкоторыхъ монаховъ, способныхъ къ тѣлеснымъ трудамъ, пришелъ на мѣсто, отстоящее отъ разрушенной постройки на 5 стадій къ сѣверу, построилъ молитвенницу и келліи въ видѣ круга, поставилъ тамъ настоятелями нѣкоторыхъ монаховъ изъ великой лавры, по имени Павла и Андрея, которые были родомъ греки и братья по плоти, поселилъ также и другихъ братіевъ, основалъ на этомъ мѣстѣ лавру и назвалъ ее *сежи-устною.* Мѣсто это онъ пріобрѣлъ отъ нѣкоего Зенатона, который родомъ былъ изъ селенія Витавудисъ. Савва ревностно старался объ устройствѣ сего мѣста. Возвратившись въ великую лавру, онъ посылалъ братіи, находящейся въ упомянутомъ мѣстѣ, святые дары и благословенные хлѣбы. Такимъ образомъ онъ имѣлъ великое попеченіе объ этомъ мѣстѣ, какъ мы уже сказали о томъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, упомянутый Іаковъ употребленъ былъ на служеніе въ гостинницѣ великой лавры. Поэтому онъ долженъ былъ приготовлять пищу для тѣхъ монаховъ, которые выходили въ пустыню для собиранія прутьевъ на корзины. Однажды онъ сварилъ слишкомъ много бобовъ, или густой похлебки изъ нихъ, и такъ какъ количество ихъ оставалось и отъ перваго и отъ втораго дня, то выбросилъ остатокъ ихъ изъ окна въ потокъ. Старецъ, замѣтивши это съ своей башни, тайно сошелъ съ нея и подобралъ аккуратно выброшенные бобы, потомъ разсыпалъ ихъ и высушилъ. По прошествіи нѣкотораго времени, когда Іаковъ окончилъ свое дѣло въ кухнѣ, Савва пригласилъ его одного къ себѣ на обѣдъ и предложилъ ему высушенные бобы, которые хорошо были приготовлены и приправлены. Въ то время, какъ они ѣли ихъ, старецъ сказалъ Іакову: «извини меня, брать, что я не умѣлъ хорошо приправить сей пищи, и что, можетъ быть, не довольно угощенъ ею». Когда же Іаковъ сказалъ, что онъ очень доволенъ угощеніемъ, и что давно уже не ѣлъ столь пріятной пищи, то старецъ отвѣчалъ ему: «повѣрь мнѣ, сынъ мой, что эти бобы—тѣ самые, которые ты выбросилъ изъ гостинницы въ потокъ. Теперь увѣрься, что кто не можетъ хорошо располагать мѣднымъ горшкомъ при вареніи растеній, такъ чтобы приготовляемой пищи довольно было для извѣстнаго числа монаховъ и чтобы никогда ничего не пропадало, тотъ не можетъ управлять обществомъ монаховъ; ибо апостолъ говоритъ: *аще кто своего дому не умѣетъ правити, како о церкви Божіей прилежати возможетъ* (1 Тим. 3, 5)? Услышавъ эти слова, Іаковъ получилъ отъ нихъ великую пользу и возвратился въ свою келлію.

Этотъ же Іаковъ, живя уединенно въ своей келліи, сильно искушаемъ былъ бѣсомъ блуда. Борясь съ нимъ довольно долгое время, онъ ослабѣлъ въ этой борьбѣ; ибо бѣсъ долгое время не переставалъ воспламенять его. Посему, по невѣдѣнію ли, или по забвенію постановленій, заключающихся въ божественныхъ и церковныхъ правилахъ, Іаковъ взялъ ножъ и исказилъ себя. Когда освященный Савва узналъ объ этомъ поступкѣ Іакова, то, по выздоровленіи его, выгналъ его изъ лавры, какъ самоубійцу. Его принялъ въ свою обитель великій Ѳеодосій. Онъ, узнавши и разсмотрѣвши, что съ нимъ случилось, привелъ его въ лавру и убѣдилъ старца принять его съ надлежащею епитимією. Освященный Савва далъ ему заповѣдь, чтобы онъ уединенно жилъ въ своей келліи, чтобы изъ нея никуда не выходилъ, никого къ себѣ не принималъ и ни съ кѣмъ не имѣлъ общенія, кромѣ одного своего служителя. Іаковъ, принявши отъ старца заповѣдь, долгое время молился Богу со слезами. Наконецъ, старцу открыто было, что Богъ принялъ покаяніе Іакова. Старцу было слѣдующее видѣніе. Одинъ свѣтоносный мужъ указывалъ ему на одного мертвеца, который лежалъ предъ Іаковомъ, стоящимъ на молитвѣ. Іаковъ, услышавши слова: «Іаковъ, теперь протяни руку свою и подними лежащаго»,—воскресилъ мертвеца. Послѣ этого свѣтоносный мужъ сказалъ старцу: «вотъ мертвецъ воскресъ, и ты разрѣши узы, возложенныя на воскресшаго». Старецъ, послѣ сего видѣнія, пришедши въ самого себя и размысливъ о немъ, позволилъ Іакову придти въ церковь. Здѣсь Іаковъ облобызалъ старца и прочихъ отцевъ; потомъ посѣтилъ и блаженнаго Ѳеодосія, облобызалъ и его и въ седьмой день послѣ видѣнія скончался въ радости.

Въ великой лаврѣ были два брата по плоти, по имени Занъ и Веніаминъ. Они и въ отношеніи къ Богу мыслили какъ братья. Родомъ они были изъ окрестностей Хеврона и украшены были божественными добродѣтелями. Они оба единодушно просили Савву освященнаго, чтобы онъ далъ имъ ту пустынную келлію, которую онъ самъ себѣ построилъ въ разстояніи около 15 стадій отъ лавры къ Ливіи. Великій старецъ, зная, что они истинные дѣлатели Божіи, согласился на ихъ просьбу и далъ имъ означенную келлію. Итакъ, они имѣли у себя одну келлію пустынную, а другую свою въ лаврѣ. При пустынной келліи они своими трудами и стараніемъ основали киновію, при помощи св. отца нашего Саввы; ибо онъ доставлялъ имъ потребное для издержекъ и другія нужныя вещи. Когда въ этомъ мѣстѣ умножилась братія, то Савва попеченіемъ своимъ построилъ церковь, освятилъ ее и ввелъ въ эту киновію правила другихъ своихъ киновій. Она благодатію Божіею и донынѣ процвѣтаетъ и называется киновіею блаженнаго Зана.

Въ лаврѣ былъ одинъ старецъ, родомъ изъ Виѳиніи, по имени Анѳимъ. Жизнь свою онъ провелъ во многихъ монашескихъ подвигахъ. Онъ съ самаго начала прибытія въ лавру построилъ себѣ келлію за потокомъ къ востоку, противъ башни Св. отца нашего Саввы. Проживъ въ ней 30 лѣтъ, онъ въ старости сдѣлался боленъ, такъ что лежалъ на постелѣ. Блаженный Савва, видя, что онъ впалъ въ весьма тяжкую болѣзнь, совѣтовалъ ему взять себѣ келлію около церкви, дабы здѣсь кто нибудь безъ труда могъ услуживать ему. Но Анѳимъ не хотѣлъ этого и говорилъ: «я вѣрю, что Богъ, создавшій мою душу, и приметъ ее къ себѣ въ той келліи, въ которой я сначала удостоился жить». По прошествіи нѣкотораго времени, въ одну ночь, св. Савва, вставши до прихода будильника, услышалъ голосъ псалмопѣнія, происходящій какъ бы отъ множества людей, и подумалъ, что по какому нибудь случаю совершается правило въ церкви; впрочемъ удивлялся, что, противъ обыкновенія, это дѣлается безъ его вѣдома. Поэтому, сошедши съ башни, онъ услышалъ, что многіе поютъ пріятнымъ голосомъ только этотъ стихъ: *пройду въ мѣсто селенія дивна даже до дому Божія, во гласѣ радованія и исповѣданія, шума празднующаго* (Псал. 41, 5). Узнавши, откуда происходилъ голосъ сего псалмопѣнія, онъ разбудилъ канонарха и приказалъ ему будить прочихъ. Потомъ, съ фиміамомъ и свѣчами онъ пришелъ въ келлію старца, но никого въ ней не нашелъ, кромѣ одного скончавшагося старца. Всѣ, пришедшіе съ Саввою въ келлію, удивлялись этому и, приготовивши честное тѣло къ погребенію, принесли въ церковь. Потомъ, совершивши надъ нимъ обыкновенное правило погребенія, положили между гробами праведныхъ и прославляли Бога, прославляющаго святыхъ своихъ.

Въ обители блаженнаго Θеодосія былъ одинъ братъ, родомъ изъ Асіи, по имени Афродисій. Онъ одинъ поднималъ съ земли и возлагалъ на свои плеча тяжесть, обыкновенно возлагаемую на лошаковъ, т. е. 12 мѣръ хлѣба. Величиною тѣла онъ превосходилъ всѣхъ монаховъ киновіи. Однажды случилось, что онъ на пути, разсердившись, ударилъ лошака по головѣ и разбилъ ее такъ что лошакъ тотчасъ упалъ и издохъ. Афродисій положилъ себѣ на плеча тяжесть и сѣдло, бывшее на лошакѣ, и пришелъ въ обитель. Великій Θеодосій прогналъ его изъ обители за убіеніе сего животнаго, и Афродисій пришелъ на Іорданъ и тамъ разсказалъ о своемъ проступкѣ святому Іоанну Египетскому, который тогда сіялъ добродѣтелями въ Хузивѣ. Здѣсь онъ услышалъ отъ Іоанна слѣдующія слова: «если хочешь спастись то иди къ аввѣ нашему Саввѣ и дѣлай то, что онъ тебѣ скажетъ». Поэтому, онъ пришелъ къ Саввѣ, разсказалъ о своемъ проступкѣ и просилъ открыть ему способъ спасенія. Савва далъ ему келлію и сказалъ: «живи въ келліи своей, въ другую келлію не переходи, изъ лавры не выходи, обуздывай свой языкъ, умѣряй требованія чрева своего, и спасешься». Афродисій, принявши сію заповѣдь, ни въ чемъ не переступалъ ее; и въ продолженіи 30 лѣтъ не выходилъ изъ лавры, не переходилъ въ другую келлію, никогда не имѣлъ у себя ни горшка, ни другаго какого либо сосуда съ кухни, ни кровати, не пилъ вина даже и растворѳннаго чѣмъ либо, не имѣлъ двухъ рубашекъ, спалъ на постелѣ, сдѣланной изъ древесныхъ вѣтвей и покрытой рогожею или весьма худою одеждою; у эконома лавры бралъ финиковыя вѣтви и каждый мѣсяцъ доставлялъ смотрителю надъ гостинницею 90 цѣлыхъ корзинъ; въ пищу для себя онъ бралъ остатки вареной пищи, какъ то отъ овоща травнаго, или отъ овоща шелушнаго, или отъ другой непитательной пищи: все это смѣшавши вмѣстѣ, онъ клалъ въ одну большую чашу и изъ этой чаши ежедневно бралъ по небольшому количеству и довольствовался этимъ. Хотя иногда пища и портилась уже въ этой чашѣ, но онъ не выбрасывалъ ее вонъ, а только прибавлялъ къ ней новыхъ остатковъ отъ пищи. Ночной его плачъ не позволялъ спать живущимъ около него. И такой образъ жизни онъ проводилъ, какъ мы сказали, 30 лѣтъ; никогда не былъ боленъ, ни унылъ, и никогда не чувствовалъ болѣзни въ желудкѣ. Наконецъ онъ удостоился дара предвѣдѣнія; ибо за недѣлю предузналъ день своей кончины. Пришедши въ церковь, онъ просилъ отца нашего Савву, чтобы онъ отпустилъ его на одинъ день въ обитель блаженнаго Ѳеодосія. Старецъ, узнавши, что приблизился день его смерти, послалъ съ нимъ Ѳеодула, брата Геласіева и пресвитера, и велѣлъ сказать блаженному Ѳеодосію: «вотъ того Афродисія, котораго я нѣкогда принялъ отъ тебя человѣкомъ, теперь посылаю тебѣ по благодати Христовой ангеломъ». Блаженный Ѳеодосій принялъ его съ радостію, облобызалъ, дружелюбно пригласилъ его къ себѣ для принятія пищи вмѣстѣ съ собою, и наконецъ отпустилъ его въ миръ. Афродисій, пришедши въ лавру, послѣ непродолжительной болѣзни скончался въ радости. Отцы приготовили его къ погребенію и положили вмѣстѣ съ пресвитерами. Впрочемъ, блаженный Савва приказалъ положить отдѣльно честныя его мощи, дабы въ послѣдствіи времени отцы, приходящіе на мѣсто погребенія, могли знать оныя и воздать имъ должное почтеніе.

За Іорданомъ къ востоку есть одинъ городъ Медавы, принадлежащій къ Аравіи. Жители его приходили къ святому отцу нашему Саввѣ, почерпали у него величайшую душевную пользу и приносили въ киновію его и въ лавру зерновой хлѣбъ и овощи. Въ числѣ такихъ посѣтителей лавры былъ одинъ старикъ, по имени Геронтій. Онъ впалъ однажды въ тѣлесную болѣзнь и, проживъ изъ-за ней долго во св. градѣ, захотѣлъ помолиться въ церкви святаго вознесенія. Поэтому онъ сѣлъ на лошака и со своими служителями отправился къ церкви. Въ то время, какъ онъ ѣхалъ на гору, лошакъ испугался тѣни, брошенной вдругъ какимъ-то предметомъ. Геронтій упалъ съ лошака и такъ расшибся что прибывшій врачъ не надѣялся излечить его. При этомъ случаѣ нѣкто Порфирій, меньшій братъ Геронтія, никому ничего не сказавши, пошелъ въ лавру и просилъ святаго Савву придти къ Геронтію для посѣщенія его. Старецъ, услышавши о несчастіи, случившемся съ Геронтіемъ, очень опечалился и тотчасъ пошелъ во святый градъ. Пришедши къ Геронтію, онъ долго молился о немъ; потомъ, помазавши его елеемъ отъ святаго креста, исцѣлилъ его, такъ что всѣ удивлялись столь нечаянной перемѣнѣ и столь неожиданному чуду.

Спустя довольно долгое время послѣ этого, сынъ сего Геронтія, по имени Ѳома, однажды во время голода пришелъ весьма поздно вечеромъ въ Іерихонъ въ гостинницу, принадлежащую великой лаврѣ. Здѣсь нашелъ онъ святѣйшаго Савву, также Ѳеодора и Павла, настоятелей Кастеллійской и Пещерной киновій. Блаженный Савва, увидѣвши его, радъ былъ его прибытію и сказалъ смотрителю надъ гостинницей: «приготовь намъ ужинъ!» Во время ужина старецъ спросилъ смотрителя, нѣтъ ли у него вина; этотъ отвѣчалъ, что нѣтъ ничего, а есть только тыква, наполненная уксусомъ, который нуженъ для приправы овощей. Несмотря на это, святый сказалъ: «принеси мнѣ сюда тыкву! благословенъ Господь: мы и изъ тыквы получимъ веселіе; ибо Христосъ Богъ нашъ, претворившій воду въ вино, силенъ претворить и уксусъ въ вино». Когда святый сказалъ это, и принесена была тыква: то нашли, что уксусъ сдѣлался хорошимъ виномъ. Тогда Ѳома удивился неожиданному чуду, а старецъ сказалъ смотрителю: «принеси скорѣе горящихъ угольевъ и положи на нихъ ѳиміама! ибо въ сей часъ случилось у насъ Божіе посѣщеніе». Вино въ тыквѣ такъ умножилось божественною силою, что въ теченіи трехъ дней всѣ достаточно пили его. Ѳома, будучи сильно пораженъ этимъ чудомъ, просилъ старца, чтобы онъ позволилъ ему взять тыкву къ себѣ домой. Святый отдалъ ему, и Ѳома, взявъ ее, отправился въ путь, и какъ самъ онъ, такъ и спутники его пили оставшееся вино до самаго пришествія въ Медавы. Объ этомъ разсказалъ мнѣ авва Геронтій, который нынѣ настоятелемъ въ обители святаго Евѳимія. Онъ сынъ Ѳомы и внукъ Геронтія. Къ своему разсказу онъ присовокупилъ и слѣдующія слова: «мы сохраняли сію тыкву въ домѣ своемъ многіе годы. Когда кто заболѣвалъ, то наши домашніе наполняли тыкву водою, окропляли ею больнаго, и это окропленіе облегчало больнаго во всякой тѣлесной болѣзни».

Савва, сей подвижникъ благочестія, идя въ одно время съ однимъ ученикомъ своимъ отъ Іерихона къ Іордану, встрѣтился на пути съ нѣкоторыми мірскими людьми, между которыми была и красивая дѣвица. Когда эти люди прошли мимо ихъ, то старецъ, желая испытать своего ученика, сказалъ ему: «какова эта дѣвица, которая прошла мимо насъ? Кажется, она одноглазая?» Братъ отвѣчалъ ему: «нѣтъ, отецъ, она оба глаза имѣетъ». Услышавъ это, старецъ сказалъ ему: «гдѣ же у тебя та заповѣдь, которая говоритъ: не *уловленъ буди* *твоима очима, ниже да совосхитишися вѣждами ея* (Прит. 6, 25). Ты любопытнымъ взоромъ можешь воспламенить въ себѣ страсть. Теперь будь увѣренъ, что ты не будешь жить со мною въ келліи, потому что ты не смотришь за глазами своими, какъ должно». Савва отослалъ его отъ себя въ Кастеллій, и послѣ того, какъ онъ прожилъ тамъ нѣкоторое время и довольно научился всемѣрно наблюдать за своими глазами и бдѣть надъ своими мыслями, Савва принялъ его въ лавру и далъ ему келлію.

Лаврскій поваръ сварилъ однажды тыквъ для мастеровъ и, отвѣдавъ ихъ при наступленіи вечера, опредѣленнаго для принятія пищи, нашелъ, что онѣ горьки. Не имѣя у себя ничего, чѣмъ бы можно было приправить ихъ, и потому будучи поставленъ въ затрудненіе этимъ случаемъ, скоро побѣжалъ къ старцу, палъ предъ нимъ и объявилъ ему о семъ происшествіи. Святый пришелъ въ кухню, положилъ крестное знаменіе надъ сосудомъ и сказалъ повару: «теперь иди, подавай на столъ! благословенъ Господь!» Тыквы тотчасъ сдѣлались сладкими, и всѣ ихъ ѣли, насытились и прославили Бога.

Однажды, когда сей святый старецъ шелъ изъ Рувы къ Іордану, на то мѣсто, гдѣ растетъ тростникъ, встрѣтился съ нимъ величайшій хромающій левъ. Припадши къ Саввѣ, онъ показывалъ ему свою ногу и знаками просилъ его оказать вспоможеніе. Отецъ нашъ Савва, видя переносимую звѣремъ боль и взявши его ногу, вынулъ изъ нея занозу. Левъ, получивъ облегченіе отъ боли, всталъ и началъ ходить. Послѣ этого въ продолженіи четыредесятницы онъ сопутствовалъ старцу и охотно служилъ ему. Освященный старецъ имѣлъ тогда при себѣ одного ученика, родомъ Сиріянина, по имени Флависа. Этотъ ученикъ для услуги имѣлъ у себя осла въ Рувѣ, въ нижней ея странѣ. Савва, пославши однажды этого ученика для исполненія своего порученія, приказалъ льву стеречь осла его. Левъ поутру бралъ ртомъ узду осла, уходилъ съ нимъ и пасъ его весь день, а вечеромъ приводилъ его и возвращался [illegible]. Но, по прошествіи нѣсколькихъ дней, когда онъ еще продолжалъ исполнять свою службу, Флаисъ, посланный для исполненія возложеннаго на него дѣла, возмечтавши о своемъ спасеніи, или, можетъ быть, чѣмъ-нибудь возгордившись, и посему будучи оставленъ Богомъ, палъ въ грѣхъ. И въ этотъ же самый день левъ умертвилъ осла и съѣлъ его. Флаисъ, узнавши объ этомъ, увидѣлъ, что грѣхъ его былъ причиною того, что оселъ его съѣденъ. Поэтому онъ не осмѣлился явиться къ старцу, но предался отчаянію, пошелъ въ свое селеніе и тамъ оплакивалъ свой грѣхъ. Но Божественный старецъ, подражая Господнему человѣколюбію, не презрѣлъ его, но по долговременномъ исканіи нашелъ его, наставилъ, преклонилъ къ Богу и такимъ образомъ возставилъ отъ паденія и спасъ его; ибо Флаисъ, заключивъ себя въ келліи, принесъ искреннее покаяніе и много благоугодилъ Богу.

Въ 73-й годъ жизни освященнаго Саввы, Іерусалимскій архіепископъ Илія, намѣреваясь послать нѣкоторыхъ игуменовъ въ Константинополь, призвалъ къ себѣ отца нашего Савву и просилъ его идти туда съ другими игуменами и всѣми силами стараться о сохраненіи спокойствія іерусалимской церкви, матери церквей; ибо императоръ Анастасій, будучи въ сильномъ негодованіи на Илію, покушался ниспровергнуть и привесть въ безпорядокъ все церковное постановленіе въ Палестинѣ. Но я сначала разскажу въ краткихъ словахъ о томъ, какая была причина гнѣва и негодованія императорскаго на архіепископа. Во время патріаршества Иліи въ Іерусалимѣ, въ третій годъ Анастасіева царствованія, церковь Божія раздѣлялась на три части и находилась въ безпорядкѣ; ибо римскіе архіереи были въ несогласіи съ византійскими за то, что послѣдніе внесли въ церковные помянники имя Акакія, бывшаго епископа Константинопольскаго, не послѣдовавшаго ученію римскихъ. Византійскіе же епископы были въ несогласіи съ Александрійскими за то, что эти проклинали Халкидонскій соборъ и принимали въ церковное общеніе Діоскора, низложеннаго на семъ соборѣ. Итакъ, Илія былъ въ общеніи только съ одними византійскими епископами, поелику западные, какъ мы сказали, отдѣлились отъ восточныхъ; а Палладій, епископъ антіохійскій, въ удовольствіе императору проклиналъ опредѣленія Халкидонскаго собора и соглашался съ александрійцами. При такихъ обстоятельствахъ, императоръ оклеветалъ Константинопольскаго епископа Евфимія, низвергъ его съ епископскаго престола за то, что онъ соборно утвердилъ опредѣленія Халкидонскія. Александрійскій и антіохійскій епископы согласились на низверженіе Евфимія; но Илія не хотѣлъ согласиться на это. Впрочемъ узнавши, что рукоположенный на мѣсто Евфимія Македоній — православный, какъ это видно было изъ его соборныхъ опредѣленій, принялъ его въ общеніе съ собою. Это въ началѣ немало обезпокоило императора. Итакъ, Македоній и Илія были въ единомысліи. Когда же и Флавіанъ, по кончинѣ Палладія, къ нимъ присоединился, то императоръ, отважный на дѣла, противныя благочестію, не могъ терпѣть этого единенія и старался послать ихъ въ заточеніе. Поэтому, принявъ сначала разные ложные доносы на Македонія, онъ лишилъ его епископства и на мѣсто его поставилъ Тимоѳея, приказавъ согласиться на это постановленіе Флавіану и Иліи. Они согласились на соборное исповѣданіе вѣры, предложенное Тимоѳеемъ, но не согласились на то опредѣленіе, которымъ Македоній низверженъ съ епископскаго престола. Императоръ сильно разгнѣвался на обоихъ этихъ епископовъ, и обѣимъ церквамъ угрожала великая буря. По этой-то причинѣ патріархъ Илія, какъ мы уже сказали, послалъ въ Константинополь отца нашего Савву и съ нимъ другихъ игуменовъ, написавъ къ императору слѣдующее письмо. «Для испрошенія милости отъ Вашей державы я посылаю къ вамъ рабовъ Божіихъ, избранныхъ, честныхъ, вѣрныхъ, настоятелей всей пустыни, и въ числѣ ихъ преподобнаго Савву, который населилъ нашу пустыню подобно городу и управляетъ ею, и который есть свѣтильникъ всей Палестины. Таково было письмо архіепископа Иліи. Отецъ нашъ Савва повиновался своему архипастырю и усердно, желая, если только будетъ возможно, помочь каѳолической православной вѣрѣ, которая тогда была обуреваема и находилась въ опасности. Когда Савва былъ отпущенъ и находился въ пути, то императоръ Анастасій, по необузданному гнѣву на Флавіана и Илію, далъ указъ, чтобы въ Сидонѣ составился соборъ изъ восточныхъ и палестинскихъ епископовъ, и главными лицами на соборѣ повелѣлъ быть Сотириху, епископу Кесаріи Каппадокійскія, и Филоксену, епископу Іерапольскому, которые отвергали Халкидонскія опредѣленія и защищали Евтихія и Діоскора и ихъ ереси.

Когда св. Савва съ посланными отцами прибылъ въ столицу, и о прибытіи ихъ возвѣщено было императору, то приказано было всѣмъ имъ войти къ нему. Богъ, прославляющій прославляющихъ Его, восхотѣвши открыть благодать, сопутствующую рабу Его Саввѣ, устроилъ, чтобы при этомъ случаѣ произошло слѣдующее. Когда всѣ отцы пришли ко дворцу и входили въ пріемную, то служители, находившіеся при дверяхъ этой комнаты, впустивши въ нее всѣхъ, не пустили сего великаго свѣтильника, почитая его за какого-нибудь нищаго, потому что Савва, по смиренію своему, всегда казался всѣхъ ничтожнѣе и одѣвался въ ветхую одежду со многими заплатами. Императоръ Анастасій, благосклонно принявши отцевъ, спросилъ о св. Саввѣ, такъ какъ онъ восхваленъ былъ въ письмѣ. Отцы начали осматриваться кругомъ себя и не знали, какъ онъ отсталъ отъ нихъ. Императоръ тотчасъ приказалъ найти его. Придворные служители долго суетились и наконецъ, бѣгая по разнымъ комнатамъ, нашли его въ одной особой сборной комнатѣ, стоящимъ въ углу и читающимъ тію, называемые Декадоны, схватили его и повели къ императору. Когда онъ переступилъ порогъ, то императоръ увидѣлъ нѣкій ангельскій образъ, предшествовавшій ему, всталъ, принялъ его съ надлежащею честію и повелѣлъ ему сѣсть. Онъ любилъ монаховъ, хотя нѣкоторые неблагонамѣренные люди и настроили его вооружиться противъ православной вѣры. Потомъ, когда началась бесѣда, каждый изъ остальныхъ игуменовъ заботился о своемъ монастырѣ. Одинъ изъ нихъ просилъ себѣ полей, окружающихъ его монастырь; другой желалъ, чтобы изданъ былъ какой либо другой императорскій указъ. Императоръ, удовлетворивши каждому, спросилъ св. Савву: «а ты, старче, что же ничего не просишь? Для чего ты предпринималъ столь далекій путь?» Старецъ въ отвѣтъ на это сказалъ ему: «я пришелъ сюда во первыхъ для того, чтобы пасть къ стопамъ Вашего благочестія, пока я еще нахожусь въ семъ тѣлѣ, и просить Васъ о св. градѣ Божіемъ Іерусалимѣ и о святѣйшемъ его архіепископѣ, и попросить у Васъ миръ святымъ нашимъ церквамъ, чтобы священническій чинъ оставался при нихъ въ покоѣ. Живя въ покоѣ, проистекающемъ отъ церковнаго мира и содѣйствующемъ преуспѣянію въ добродѣтеляхъ, мы и днемъ и ночью будемъ молиться о Вашемъ благоденствіи, будучи довольны Вашими благочестивыми законами». Выслушавъ это, императоръ приказалъ принести тысячу монетъ и сказалъ: «возьми ихъ, отче, и молись о насъ, ибо я слышалъ, что ты — настоятелемъ надъ многими монастырями въ пустынѣ». Великій Савва сказалъ ему: «мнѣ хочется перезимовать здѣсь и удостоиться той милости, чтобы ходить къ Вашему благочестію». Тогда императоръ отпустилъ остальныхъ игуменовъ въ Палестину, а ему приказалъ остаться на зиму въ Константинополѣ и позволилъ безпрепятственно и безъ доклада ходить во дворецъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, императоръ призвалъ къ себѣ Савву и сказалъ: «нашъ архіепископъ сдѣлался защитникомъ халкидонскаго собора, утверждающаго Несторіевы мнѣнія. Мало того: онъ еще склонилъ на свою сторону и Флавіана, епископа Антіохійскаго. Когда собравшійся нынѣ въ Сидонѣ соборъ хотѣлъ предать всеобщему проклятію опредѣленія халкидонскаго собора, то онъ одинъ съ Флавіаномъ антіохійскимъ воспрепятствовалъ этому и написалъ къ намъ въ письмѣ своемъ слѣдующее: «Всякую ересь, которая вводитъ что либо новое въ православную вѣру, мы отвергаемъ; впрочемъ, не соглашаемся и на дѣянія халкидонскаго собора, по причинѣ происшедшихъ отъ него соблазновъ». Кромѣ того, поелику мы велѣли распустить этотъ соборъ безъ окончанія дѣла, то онъ думаетъ поэтому, что и насъ привлекъ на свою сторону. Теперь мы убѣдились, хотя знали и прежде, что архіепископъ Илія есть защитникъ халкидонскаго собора и всей Несторіевой ереси, потому что онъ и прежде не хотѣлъ согласиться на низверженіе Евѳимія и Македонія, бывшихъ Несторіанами. Посему мы повелѣваемъ, какъ ты видишь, лишить его епископскаго престола и возвести на него человѣка, исповѣдывающаго православную вѣру и достойнаго того святаго и апостольскаго престола, дабы эти священныя и боголюбезныя мѣста не были оскверняемы Несторіевыми мнѣніями». Такъ говорилъ императоръ. Св. отецъ нашъ Савва отвѣчалъ ему слѣдующими словами: «Да будетъ извѣстно Вашему величеству, что архіепископъ святаго нашего Божія града, будучи наученъ догматамъ благочестія древними свѣтоносными и чудодѣйствующими отцами нашей страны, совершенно отвергаетъ и раздѣленіе Несторіево и смѣшеніе Евтихіево и ходитъ по среднему пути православной вѣры, и, скажу словами Писанія: *не совращается ни на десно, ни на лѣво* (Второз. 5, 32). Мы знаемъ, что онъ дышетъ божественными догматами св. Кирилла, архіепископа Александрійскаго; а тѣхъ, которые противились или противятся его догматамъ, онъ проклинаетъ. Итакъ мы умоляемъ Ваше величество сохранить въ спокойствіи св. градъ Іерусалимъ, въ которомъ совершилось великое таинство благочестія, и оставить неизмѣннымъ наше священноначаліе». Императоръ, выслушавъ эти слова старца и видя его святость, простоту и смиреніе, сказалъ ему: «поистинѣ хорошо сказано, старче, въ божественномъ писаніи, что *иже ходитъ просто, ходитъ надѣяся* (Прит. 10, 9). Молись о насъ и не безпокойся! мы ради твоей святыни ничего не велимъ дѣлать противъ вашего архіепископа и со всякою честію отпускаемъ тебя отсюда».

От императора старецъ пошелъ къ императрицѣ Аріаднѣ: онъ благословилъ ее и убѣждалъ принять вѣру св. отца ея, великаго императора Льва. Но она сказала ему: «хорошо ты говоришь, старецъ, только некому слушать тебя». Послѣ этого Савва, для избѣжанія городскаго шума, вышелъ изъ города и остановился въ предмѣстьи Руфина, находящемся при Демостратѣ. Царевна Іуліана, внука императора Валентиніана, и Анастасія, супруга Патрикія Помпея, теперь сіяющая на масличной горѣ монашескими добродѣтелями, часто съ великимъ почтеніемъ приходили къ нему въ его мѣстопребываніе и наслаждались божественнымъ его ученіемъ; ибо онѣ были очень усердны къ вѣрѣ и сіяли православіемъ и другими добродѣтелями.

По прошествіи немногихъ дней, Савва опять призванъ былъ къ императору. Представши предъ него, онъ просилъ его о св. градѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Все римское государство благодаритъ Ваше величество за то, что Вы уже 13 лѣтъ назадъ освободили его отъ самой несправедливой подати, называемой хрисаргиръ. Нынѣ умоляемъ Васъ уничтожить и остальную подать, которая наложена на церковь Святаго Воскресенія и на жителей св. града; ибо они бѣдны и несчастны. Скажу, по какой причинѣ наложена была эта подать. Однажды сборщики общественныхъ податей въ Палестинѣ, не могши собрать съ бѣдныхъ и несчастныхъ лицъ 100 литръ золота, принуждены были уплату ихъ возложить на іерусалимскихъ жителей, соразмѣрно достатку каждаго. Когда были раздагаемы эти 100 литръ золота, то обложены были и церковь св. Воскресенія и прочія св. мѣста съ ихъ жителями. Великій старецъ просилъ уничтожить эту подать. Императоръ, уважая святость старца, согласился удовлетворить его просьбу. Поэтому онъ призвалъ къ себѣ начальника надъ преторіей, по имени Зотика, и приказалъ уничтожить дѣло объ упомянутой подати и объявить прощеніе св. граду.

Большое количество золота, полученнаго отъ императора, отецъ нашъ Савва послалъ изъ Византіи въ свое селеніе Муталаску съ тѣмъ, чтобы его отеческій домъ былъ передѣланъ въ церковь св. мучениковъ Космы и Даміана. Это такъ и сдѣлано было. Въ это время нѣкто Мама, архимандритъ монаховъ, живущихъ около Елевѳерополя и отдѣлившихся отъ правовѣрія, прибылъ въ Константинополь, возсталъ противъ православной вѣры и пріобрѣлъ великую довѣренность у императора. Но отецъ нашъ Савва, послѣ сильнаго съ нимъ пренія, привелъ его съ собою въ Іерусалимъ, убѣждая его оставить ересь акефаловъ и присоединиться къ каѳолической церкви. Наконецъ, послѣ многократныхъ убѣжденій, онъ привелъ его къ патріарху Иліи, и склонилъ принять Халкидонскій соборъ, присоединиться къ православной церкви и предать проклятію Евтихія и Діоскора. Мама примѣромъ своимъ многихъ расположилъ къ подобному обращенію. Впрочемъ, это весьма раздражило императора Анастасія противъ патріарха Иліи. Оставшееся императорское золото божественный старецъ раздѣлилъ по своимъ монастырямъ.

Послѣ того, какъ патріархи Флавіанъ и Илія, прибывши въ Сидонъ, какъ мы объ этомъ сказали прежде, послали оттуда къ императору письма, извѣщающія его о дѣйствіяхъ собора, и послѣ того, какъ они распустили этотъ соборъ, составившійся противъ истинной вѣры, и наконецъ возвратились на свои престолы, Сотерихъ и Филоксенъ вознегодовали на нихъ и увѣриню императора, будто его обижаютъ ихъ противники, но притворствомъ своихъ патріарховъ сильно раздражали его противъ нихъ. Посему, получивъ отъ него желаемую власть, они продали Антіохійскому народу множество золота, причиняли Флавіану множество оскорбленій и, такъ сказать, задушили его, принуждая проклясти Халкидонскій соборъ, и наконецъ лишили его престола и осудили на заточеніе. Императоръ, узнавши объ этомъ, радъ былъ и епископомъ въ Антіохію назначилъ Севера, начальника акефаловъ. Северъ, получивши патріаршество, много зла дѣлалъ непринимавшимъ его ереси. Онъ посылалъ свое исповѣданіе вѣры къ архіепископу Иліѣ; но такъ какъ этотъ послѣдній не принялъ Севера въ общеніе съ собою, то онъ возбудилъ въ императорѣ гнѣвъ противъ Иліи. Потомъ въ другой разъ онъ послалъ къ нему же патріарху свое исповѣданіе вѣры мѣсяца мая, 4-го индиктіона, съ нѣкоторыми служителями церкви и съ императорскимъ войскомъ. Узнавши объ этомъ, св. отецъ нашъ Савва пришелъ во св. градъ съ прочими пустынными игуменами и выгналъ изъ св. града людей, пришедшихъ съ Северовымъ исповѣданіемъ вѣры. Тогда множество монаховъ, собравшись къ св. лобному мѣсту, вмѣстѣ съ іерусалимскими жителями кричали анаѳема Северу и его сообщникамъ. Это происшествіе видѣли и эти послы, слышали даже и начальники воинскіе и воины, которыхъ прислалъ императоръ. Северъ, будучи необыкновенно высокомѣренъ и надѣясь на царскую власть, предавалъ безчисленнымъ проклятіямъ Халкидонскій соборъ, старался утвердить ересь Евтихія и училъ, что въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ по его воплощеніи отъ Дѣвы было только одно тлѣнное естество. Любя церковныя смуты, онъ выдумалъ много новыхъ мнѣній, противныхъ православнымъ церковнымъ догматамъ и опредѣленіямъ. Онъ принималъ нечестивѣйшій второй соборъ Ефесскій и почиталъ его равнымъ первому собору, бывшему въ Ефесѣ; изъ учителей церкви признавалъ равными между собою Кирилла;

богомерзкаго епископа Александрійскаго, и Діоскора, который низложилъ съ престола и умертвилъ святѣйшаго и православнѣйшаго Флавіана, архіепископа Константинопольскаго. Онъ принялъ въ общеніе съ собою еретика Евтихія, какъ единомысленнаго съ собою. Преуспѣвая въ нечестіи, Северъ изощрилъ языкъ свой къ богохульству и своимъ ученіемъ раздѣлялъ единое и нераздѣльное въ Троицѣ Божество. Онъ говорилъ, что въ Богѣ лице есть естество и естество есть лице и такимъ образомъ, не полагая никакого различія въ этихъ наименованіяхъ, осмѣлился называть святую покланяемую и единосущную Троицу божественныхъ лицъ троицею естествъ, божествъ и Боговъ. И такого-то развратителя душъ и пагубнаго человѣка Анастасій приказалъ Иліи принять въ церковное общеніе съ собою. Поелику же этотъ никакъ не хотѣлъ сдѣлать сего, то императоръ, разгнѣвавшись на него, послалъ въ Іерусалимъ нѣкоего Кесаріанина Олимпія, который былъ начальникомъ надъ Палестиною. Вмѣстѣ съ нимъ онъ послалъ и письмо, писанное изъ Сидона, въ которомъ описываются дѣйствія Сидонскаго собора и говорится, что не должно принимать Халкидонскаго собора. Олимпію поручено было всячески стараться о низложеніи Иліи съ епископской каѳедры. Посему Олимпій, пришедши въ Іерусалимъ съ императорскимъ войскомъ и употребивши всякіе способы и хитрости, низложилъ Илію, заточилъ его въ Аилу и іерусалимскимъ епископомъ поставилъ Іоанна, сына Маркіанова; потому что Іоаннъ обѣщался принять Севера въ общеніе съ собою и отвергнуть халкидонскій соборъ. Савва освященный и прочіе отцы пустыни, узнавъ объ этомъ Іоанновомъ обѣщаніи, собрались къ нему и убѣдили его не принимать Севера въ общеніе, но совѣтовали для защиты Халкидонскаго собора подвергаться даже и опасностямъ, въ чемъ сами обѣщались участвовать. Изъ уваженія къ этимъ отцамъ, Іоаннъ не исполнилъ того, что обѣщался Палестинскому правителю. Императоръ, узнавши, что

Іоаннъ нарушилъ свое обѣщаніе, пришедши въ неистовство, лишивши Олимпія власти, послалъ начальникомъ въ Палестину Анастасія, сына Памфилова, чтобы онъ или склонилъ Іоанна къ общенію съ Северомъ, или низложилъ его съ епископскаго престола. Этотъ, пришедши въ Іерусалимъ, нечаянно схватилъ архіепископа и ввергнулъ его въ общественную темницу. Всѣ жители Св. града рады были этому событію, потому что Іоаннъ былъ злоумышленникомъ противъ архіепископа Иліи и предателемъ его. Въ это время нѣкто Захарій, правитель Кесаріи, пришедши тайно въ темницу, далъ Іоанну слѣдующій совѣтъ: если ты хочешь себѣ благополучія и не хочешь лишиться епископства, то ни по какой причинѣ не склоняйся къ общенію съ Северомъ, но предъ Палестинскимъ правителемъ притворись, будто бы ты согласенъ быть въ общеніи съ Северомъ, и скажи: находясь въ этомъ мѣстѣ, я не отрекаюсь исполнить то, что мнѣ предлагаютъ, но дабы другіе не стали говорить, что я исполнилъ это по принужденію, пусть меня выведутъ отсюда, и я, по истеченіи двухъ дней, въ воскресный день охотно сдѣлаю то, что вы мнѣ прикажете. Правитель, повѣривши этимъ словамъ архіепископа, возвратилъ его церкви. Архіепископъ, освободившись изъ темницы, собралъ ночью изъ всѣхъ мѣстъ всѣхъ монаховъ во св. градъ, такъ что нѣкоторые, считавшіе ихъ количество, нашли, что всѣхъ ихъ было до 10,000. Поелику соборная церковь не могла вмѣстить такого множества людей, то положено было собраться всѣмъ въ воскресный день во храмѣ св. первомученика Стефана, потому что этотъ храмъ могъ вмѣстить всѣхъ собравшихся монаховъ, которымъ будто бы хотѣлось встрѣтить Ипатія, двоюроднаго брата императора, освободившагося изъ Виталіанова плѣна и ѣхавшаго въ Іерусалимъ для молитвы. Итакъ всѣ, какъ монахи, такъ и граждане собрались въ упомянутомъ священномъ храмѣ; туда пришелъ также и правитель Анастасій и бывшій нѣкогда консуломъ Захарій. Когда прибывшій въ Іерусалимѣ. Ипатій со множествомъ народа вошелъ въ храмъ первомученика Стефана; а правитель ожидалъ исполненія императорской воли, но когда архіепископъ Іоаннъ взошелъ на амвонъ вмѣстѣ съ нимъ, а также Ѳеодосій и Савва, вожди и начальники монаховъ, то весь народъ громко и долгое время кричалъ: «Проклинай еретиковъ и утверди соборъ!» Поэтому вмѣстѣ всѣ трое, взошедшіе на амвонъ, единогласно прокляли Несторія, Евтихія, Севера, Сотериха, епископа Кесаріи Каппадокійскія, и всякаго не принимающаго соборъ Халкидонскій. Когда эти три лица провозгласили проклятіе и сошли съ амвона, то авва Ѳеодосій, возвратившися на амвонъ, произнесъ къ народу слѣдующія слова: «кто не принимаетъ четырехъ соборовъ, тотъ да будетъ анаѳема!» Послѣ этихъ происшествій, правитель, убоявшись множества монаховъ, удалился въ Кесарію. А Ипатій клятвами увѣрялъ отцевъ и говорилъ: «я пришелъ сюда не для сообщенія съ Северомъ, но для того, чтобы удостоиться вашего общенія». Онъ подарилъ церкви святаго Воскресенія, св. лобному мѣсту и честному кресту по 100 литръ золота, а также далъ Ѳеодосію и Саввѣ 100 литръ золота съ тѣмъ, чтобы они раздѣлили ихъ между палестинскими монахами.

Императоръ Анастасій, узнавши объ іерусалимскихъ происшествіяхъ, вознамѣрился послать въ заточеніе какъ архіепископа Іоанна, такъ и Ѳеодосія и Савву, которые вмѣстѣ съ архіепископомъ всходили на амвонъ. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ въ Іерусалимѣ, то начальники монаховъ, подвижники благочестія, вожди и поборники православія Ѳеодосій и Савва, собравши весь монашескій чинъ, по единодушному согласію написали и послали къ императору слѣдующее прошеніе или защитительное о себѣ писаніе: «Боголюбивѣйшему и благочестивѣйшему императору, Божіею милостію августу и самодержцу, христолюбивому Флавію Анастасію прошеніе и моленіе отъ архимандрита Ѳеодосія и Саввы и отъ прочихъ игуменовъ и отъ всѣхъ монаховъ, живающихъ во св. градѣ Божіемъ и во всей пустынѣ около него и на Іорданѣ. Верховный надъ всѣми царь Богъ и Владыка Іисусъ Христосъ, единородный Сынъ Божій ввѣрилъ боголюбивой Вашей державѣ скипетры царства надъ всѣми людьми послѣ себя самаго для того, чтобы чрезъ Ваше благочестіе даровать миръ всѣмъ святѣйшимъ своимъ церквамъ и особенно матери церквей, въ которой явлено и совершено великое таинство благочестія, и изъ которой начинаясь, оно какъ свѣтъ возсіяло во всѣхъ концахъ земли посредствомъ божественной и евангельской проповѣди. Мы жители сей св. земли издревле приняли отъ блаженныхъ и святыхъ пророковъ и апостоловъ истинную и невымышленную вѣру и исповѣданіе сего великаго и сверхъестественнаго таинства Христова, явленнаго посредствомъ побѣдоноснаго и честнаго креста и посредствомъ животворящаго Христова Воскресенія, и проповѣдуемаго во всѣхъ мѣстахъ, доселѣ при помощи Христовой сохранили невредимыми и неприкосновенными и благодатію Божіею по апостольскимъ наставленіямъ, всегда будемъ сохранять, *не колеблющеся ни во единомъ же отъ сопротивныхъ* (Филип. 1, 28), *не влающеся ни скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней лщенія* (Ефес. 4, 14) тѣхъ, которые обольщаютъ сердца простодушныхъ обманчивыми и гибельными для души мудрствованіями и чистую и свѣтлую струю православной вѣры возмущаютъ своимъ неправовѣріемъ. Поелику Ваша боголюбивая императорская власть, благодатію Божіею, и родилась и воспитана въ сей святой и непорочной вѣрѣ и, какъ мы вѣримъ, въ ней же отъ Бога приняла правленіе почти всей подсолнечной земли; то мы удивляемся, какимъ образомъ въ боголюбивыя времена Вашего царствованія произошло столь великое возмущеніе и волненіе во св. градѣ Божіемъ Іерусалимѣ и увеличилось до такой чрезмѣрности, что и мать всѣхъ церквей и церковь святаго Воскресенія Бога и Спасителя нашего, бывшая прежде убѣжищемъ и защимою для всѣхъ тѣхъ, кои со всего міра стекаютъ вѣры и желанія спасенія, обратилась въ широкое скудельное мѣсто. Ибо священническое сословіе, которое представительствуетъ въ церкви по образу Божія намѣсто Бога, также служители церкви, принадлежащіе къ сему сословію и посвятившіе себя монашеской жизни, явно и насильственно изгоняются, предъ глазами язычниковъ, іудеевъ и самарянъ, съ самаго святаго Сіона и изъ церкви достопоклоняемаго Воскресенія, влекутся посреди города въ срамныя и нечистыя мѣста и принуждаются къ принятію того, что противно вѣрѣ; такъ что многіе, приходящіе сюда для молитвы, вмѣсто того, чтобы получить пользу и назиданіе, видятъ только соблазны и со стыдомъ возвращаются въ свое отечество. Итакъ, если все это только за вѣру воздвигается противъ св. града Божія Іерусалима, который есть око и свѣтильникъ всей вселенной, какъ свидѣтельствуютъ сіи пророческія слова: *отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима* (Исаі. 2, 3), то жители сего града ежедневно какъ бы собственными руками осязаютъ истину вѣры въ тѣхъ самыхъ священныхъ мѣстахъ, въ которыхъ совершилось таинство вочеловѣченія великаго Бога и Спасителя нашего. Итакъ, какимъ же образомъ, по прошествіи 500 слишкомъ лѣтъ отъ пришествія Христова, насъ жителей Іерусалима снова учатъ вѣрѣ? Отсюда ясно можно видѣть, что вводимое нынѣ вновь ученіе, искажающее прежнюю Христову вѣру, есть ученіе не истиннаго Христа, но антихриста, который старается уничтожить единеніе и миръ Божіихъ церквей и который уже все наполнилъ смятеніемъ и безпорядками. Но виновникъ всего этого и начальникъ есть Северъ, который уже давно сдѣлался акефалитомъ и отступникомъ отъ правовѣрія. Онъ, по попущенію Божію, за наши грѣхи поставленъ въ архіерея Антіохійской Церкви, къ погибели своей души и всего Антіохійскаго города. Онъ проклялъ св. отцевъ нашихъ, которые по всѣмъ частямъ утвердили апостольтую вѣру, опредѣленную и преданную намъ св. отцами, собравшимися въ Никеѣ, и проповѣдуемую всѣми вездѣ. Удаляясь отъ общенія и единенія съ этимъ акефаломъ и совершенно отвергаясь его, мы умоляемъ Ваше благочестіе помиловать Сіонъ, матерь всѣхъ церквей, которая служитъ защитою Вашей благочестивой власти, но которая между тѣмъ такъ безчестно оскорбляется и опустошается. Благоволите повелѣть, чтобы остановлена была буря, угрожающая святому Божіему граду; ибо, если въ ученіи о вѣрѣ предложатъ намъ или жизнь, или смерть, то для насъ предпочтительнѣе смерть. Мы никоимъ образомъ и ни по какой причинѣ не сообщимся съ врагами Церкви Божіей, не устрашимся ихъ злостныхъ проклятій, но при помощи Божіей будемъ твердо держать апостольскую вѣру. Въ этой вѣрѣ мы, жители сей святой земли, *стоимъ и хвалимся упованіемъ славы Божія* (Рим. 5, 2), имѣя, по благодати Божіей, однѣ мысли и одну вѣру. Мы охотно принимаемъ четыре святыхъ собора, которые ознаменованы евангельскою печатію и совершеннымъ согласіемъ въ духѣ и мысляхъ, которые собираемы были по волѣ Божіей въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ для истребленія предлагаемыхъ тогда многоразличныхъ еретическихъ заблужденій, и которые наконецъ различны между собою только одними словами, а не силою, какъ это же видно въ образѣ и силѣ богоначертанныхъ евангелій. Изъ этихъ св. соборовъ болѣе другихъ сіяетъ и болѣе другихъ славенъ упомянутый выше соборъ 328 святыхъ мужей, составившійся въ Никеѣ противъ нечестиваго Арія. Этому собору во всемъ послѣдовали и прочіе три собора, т. е. соборъ, состоявшій изъ 150 отцевъ, противъ духоборца Македонія, потомъ составившійся въ Ефесѣ противъ проклятаго Несторія, и наконецъ соборъ, сошедшійся во градѣ Халкидонскомъ, для утвержденія проклятія на нечестиваго Несторія, также для отлученія отъ Церкви и для проклятія нечестиваго Евтихія. Посему мы, всѣ жители сей святой земли, признавая свяную и апостольскую вѣру отъ сихъ святыхъ четырехъ соборовъ, она Святѣйшія Божія утвердилось въ этой вѣрѣ, что никто никакимъ образомъ, хотя бы онъ даже угрожалъ намъ тысячію смертей, не можетъ соединить насъ ни съ какимъ человѣкомъ, который не повинуется симъ соборамъ и не принимаетъ того ученія, какое приняли они. Для увѣренія же Вашей власти, мы къ сказанному нами присоединяемъ, что да будетъ анаѳема отъ Христа Бога нашего Несторій со всякою ересію и всякій его послѣдователь, также и всякій, кто одного Господа Іисуса Христа, единороднаго Сына Божія, за насъ распятаго, почитаетъ двумя сынами, или отвергаетъ божественное и непостижимое соединеніе въ немъ двухъ естествъ, или соглашается съ какими либо подобными этимъ безумными мнѣніями. Да будетъ анаѳема съ нимъ и Евтихій, который утверждалъ, что божественное воплощеніе было только по виду, или по совершенному превращенію, и который проклиналъ и совершенно отвергалъ различіе Божества и человѣчества одного и того же Христа Бога, въ его нераздѣльномъ и неслитномъ личномъ единеніи, но который за это и самъ съ нимъ, несчестивымъ Несторіемъ, былъ проклятъ отъ упомянутыхъ святыхъ отцевъ нашихъ. Ваше величество, благосклонно принявши сіе письменное удостовѣреніе и прошеніе отъ нашего всеобщаго смиренія, да благоволитъ повелѣть, дабы прекращены были всѣ непрестанныя смятенія и бѣдствія, подъ предлогомъ благочестія ежедневно причиняемыя врагами истины сему святому Божіему граду и святѣйшему нашему архіепископу Іоанну. Да будетъ увѣрено Ваше величество *предъ Богомъ и избранными его ангелы* (1 Тим. 5, 21), что мы никакимъ образомъ, безъ законнаго и утвержденнаго православнаго суда, не войдемъ въ единеніе съ упомянутыми противниками отъ православія, никакимъ образомъ не согласимся ни на какое нововведеніе въ вѣрѣ и никогда не примемъ ни одного лица изъ акефаловъ, рукоположеннаго ими во время нашей вдовы. Если же что нибудь подобное служится за насъ грѣхи, когда все предъ святою и единосущною Троицею устроены Вашего благочестія, то что мы всѣ охотно прольемъ кровь свою, и что скорѣе всѣ святыя мѣста сожжены будутъ огнемъ, чѣмъ сообщество это въ этомъ градѣ Божіемъ. Ибо какая польза въ томъ, что эти мѣста называются святынями, если они такъ обезчещиваются и подвергаются таковымъ поруганіямъ? *Миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ* (Филипп. 4, 7) церковь волею Вашего величества, и да уничтожитъ обременяющіе ее соблазны къ славѣ Божіей и къ чести Вашего боголюбиваго царствованія. Подобное этому прошеніе отцы наши послали и къ Іоанну, который тогда по смерти Тимоѳея рукоположенъ былъ во епископа Константинопольскаго. Императоръ Анастасій, принявши это прошеніе, положилъ оставить пока это дѣло безъ вниманія, ибо онъ былъ занятъ возмущеніемъ Виталіана. Такимъ образомъ Іоаннъ не былъ низложенъ съ іерусалимской каѳедры.

Савва, этотъ земный ангелъ и небесный человѣкъ, былъ мудрымъ и искуснымъ учителемъ, защитникомъ православія, обличителемъ неправовѣрія, вѣрнымъ и благоразумнымъ домостроителемъ, умножилъ божественные таланты, облеченъ силою свыше и, по благоволенію Бога Отца при содѣйствіи Христа и по вдохновенію Св. Духа, населилъ пустыню множествомъ монаховъ и основалъ въ ней, какъ уже сказано объ этомъ, семь славныхъ монастырей. Они суть слѣдующіе: во первыхъ лавры — великая его лавра, главная изъ всѣхъ палестинскихъ лавръ; послѣ нея, вторая по порядку новая лавра, и наконецъ лавра Гептастомъ (семиустная); потомъ киновіи — Кастелліевская, Пещерная и такъ называемая Схоларіева и Занноса Саввы (поддерживалъ также благосостояніе древнихъ двухъ киновій святыхъ отцевъ Евѳимія и Ѳеоктиста. Имѣя попеченіе и заботу объ этихъ монастыряхъ, онъ однакожъ не хотѣлъ пріобрѣтать ни одного имѣнія, будучи [illegible] упованіемъ на Бога, никогда не предавался сей забот-

[illegible]. Это особенно видно было во время голода. Ибо при архіепископѣ Иліи [illegible] небо заключено было, и не дождило на землю пять лѣтъ; къ бездождію присоединилось весьма много саранчи и безчисленное множество червей, поѣдавшихъ растенія. Эти насѣкомыя поѣли всю зелень земли. На другой годъ по появленіи саранчи появилась другая саранча, которая затьмила воздухъ и истребила всѣ полевыя растенія. По этой причинѣ сдѣлался великій голодъ и моръ. Жители Іерусалима говорили, что эти бѣдствія постигли страну за грѣхи, содѣянные противъ архіепископа Иліи. Тогда святой отецъ нашъ Савва внушалъ настоятелямъ своихъ монастырей не заботиться о плотскомъ и напоминалъ имъ слѣдующія слова Господа: *не пецытеся убо, глаголюще: что ямы, или что піемъ, или чимъ одеждемся? вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, яко требуете сихъ всѣхъ. Ищите же прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 31—33). Такъ мыслилъ и училъ сей божественный старецъ. Богъ же подавалъ ему обильно всѣ нужныя вещи, такъ что терпѣли недостатокъ болѣе тѣ, которые надѣялись на свои деньги и доходы, нежели управляемые имъ монастыри.

Во время этого голода экономъ великой лавры пришелъ однажды къ Саввѣ и сказалъ ему: въ наступающее воскресенье я не могу, отче, звать къ литургіи, потому что у насъ нѣтъ ничего, даже нѣтъ и обыкновенной пищи, которую нужно будетъ предложить собравшимся отцамъ послѣ богослуженія. Старецъ сказалъ на это: не хочу отмѣнить богослуженія; если же есть недостатокъ въ чемъ-либо нужномъ для него, то пусть канонархъ пошлетъ съ просфорникомъ въ городъ какую нибудь драгоцѣнную церковную вещь или одежду и, продавъ ее, купятъ что нужно, и мы совершимъ божественную службу. Что касается до пищи, то вѣренъ сказавшій: *не пецытеся на утрей* (Матѳ. 6, 34). Въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдующій день пріѣхали [illegible].

брали содержатели гостинницы, извѣстные подъ именемъ [illegible], и [illegible] привозили въ лавру большое количество вина, печеныхъ хлѣбовъ, также хлѣба ячменнаго, оливковаго масла, меду, сыра и другихъ вещей, да и наслѣдники [illegible] [illegible] привозили, такъ что [illegible] [illegible] [illegible] праздникъ. Тогда товарищъ, укоряя эконома, говорилъ [illegible] говорилъ, что не нужно собирать [illegible] [illegible] [illegible] ошибку, повергся къ ногамъ его и просилъ прощенія. Старецъ благословилъ его [illegible] наставленіемъ, сказавъ: никогда не сомнѣвайся, но, укрѣпляясь вѣрою, *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ* (Псал. 54, ст. 23).

Около этого времени пришли къ старцу отцы, живущіе въ пещерѣ, и сказали, что они терпятъ бѣдствія и безпокойства отъ нѣкоторыхъ пастуховъ, которые пасутъ стада свои часто на монастырскихъ мѣстахъ и безстыдно требуютъ отъ монаховъ съѣстныхъ припасовъ, грозя, что, если отцы не дадутъ, [illegible] [illegible]. Старецъ, выслушавъ это, послалъ къ нимъ сдѣлать имъ выговоръ и запретить имъ, чтобы они впредь не приближались къ монастырю. Но пастухи не послушались, то у скота заключились сосцы и остановилось молоко, и молодые козлята и ягнята умирали съ голоду. Тогда пастухи, сознавшись въ своемъ грѣхѣ и догадавшись, что причиною падежа скота есть непослушаніе ихъ, скоро пришли къ старцу и, павши предъ нимъ, обѣщались не приближаться ни къ какому изъ его монастырей. Старецъ, принявъ это обѣщаніе, принесъ о нихъ молитву и, благословивши, отпустилъ ихъ. По возвращеніи, они увидѣли, что молоко безпрепятственно текло изъ сосцевъ. Распросивши и узнавши, что молоко начало течь въ тотъ самый часъ, въ который старецъ, по молитвѣ, благословилъ ихъ, они удивились и прославили Бога.

На 80-мъ году своей жизни, около лѣтняго поворота солнца, къ 9-й [illegible], отецъ нашъ Савва, по Божію промыслу, отправился въ Айлу къ архіепископу Иліи съ Стефаномъ, игуменомъ обители великаго Евфимія, и Евстафіемъ, игуменомъ Іерихонскихъ монастырей того же патріарха Иліи. Патріархъ Илія принялъ ихъ съ радостію и удержалъ у себя на нѣсколько дней. Въ продолженіи сего времени онъ обыкновенно послѣ утрени не показывался имъ до 9-го часа дня, а около 9-го часа выходилъ къ нимъ, пріобщался съ ними св. таинъ, принималъ пищу и послѣ вечерни уходилъ отъ нихъ. При таковомъ его обыкновеніи случилось, что онъ 9-го дня мѣсяца Іюля, сверхъ чаянія, не вышелъ къ нимъ. Когда они ждали его, и не пріобщались св. таинъ и ничего не вкушали, то онъ, вышедши около 6-го часа ночи, сказалъ: «принимайте пищу, а мнѣ не время [illegible]». Будучи удерживаемъ ими и нѣкоторымъ образомъ принуждаемъ сказать, какая этому причина, Илія, заплакавши, сказалъ: «сейчасъ скончался императоръ Анастасій, и я чрезъ десять дней должно совершенно выйти изъ сего міра и судиться съ нимъ». Послѣ этого патріархъ сдѣлалъ распоряженія о своихъ монастыряхъ, чтобы по смерти Евстафія преемственно начальствовали надъ ними Нестабій и Захарія. Сдѣлавши эти распоряженія, по прошествіи [illegible] дней послѣ видѣнія, въ которые онъ только пріобщался св. таинъ [illegible] растворенными водою, онъ былъ нѣсколько времени боленъ и, наконецъ, въ присутствіи св. Саввы и его братій, которые находились при немъ три дня неотлучно [illegible] 20 іюля, пріобщившись св. таинъ, почилъ въ Господѣ, сказавши: «*въ мирѣ вкупѣ усну* и почію» (Псал. 4, 9), проживши всего времени 88 лѣтъ. Блаженный Савва замѣтилъ день [illegible] и узналъ, что [illegible] въ тотъ самый день [illegible], въ которое патріархъ Илія имѣлъ видѣніе, въ Константинополѣ [illegible] громы и молніи надъ царскимъ дворцомъ, и императоръ Анастасій, не имѣя никого при себѣ, [illegible] отъ страха царь [illegible] изъ одного мѣста въ другое; наконецъ въ спальной комнатѣ гнѣвъ Божій поразилъ его и повергъ мертвымъ. По кончинѣ Анастасія правленіе имперіею тотчасъ принялъ Іустинъ. Онъ издалъ повелѣніе возвратить всѣхъ посланныхъ Анастасіемъ въ заточеніе и опредѣленія Халкидонскаго собора внести въ церковныя постановленія. Когда это опредѣленіе императора Іустина было привезено въ Іерусалимъ, то собралось безчисленное множество монаховъ и мірянъ; прибылъ также св. Савва и много епископовъ, и мѣсяца августа 6 числа, въ праздникъ Преображенія Господня, объявлены божественныя повелѣнія, и опредѣленія четырехъ соборовъ внесены въ священныя постановленія. Такимъ образомъ исполнилось на императорѣ Анастасіѣ пророчество божественнаго старца.

Тогда іерусалимскій архіепископъ Іоаннъ убѣдилъ отца нашего Савву идти съ нѣкоторыми другими пустынниками игуменами въ Кесарію и Скиѳополь для объявленія тамъ императорскаго указа о [illegible] четырехъ соборовъ. По прибытіи ихъ въ Кесарію, приняли ихъ [illegible] Іоаннъ Хозевитъ, который тогда управлялъ церковію въ этомъ городѣ. Исполнивъ здѣсь приказаніе патріарха, они отправились въ Скиѳополь. Здѣсь всѣ жители города, вмѣстѣ съ святѣйшимъ митрополитомъ Ѳеодосіемъ, вышли къ нимъ на встрѣчу къ церкви св. апостола Ѳомы и [illegible] съ псалмопѣніемъ въ эту древнюю св. церковь, и они совершили въ ней богослуженіе, обнародовали императорскій указъ и внесли въ священное постановленіе опредѣленія четырехъ соборовъ. Въ Скиѳополѣ былъ нѣкто схоластикъ Іоаннъ, сынъ [illegible], человѣкъ честный, имѣвшій просвѣщенную жену. [illegible] скиѳопольскій [illegible] къ св. Саввѣ, онъ много говорилъ [illegible] объ одномъ самарянинѣ Сильванѣ, который тогда, будучи [illegible] императорскимъ [illegible] благоволеніемъ, [illegible] много зла христіанамъ. Когда Іоаннъ разсказывалъ о нечестіи и богоборствѣ его, то св. Савва исполнился [illegible] и сказалъ [illegible] вать и наказывать ихъ,—говоритъ Господь,—совершенно исполнится на Сильванѣ (51 псаломъ Давидовъ), и Сильванъ сожженъ будетъ посреди народа. [illegible]

Въ этомъ городѣ, въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ св. Іоанна, есть монастырь, называемый Е[illegible]. Въ немъ жилъ одинъ отшельникъ, по имени Іоанникій, просвѣщенный свыше, имѣвшій даръ прозорливости и лишившійся тѣлеснаго зрѣнія отъ всенощныхъ бдѣній и постоянныхъ слезъ и весьма глубокой старости. Говорятъ, что онъ жилъ болѣе 100 лѣтъ; 80 лѣтъ онъ провелъ въ этомъ монастырѣ и въ теченіи сего времени 50 лѣтъ никуда не выходилъ изъ монастыря. Къ сему божественному мужу пошелъ св. Савва. Когда онъ шелъ посреди города и былъ при мѣстѣ, называемомъ сводомъ св. Іоанна, то одна несчастная женщина, бывшая многіе годы въ жестокой болѣзни и наконецъ сдѣлавшаяся столь зловонною, что никто не могъ къ ней приблизиться, лежа на западной сторонѣ церковной ограды въ той же улицѣ, услышавши о святомъ отцѣ нашемъ Саввѣ и увидѣвъ, что онъ идетъ въ сопровожденіи множества народа, громко закричала: «помилуй меня, рабъ Христовъ Савва, и освободи меня отъ несчастья!» Савва, тронувшись ея воплемъ и сжалившись надъ нею, подошелъ къ ней и сказалъ: «я ничего не могу тебѣ дать, но даю, что имѣю: даю тебѣ сію мою руку; положи ее на то мѣсто, которымъ ты больна, и по вѣрѣ Богу, которому служу, ты выздоровѣешь». Женщина, взявши руку святого, положила ее на больное мѣсто и тотчасъ сдѣлалась здоровою. Это чудо, какъ самъ ты знаешь, честный отецъ, и донынѣ еще у насъ славится.

Въ этомъ же городѣ одинъ человѣкъ привелъ къ старцу бѣсноватую дочь свою въ этотъ же монастырь [illegible] и разсказалъ ему о мученіяхъ, причиняемыхъ ей нечистымъ духомъ. Чудотворный старецъ, сжалившись надъ дѣвою, сотворилъ надъ нею знаменіе честнаго креста, помолился о ней всесильному Богу. Послѣ сего нечистый духъ съ трепетомъ вышелъ изъ нея, а дѣвица сдѣлалась здравою. Отецъ мой Іоаннъ — былъ священникъ и служителемъ при святомъ мужѣ, и съ того времени не отходилъ отъ святаго старца во все время пребыванія его тамъ. Въ это же время домъ нашъ особенно удостоился посѣщенія святаго старца, и моя мать получила молитву и благословеніе отъ него. Не удивляйся, преподобнѣйшій отецъ, что я въ этомъ сочиненіи, которое пишу къ тебѣ, помѣстилъ и о такихъ происшествіяхъ, которыя тебѣ весьма извѣстны, и о которыхъ, можетъ быть, ты самъ мнѣ разсказывалъ. Я сдѣлалъ это, честный отче, съ тою цѣлію, чтобы принести пользу читателямъ.

Когда освященный Савва возвратился изъ Скиѳополя въ Іерусалимъ, то архіепископъ Іоаннъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ вмѣстѣ съ другими пустынными игуменами и съ братомъ своимъ Антоніемъ, который тогда былъ епископомъ Аскалонскимъ. Хотя Савва былъ весьма воздерженъ, такъ что во всѣ постные дни пребывалъ безъ пищи и даже часто постился по цѣлымъ недѣлямъ; однако, если принималъ кого либо къ себѣ для угощенія, или если самъ приходилъ къ кому либо на обѣдъ, то въ одинъ день или два раза, принималъ пищу болѣе обыкновеннаго, и никогда не бывалъ боленъ желудкомъ. Архіепископъ, посадивши его подлѣ себя, клалъ предъ нимъ хлѣбъ и другую пищу, какая была; также и Антоній, епископъ Аскалонскій, сидя съ правой его стороны, побуждалъ его къ принятію пищи. Божественный старецъ непритворно и съ великимъ простодушіемъ принималъ все, предлагаемое ему. Такимъ образомъ когда два епископа, имѣя его въ срединѣ между собою, заботливо побуждали его къ принятію пищи, то онъ сказалъ, и я упоминаю самыя слова его: оставьте, оставьте меня, отцы, — я буду ѣсть, сколько мнѣ нужно. При этомъ случаѣ великій авва Ѳеодосій въ шутку сказалъ: [illegible] Савва почти голоденъ, и трудно насытить его. На это архіепископъ сказалъ: послушайте отцы! мы всѣ не можемъ сносить и постоянной сытости, а [illegible] человѣки Божіи, [illegible] *Іисусомъ Христомъ* ([illegible] 13).

Отецъ нашъ Савва былъ скроменъ по душѣ, кротокъ по нравамъ, весьма простъ по образу жизни и исполненъ великой духовной мудрости и благоразумія. Онъ питалъ нелицемѣрную и искреннѣйшую любовь къ упомянутому блаженному аввѣ Ѳеодосію. Подобную искренность соблюдалъ и Ѳеодосій къ отцу нашему Саввѣ. Поистинѣ они оба были сыны свѣта и сыны дня, человѣки Божіи и вѣрные Божіи служители, *столпы и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15), *мужи желаній* (Дан. 9, 23). Они оба вели весь монашескій чинъ къ царству небесному. Ибо св. Ѳеодосій, какъ мы выше сказали, былъ главнымъ вождемъ и архимандритомъ всякаго общежительнаго сословія монаховъ, живущихъ около св. града, а освященный Савва былъ начальникомъ и законодателемъ всѣхъ пустынниковъ. Архимандритами ихъ поставилъ архіепископъ Саллюстій по просьбѣ всего монашескаго сословія, такъ какъ они были пустынниками, не имѣли никакой собственности, были весьма опытны въ божественномъ, монашескую жизнь проводили въ строгости и многихъ приводили къ богопознанію. Они часто посѣщали другъ друга и въ духовной любви свободно бесѣдовали между собою.

Я довольно сказалъ о согласіи Ѳеодосія съ Саввою. Когда уже оканчивался четвертый годъ бездождія, то ученики отца нашего Саввы освященнаго, живущіе въ пещерѣ, пришли къ нему въ великую лавру и сказали: «отпусти насъ, отче! мы не можемъ оставаться въ твоемъ монастырѣ, у насъ совсѣмъ нѣтъ воды, ибо съ окончаніемъ мѣсяца Мая прошло дождевое время». Святый же ободрялъ ихъ и совѣтовалъ имъ переносить съ благодарностію постигающія ихъ бѣдствія, и наконецъ сказалъ имъ: «я вѣрю Богу, что по прошествіи трехъ дней, какъ водоемы ранѣе наполнятся водою. Здѣсь же очищайте водопроводы и приготовьтесь, какъ увидите даръ Божій и скорое Божіе посѣщеніе». Въ самомъ дѣлѣ, на третій день, явилось облачко надъ мѣстностью, пошелъ большой дождь, и всѣ водоемы, по пророчеству старца, наполнились водой. Но ни одна капля воды не упала въ монастыри, находящіеся по обѣимъ сторонамъ пещеры, т. е. въ монастырь Кастелліискій, лежащій съ восточной стороны, и въ монастырь Схоларіевъ, лежащій съ западной стороны, въ разстояніи пяти почти стадій, также въ великую лавру, лежащую къ югозападу. Настоятели этихъ монастырей, опечалившись отъ сего, пришли къ старцу и сказали: «за какое наше беззаконіе, честный отче, ты такъ отвернулъ насъ и не молился о прочихъ монастыряхъ своихъ?» Святый сказалъ имъ: «Богъ послалъ свое благословеніе только тѣмъ, которые имѣли нужду въ немъ. И вы не отчаевайтесь, ибо не будете имѣть недостатка въ водѣ, доколѣ Господь не пошлетъ дождя на землю».

При наступленіи пятаго подряднаго года, такой былъ недостатокъ въ водѣ во Іерусалимѣ, бѣдные просили себѣ воды, какъ милостыни, вотъ каждый нужды ради; ибо отъ долговременной засухи и бездождія воды въ Силоамѣ и Лукилліанахъ совсѣмъ иссохли. Даже и источники Колонійскій и Нефоійскій пересыхали. Посему архіепископъ, опасаясь народнаго возмущенія, ходилъ по мѣстамъ, которыя были болѣе другихъ влажны, и надѣясь найти воду, копалъ тамъ ямы, употребляя для этого довольно большое число людей, но воды не находилъ. Потомъ сошелъ онъ въ Силоамскій потокъ и около столпа св. Космы, при пути, ведущемъ въ великую лавру, при помощи одного механика выкопалъ посредствомъ множества работниковъ ровъ глубиною въ 40 оргій; но не находя и здѣсь воды, очень опечалился, ибо приближался праздникъ обновленія храма св. Воскресенія. Посему, разсуждая о семъ при участіи съ Суммомъ, исправлявшимъ многія гражданскія правительственныя должности, и онъ сказалъ: «теперь я не держимъ: вотъ теперь я [illegible]». На это Савва от-вѣчалъ ему: «я слышалъ объ этомъ Саввѣ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ временемъ, когда одинъ изъ его монастырей почувствовалъ недостатокъ въ водѣ, монахи того монастыря просили у него благословенія отъ Бога воды, и по молитвѣ Саввы пошелъ весьма обильный дождь только около одного этого упомянутаго монастыря и напоилъ водою всѣ колодцы». Услышавъ это, архіепископъ призвалъ къ себѣ въ епископскій домъ блаженнаго Савву, какъ бы для другаго какого-нибудь дѣла, и наединѣ просилъ его помолиться Богу о томъ, чтобы Онъ примирился съ своимъ народомъ и помиловалъ погибающихъ отъ голода и жажды. Къ этому онъ присовокупилъ слѣдующія слова: «если я согрѣшилъ, то въ чемъ виноватъ погибающій народъ?» На это же Савва сказалъ архіепископу: «могу ли я отвратить гнѣвъ Божій? я грѣшенъ и слабъ. И писаніе говоритъ: *аще Богъ затворитъ небо, то кто отворитъ* (Іовъ)». Но поне-лику архіепископъ сильно побуждалъ и убѣждалъ его, то богоносный Савва наконецъ склонился на его прошеніе и сказалъ: «я пойду въ свою келію и въ повиновеніе твоему блаженству буду молиться лицу Божію. Я знаю, что Богъ человѣколюбивъ и милостивъ, и *щедроты Его на всѣхъ дѣлѣхъ Его* (Псал. 144, 9). Владыко, да будетъ тебѣ знаменіемъ слѣдующее: если пройдутъ три дня и не будетъ дождя, то знай, что Богъ не услышалъ меня. Итакъ, молитесь и вы, дабы молитва моя получила силу!» Сказавъ это, онъ вышелъ отъ архіепископа мѣсяца Сентября 3 дня. Въ слѣдующій день былъ весьма сильный жаръ и невозможно работать никому: копали и [illegible]. Вечеромъ оставили корзины и всѣ свои рабочія орудія (которыхъ было много) работники, возвратились въ городъ, чтобы поутру опять идти на работу. Но въ первый часъ ночи подулъ южный вѣтеръ, засверкали молніи, загремѣлъ громъ, пошелъ проливной дождь и еще до разсвѣта, какъ переводы, наполнилась водою, и везде текли ручьи. Поелику вода стекала въ помянутый ровъ, то насыпи, сдѣланныя въ оное продолжительное время и столь многими трудами и издержками, въ самое короткое время были опрокинуты на свое мѣсто и увлекли съ собою и помосты и рабочiя орудiя и корзины, такъ что они остаются подъ землею и понынѣ. Отъ множества воды, дарованной благоволенiемъ Божiимъ, мѣсто рва такъ наполнилось землею и такъ сравнилось, что теперь нельзя и узнать его. Наполнились водою и водоемы св. града, и праздникъ обновленiй праздновался съ радостiю.

Въ 86-й годъ жизни отца нашего Саввы скончался архiепископъ Iоаннъ. Онъ пробылъ на патрiаршествѣ 7 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, и оставилъ преемникомъ своего престола блаженнѣйшаго Петра, родомъ изъ Елевферополя. По прошествiи трехъ лѣтъ, римскiй императоръ Iустинъ, по причинѣ своей старости и тѣлесной слабости, по опредѣленiю Божiю и согласiю всего сената, при рукоположенiи отъ Константинопольскаго архiепископа Епифанiя, возвелъ на императорскiй престолъ богохранимаго нашего императора Iустинiана, своего племянника, бывшаго патрикiемъ, консуломъ, военачальникомъ и управлявшаго государственными дѣлами. Итакъ Iустинiанъ былъ объявленъ императоромъ. Благочестивой памяти императоръ Iустинъ окончилъ жизнь свою, пробывъ на престолѣ 9 лѣтъ. Треблаженный Петръ, занявши патрiаршескiй престолъ въ Iерусалимѣ, оказывалъ блаженному Саввѣ ту же [illegible] и предшествующiе патрiархи; онъ имѣлъ обыкновенiе часто приходить къ нему въ пустыню. Патрiархъ имѣлъ родную сестру, по имени Марiю, которая славилась божественными добродѣтелями. Она впала въ жестокую болѣзнь, такъ что врачи отчаялись излечить ее. Братъ ея, сжалившись о ней, призвалъ къ себѣ блаженнаго Савву и прочихъ [illegible] въ домъ [illegible] и сотворить о ней молитву. Но старецъ, [illegible] не послушался, [illegible] номъ положеніи. Сотворивъ о ней молитву и трижды ознаменовавъ ее знаменіемъ креста, онъ исцѣлилъ ее. Когда это чудо разглашено было по всему городу, то всѣ прославляли Бога.

Когда патрикія Іуліана, возвратившись въ Константинополь, многихъ добрыхъ дѣлъ, нѣсколько евнуховъ ея пришли въ Іерусалимъ и поелику они еще въ Константинополѣ сдѣлались извѣстными аввѣ Саввѣ, — то и пришли къ нему въ великую лавру, приносили много денегъ и просили его, чтобы онъ причислилъ ихъ къ обществу братьевъ, находящихся подъ его смотрѣніемъ. Но старецъ положилъ, чтобъ ни одного безбородаго человѣка или евнуха не принимать въ свою лавру, и ему весьма непріятно было видѣть женское лице въ какомъ либо своемъ монастырѣ, и особенно въ какой либо своей лаврѣ. Но поелику нѣкоторые изъ евнуховъ были ему знакомы, то, всевозможнымъ образомъ научивши и наставивъ ихъ, вручилъ ихъ блаженному Θеодосію. Они въ короткое время научились монашеской жизни и просили архіепископа дать имъ особливое мѣсто, удобное для спокойной жизни. Архіепископъ, призвавъ къ себѣ нѣкоего Александра, который былъ игуменомъ Іерихонскихъ монастырей архіепископа Иліи и былъ преемникомъ Нестава и Захаріи, просилъ его позволить имъ жить у себя нѣсколько дней. Александръ, поработившись сребролюбію, или будучи побѣжденъ суетнымъ честолюбіемъ, презрѣлъ завѣщаніе архіепископа Иліи, попралъ свою собственную совѣсть и раздѣлилъ монастыри другъ отъ друга. Съ этого времени отдѣленный монастырь принялъ названіе монастыря евнуховскаго.

Въ началѣ 91 года жизни отца нашего Саввы, святый авва Θеодосій скончался въ старости, мѣсяца Генваря 11 дня. Въ 4-й мѣсяцъ по смерти аввы Θеодосія, палестинскіе Самаряне, вообще весь народъ ихъ, вооружились противъ христіанъ и причинили имъ много зла; ибо они расхищали и предавали огню попадавшіеся имъ храмы, жестоко мучили разными казнями возставши на христіанъ, предавали огню цѣлыя селенія, особенно въ мѣстахъ, лежащихъ около Никополя. Утвердивши здѣсь свою власть, они поставили себѣ царемъ одного своего соплеменника Юліана. Въ то же время они умертвили Неапольскаго епископа Аммона, изрубили также нѣкоторыхъ пресвитеровъ, изрѣзали ихъ изжарили вмѣстѣ съ мощами святыхъ мучениковъ и совершили много и другихъ жестокихъ дѣлъ. Большія дороги сдѣлались недоступными для христіанъ и непроходимыми. Когда все это дошло до свѣдѣнія благочестивѣйшаго императора нашего Юстиніана, то приказано было знаменитѣйшимъ мужамъ Ѳеодору и Іоанну собрать войско и вооружиться противъ Самарянъ. Дано было сраженіе, Юліанъ былъ убитъ и вмѣстѣ съ нимъ побито великое множество Самарянъ. Въ это время Сильванъ (упоминаемый въ гл. 70) подъ предлогомъ мирнаго времени вошедши безъ императорскаго повелѣнія въ Скиѳополь, былъ схваченъ христіанами и сожженъ среди города. Такимъ образомъ исполнилось надъ нимъ пророчество святаго отца нашего Саввы, которое онъ произнесъ въ епископскомъ домѣ къ Іоанну, сыну Ксенеллевтову. Но нѣкто Арсеній, сынъ сожженнаго Сильвана, будучи почтенъ достоинствомъ князя и живя тогда въ Константинополѣ, имѣлъ, не знаю почему, большой доступъ къ богохранимому нашему императору и къ императрицѣ Ѳеодорѣ. Онъ успѣлъ обмануть благочестіе ихъ и возбудилъ въ нихъ гнѣвъ противъ палестинскихъ христіанъ. Въ это время архіепископъ Петръ, съ другими находящимися подъ его смотрѣніемъ епископами, убѣдили авву Савву отправиться въ Константинополь, просить императора о дарованіи первой и второй Палестинѣ свободы отъ податей, по причинѣ убійствъ и опустошеній, произведенныхъ въ нихъ Самарянами. Старецъ, склонившись на убѣжденія архіереевъ, отправился въ Константинополь, въ концѣ Апрѣля 8 индиктіона. Такъ какъ патріархъ напередъ послалъ къ императору письмо, увѣдомляющее его объ отправленіи божественнаго Саввы, то богохранимымъ нашимъ императоромъ ради него были посланы на встрѣчу ему императорскія суда, на которыхъ и встрѣтили его святѣйшій патріархъ Епифаній, и Евсевій, и Ефесскій епископъ Ипатій. Они приняли его и ввели къ императору. И теперь Богъ открылъ императору благодать, сопровождающую старца, такъ же, какъ нѣкогда открылъ ее Анастасію.

Ибо, какъ скоро Савва вошелъ съ упомянутыми архіереями къ императору, то Богъ отверзъ очи императора, и онъ увидѣлъ нѣкую божественную, свѣтлую, сіяющую благодать, представившуюся ему въ образѣ вѣнца, находившагося и сіявшаго на головѣ старца. Императоръ, приблизившись къ Саввѣ, поклонился ему съ радостію и со слезами облобызалъ божественную его главу. Потомъ, получивши отъ него благословеніе, онъ принялъ изъ руки его палестинскія прошенія и просилъ его посѣтить и благословить императрицу Ѳеодору. Старецъ пришелъ къ ней. Императрица приняла его съ радостію, поклонилась и сказала ему: «помолись о мнѣ, отче, чтобы Господь далъ мнѣ сына!» Старецъ въ отвѣтъ на это сказалъ ей: «Богъ славы да сохранитъ ваше царство въ благочестіи и въ побѣдѣ». Услышавъ это, императрица опечалилась, потому что онъ не удовлетворилъ ея просьбы. Посему, когда онъ вышелъ отъ нея, то бывшіе при немъ отцы укоряли его и говорили: «для чего ты опечалилъ императрицу и не помолился о ней, какъ она просила тебя?» Старецъ сказалъ имъ: «повѣрьте, отцы, изъ чрева ея не произойдетъ плода; ибо сынъ ея напитался бы догматами Севера и возмутилъ бы церковь хуже Анастасія». Отцамъ позволено было жить во дворцѣ. Богохранимый императоръ, принявъ отъ божественнаго старца прошенія палестинскихъ церквей, обратилъ вниманіе и на Самарянъ. Онъ издалъ предписаніе, чтобы синагоги нечестивыхъ Самарянъ разрушить, удалить ихъ отъ государственныхъ должностей, лишить ихъ права наслѣдства и права передавать его другъ другу въ видѣ дара. Притомъ императоръ предмногихъ убивать, даже и самихъ, особенно изъ начальниковъ и землевладѣльцевъ. Тогда-то Арсеній скрылся на время, потому что императоръ приказалъ умертвить его. Послѣ того онъ пришелъ къ блаженному Саввѣ, который еще былъ въ царственномъ градѣ, и, наконецъ, самъ этаго и находящихся при немъ Самарянъ окрестилъ Савва.

Спустя нѣсколько дней императоръ призвалъ къ себѣ освященнаго Савву и сказалъ: я слышалъ, отче, что ты основалъ много монастырей въ пустынѣ. Если хочешь, проси доходовъ для живущихъ въ этихъ монастыряхъ, и мы дадимъ, чтобы они были довольны, и дадимъ себѣ только, пусть монахи молятся о насъ и о ввѣренномъ намъ государствѣ. На это старецъ сказалъ императору: монахи, молящіеся за Ваше благочестіе, не имѣютъ нужды въ такихъ доходахъ, ибо удѣлъ и жребій ихъ и пріобрѣтеніе есть Господь, *одождившій въ пустынѣ манну съ небесе людемъ непокоряющимся и противорѣчащимъ* (Иса. 65, 2; Исх. 16, 4). Но мы просимъ у Васъ, благочестивѣйшій императоръ, освободить отъ податей, дабы могли быть устроены Палестинскія церкви; просимъ снова создать сожженные Самарянами священные храмы и подать помощь Палестинскимъ христіанамъ, ограбленнымъ и приведеннымъ въ бѣдность; также умоляемъ Васъ выстроить во святомъ градѣ больницу для больныхъ странниковъ, а также выстроить и украсить новую церковь Богородицы, которую заложилъ нѣсколько времени тому назадъ архіепископъ Илія. Все это исполнить весьма подобаетъ Вашему благочестію. Кромѣ того, просимъ Ваше величество приказать знаменитѣйшему Сумму, чтобы онъ, для отраженія Сарацинскихъ набѣговъ, построилъ на государственный счетъ въ пустынѣ крѣпость близъ монастырей, устроенныхъ мною. И я увѣренъ, что за эти три богоугодныхъ дѣла Богъ присоединитъ къ Вашему государству Африку и Римъ и все остальное Гонорiево государство, которое потеряли императоры, царствовавшіе прежде Вашего благочестиваго величества. Сверхъ сего просимъ Васъ искоренить Аріеву, Несторіеву и Оригенову ереси, и освободить церкви Божіи отъ заразы ихъ. Теперь я скажу, почему Савва предложилъ императору объ искорененіи только этихъ трехъ ересей. Что касается Аріевой ереси, то Готы, Визиготы, Вандалы и Гепиды, будучи аріанами, владѣли всѣмъ западомъ, а Савва по вдохновенію Божію зналъ достовѣрно, что императоръ покоритъ ихъ своей власти. О Несторіевой ереси Савва упомянулъ потому, что нѣкоторые изъ пришедшихъ съ нимъ монаховъ, споря во дворцѣ съ отступниками отъ правовѣрія, оказались защитниками Ѳеодора Мопсуестскаго. А объ искорененіи, вмѣстѣ съ упомянутыми ересями, гибельной Оригеновой ереси Савва просилъ потому, что между монахами, при немъ бывшими, нашелся одинъ монахъ, родомъ изъ Византіи, который, будучи принятъ въ новую лавру, въ числѣ другихъ, принятыхъ съ Нонномъ по кончинѣ игумена Агапита, держался Оригеновыхъ мнѣній. Онъ притворно защищалъ Халкидонскій соборъ, а въ самомъ дѣлѣ держался Оригеновыхъ мыслей. Поэтому отецъ нашъ Савва, услышавши о семъ и вспомнивши слова блаженнаго Агапита, употребилъ строгость, отвергъ отъ себя и отлучилъ отъ своего сообщества какъ Леонтія, такъ и державшихся мнѣній Ѳеодора Мопсуестскаго, а императору внушилъ искоренить ту и другую ересь.

Благочестивѣйшій нашъ императоръ немедленно исполнилъ все, чего просилъ отецъ нашъ Савва. Равнымъ образомъ и человѣколюбивый Богъ привелъ въ исполненіе все, что Савва предсказалъ императору. Вопервыхъ послано императорское повелѣніе къ архіепископу Петру и къ палестинскимъ начальникамъ, предписывающее Антонію епископу Аскалонскому и Захаріи епископу Пеллы обозрѣть сожженныя самарянами селенія въ первой и второй Палестинѣ и для возстановленія ихъ взять 13 центенаріевъ золота изъ государственной суммы, собранной въ 9 и 10-й индіктіонъ. Императоръ приказалъ имъ также обозрѣть сожженные молитвенные домы и исчислить, сколько должно быть выдано денегъ для возобновленія каждаго священнаго мѣста, и потомъ взять оныя или изъ общественнаго казнохранилища, или изъ имущества Самарянъ, чрезъ знаменитѣйшаго князя Стефана, которому также приказано было охранять упомянутыхъ епископовъ и подавать имъ нужную помощь. Потомъ, въ соотвѣтствіе и третьему прошенію старца, императоръ приказалъ построить посреди св. града больницу сперва для 100 человѣкъ и назначилъ 1850 монетъ на полное годовое содержаніе ея; но потомъ приказалъ построить больницу для 200 человѣкъ и прибавилъ на содержаніе ея еще столько же полнаго и постояннаго оклада. Съ заботливостію онъ исполнилъ также и четвертое прошеніе старца и послалъ въ Іерусалимъ нѣкоего художника Ѳеодора, дабы онъ выстроилъ тамъ новую церковь во имя св. Богородицы и приснодѣвы Маріи, и предписалъ собирателямъ палестинскихъ податей доставлять для нея золото Архіепископу Петру. Онъ поручилъ главное распоряженіе этимъ дѣломъ, а Вакаѳскому епископу Вараху приказалъ смотрѣть за работами сего строенія. Такимъ образомъ въ теченіи 12-ти лѣтъ, при особливомъ усердіи и множествѣ работниковъ, выстроена новая церковь всехвальной Богородицы и весьма украшена. Впрочемъ, не нужно и говорить о величинѣ и великолѣпномъ украшеніи сего священнаго храма, такъ какъ онъ находится предъ нашими глазами и превосходитъ всѣ тѣ древніе памятники, которыми удивляются люди и о которыхъ особенно переданы намъ въ греческихъ исторіяхъ. Таковъ-то плодъ четвертаго прошенія божественнаго Саввы. Наконецъ, благочестивѣйшій нашъ императоръ обратилъ вниманіе и на пятое прошеніе божественнаго Саввы и послалъ къ Сумму повелѣніе, въ которомъ приказалъ для построенія крѣпости дать авве Саввѣ изъ палестинскихъ податей 1000 монетъ, а также дать военную стражу, которая должна быть на казенномъ содержаніи и должна охранять его монастыри. Когда боголюбивый нашъ императоръ занимался этими дѣлами съ квесторомъ Трибоніаномъ въ такъ называемой Магнаврѣ, то блаженный, отошедши недалеко, тайно читалъ псалмы Давидовы и совершалъ божественное служеніе третьяго часа. При этомъ случаѣ одинъ изъ его учениковъ, по имени Іеремія, діаконъ великой лавры, пришелъ къ Саввѣ и сказалъ: «честный отче! императоръ такъ много заботится объ исполненіи твоихъ прошеній, а ты для чего удалился отъ него и стоишь въ сторонѣ?» Старецъ сказалъ ему на это: «они, сынъ мой, дѣлаютъ свое дѣло, а мы также должны дѣлать свое». [illegible]

Императоръ, приведши всѣ эти дѣла въ порядокъ и давши все, что старецъ просилъ, своими повелѣніями, отпустилъ его въ миръ. Богъ тысячекратно вознаградилъ императора и исполнилъ пророчество старца. Ибо по прошествіи непродолжительнаго времени императоръ поставилъ два побѣдныхъ памятника въ знакъ двухъ одержанныхъ побѣдъ, какихъ еще не случалось одерживать никому изъ прежнихъ императоровъ. Онъ покорилъ своей власти Африку и Римъ, находившійся во власти мятежниковъ, и увидѣлъ въ Константинополѣ двухъ плѣнныхъ царей. Такимъ образомъ въ короткое время онъ возвратилъ подъ власть римской имперіи половину прежнихъ ея морей [illegible]. Освободивши весь западъ отъ рабства упомянутыхъ притѣснителей, бывшихъ аріанами, онъ издалъ повелѣніе вездѣ отобрать церкви отъ аріанъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ послѣдовалъ заповѣди или пророчеству божественнаго старца. Сверхъ того, онъ мужественно возсталъ противъ ереси Несторіевой и Оригеновой, искоренилъ ихъ и предалъ ихъ проклятію изданными о семъ указами и на созванномъ теперь въ Константинополѣ святомъ пятомъ вселенскомъ соборѣ. Но объ этомъ скажемъ послѣ. Божественный старецъ, отлучивши отъ своего общества, какъ мы выше сказали, Леонтія Византійца и защитниковъ Ѳеодора Мопсуестійскаго и оставивши ихъ въ Константинополѣ, отправился въ Палестину мѣсяца Сентября 9 индиктіона. Прибывши въ Іерусалимъ, онъ обнародовалъ императорскіе указы, а золото, привезенное съ собою изъ Византіи, раздѣлилъ между своими монастырями. Упомянутый выше діаконъ Іеремія, будучи недоволенъ этимъ раздѣленіемъ, удалился изъ великой лавры и поселился въ одномъ пустынномъ потокѣ, къ сѣверу отъ пещернаго монастыря, въ разстояніи около 15 стадій. Отецъ нашъ Савва, пришедши къ нему и увидѣвши занятое имъ мѣсто, былъ очень радъ. Потомъ, взявши изъ лавры нѣсколько пособныхъ людей, также орудія, деньги и запасы, въ короткое время, но съ великимъ стараніемъ, построилъ тамъ молитвенницу и различныя келліи, и отдалъ ихъ братіямъ, дабы они остались жить въ нихъ, а Іереміи поручилъ настоятельство надъ ними и предалъ имъ уставы своей великой лавры.

По обнародованіи, какъ мы сказали, императорскихъ указовъ въ Іерусалимѣ, отецъ нашъ Савва, по прошенію архіепископа и прочихъ епископовъ, отправился въ Кесарію и Скиѳополь, чтобы тамъ обнародовать эти указы. Когда онъ прибылъ къ Скиѳополю, то, какъ вы знаете, митрополитъ Ѳеодосій вышелъ къ нему на встрѣчу со всѣмъ народомъ. Между встрѣчавшими Савву былъ и мой отецъ, управлявшій тогда епископскимъ домомъ и помогавшій митрополиту въ его дѣлахъ. По обнародованіи указовъ, великій старецъ вошелъ въ епископскій домъ и остановился тамъ въ домѣ св. мученика Прокопія; отецъ мой былъ неразлученъ съ нимъ. Тогда и я, будучи еще отрокомъ и не отлучаясь отъ своего отца, палъ къ ногамъ божественнаго старца; и онъ благословилъ меня, поднялъ и сказалъ моему отцу: «этотъ отрокъ отнынѣ будетъ моимъ ученикомъ и сыномъ пустынныхъ отцевъ». Тогда же сказалъ онъ и митрополиту: «великій господинъ! сего отрока я препоручаю тебѣ, обрати на него вниманіе, потому что онъ нуженъ мнѣ». Эти слова переданы были отцомъ моимъ моей матери; она пожелала поклониться старцу. Вскорѣ

Савва вознамѣрился отправиться къ пустыннику аввѣ Прокопію въ мѣста св. Ѳомы. Мать моя, услышавши объ этомъ отъ моего отца, взяла меня и отправилась въ церкви св. апостола Ѳомы. Когда пришелъ туда старецъ, то отецъ мой, отведши его въ сторону, представилъ ему мать мою. Старецъ, узнавши, что она раба Божія, благословилъ ее; потомъ, увидѣвши меня, сказалъ: «вотъ ученикъ мой Кириллъ». Когда я поклонился ему по-монашески, то онъ благословилъ меня, поднялъ и сказалъ отцу моему: «научи его псалтири, потому что онъ нуженъ мнѣ, ибо отнынѣ онъ будетъ моимъ ученикомъ». Сказавши это и благословивши мать мою, онъ отпустилъ ее, а меня съ отцемъ удержалъ при себѣ. Потомъ мы пришли къ аввѣ Прокопію, приняли у него пищу и послѣ сего возвратились въ епископскій домъ. Въ слѣдующій день старецъ, намѣреваясь отправиться въ Іерусалимъ, пришелъ съ моимъ отцемъ въ нашъ домъ, совершилъ молитву, благословилъ отца, мать и меня и отправился изъ Скиѳополя съ преподобными отцами, при немъ бывшими. Я думаю, честный отче, что тебѣ извѣстно это; ибо ты самъ совѣтовалъ мнѣ поселиться въ лаврѣ блаженнаго Саввы. Именно, когда я говорилъ тебѣ, что Савва устроилъ новую лавру и что онъ изгналъ изъ нея Оригеновыхъ защитниковъ, то ты сказалъ мнѣ: итакъ, такъ какъ и я это знаю, то тебѣ лучше поселиться въ лаврѣ, называющейся его именемъ. Я впрочемъ увѣренъ, что это такъ и случится, такъ что и въ этомъ случаѣ видно будетъ, что отецъ нашъ Савва пророкъ. Такъ всѣ тогда говорили мнѣ. Я по волѣ Божіей готовъ устроить себѣ келлію въ самой великой лаврѣ и жить въ ней, дабы такимъ образомъ исполнилось и упомянутое пророчество Саввы и приказаніе вашего преподобія. Послѣ означеннаго времени митрополитъ часто справлялся касательно моего отца какъ всегда ученика Саввы. При этомъ онъ побуждалъ моего отца учить меня читать псалтирь и апостолъ. Когда же было исполнено то, что предполагалъ благословилъ монаха постригать и поставлять на первую степень церковнослужителей. По обнародованіи императорскихъ указовъ и по обозрѣніи сдѣланныхъ Самарянами опустошеній, епископы освободили первую Палестину отъ 12-ти центенаріевъ въ сборѣ податей, такъ какъ она заключала въ себѣ всю Самарію; странамъ же сопредѣльнымъ Скиѳополю, епископы опредѣлили даровать свободу только отъ одного центенарія; ибо въ этихъ странахъ сдѣланы небольшія опустошенія. Для возстановленія сожженныхъ Самаритянами церквей епископы взяли изъ казнохранилища достаточное количество золота, и такимъ образомъ вновь въ надлежащемъ благолѣпіи устроили всѣ сожженныя церкви.

Савва, сей подвижникъ благочестія, исполнившій свое служеніе для пользы христіанъ, возвратился въ Іерусалимъ. Здѣсь онъ принятъ былъ патріархомъ съ радостію, поклонился св. мѣстамъ, и, какъ бы простившись съ ними, возвратился въ свою великую лавру. Проведши въ ней нѣсколько времени, онъ впалъ въ болѣзнь. Святѣйшій патріархъ Петръ, узнавши объ этомъ, пришелъ посѣтить его и, видя, что у него въ келліи нѣтъ никакого утѣшенія, кромѣ нѣсколькихъ стручковъ рожковаго дерева и старыхъ финиковъ, положилъ его на носилки, взялъ въ свой епископскій домъ, имѣлъ о немъ попеченіе и самъ служилъ ему. По прошествіи немногихъ дней, отецъ нашъ Савва видѣлъ нѣкоторое откровеніе, которое показывало ему, что по истеченіи немногихъ дней послѣдуетъ его кончина. Объявивши о семъ откровеніи архіепископу, онъ просилъ у него отпущенія. Архіепископъ, всячески стараясь услужить ему, отпустилъ же его въ лавру съ надлежащимъ попеченіемъ. Старецъ, лежа на одрѣ въ своей небольшой башнѣ, въ началѣ мѣсяца Декабря призвалъ къ себѣ отцевъ лавры и поставилъ имъ въ игумена нѣкоего Мелиту, родомъ Беритянина, и далъ ему завѣщаніе ненарушимо сохранять правила, введенныя имъ въ монастыряхъ, особенно въ лаврѣ. Эти правила на бумагѣ, потомъ 4 дня пребывалъ безъ всякой пищи; никого же къ себѣ не допускалъ, въ субботу въ вечеру потребовалъ святыхъ таинъ, пріобщился ихъ и, на конецъ сказавъ: *Господи, въ руцѣ твои предаю духъ мой* (Псал. 30, 6), предалъ Богу душу.

Такъ отецъ нашъ Савва *подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ* и украсился *вѣнцемъ правды* (2 Тим. 4, 7 и 8). Смерть его случилась въ 5 день мѣсяца Декабря, 10-го индиктіона, въ 6024 году отъ сотворенія міра, т. е. отъ того событія, отъ котораго время стало измѣряться теченіемъ солнца, а отъ воплощенія и плотскаго рожденія отъ Дѣвы Бога Слова въ 524 году. Смерть Саввы случилась въ тѣ времена, которыя прежде наступленія ихъ изображены святыми отцами нашими Ипполитомъ, писателемъ древнимъ и близкимъ къ апостоламъ, Епифаніемъ, епископомъ Кипрскимъ и Гіерономъ, философомъ и исповѣдникомъ. Исчисленіе времени жизни его — слѣдующее: въ Палестину онъ пришелъ 18-ти лѣтъ, въ киновіи жилъ 17 лѣтъ, въ пустынѣ и въ великой лаврѣ провелъ 59 лѣтъ, умеръ на 94 году своей жизни, во второй годъ послѣ консульства Лампадіева и Орестова, въ 6-й годъ нынѣшняго богохранимаго Іустиніанова царствованія. Когда слухъ о его смерти разнесся по всей окрестной странѣ, то собралось безчисленное множество монаховъ и мірянъ. Прибылъ также и святѣйшій патріархъ Петръ съ епископами, при немъ находившимися, и съ знаменитыми мужами св. града. Честныя его мощи положены въ великой лаврѣ, между двумя церквами, на томъ мѣстѣ, гдѣ видѣнъ былъ огненный столпъ.

Но не умеръ сей святый, а спитъ, потому что онъ провелъ жизнь свою неукоризненно, и потому что писаніе говоритъ: *праведныхъ души въ руцѣ Божіей, и не прикоснется ихъ мука* (Премуд. 3, 1). Подлинно, тѣло его до настоящаго дня сохранилось во гробѣ цѣлымъ и нетлѣннымъ. Это я самъ видѣлъ своими глазами въ прошедшій индиктіонъ. Когда открыли драгоцѣнный гробъ, дабы положить въ него остатки блаженнаго Кассіана, то я сошелъ въ него, чтобы поклониться мощамъ божественнаго старца, и увидѣлъ, что они были цѣлы и нетлѣнны. Удивившись этому, я прославилъ Бога, который прославилъ раба своего и почтилъ его нетлѣніемъ прежде общаго и всемірнаго воскресенія. Вотъ что я долженъ былъ сказать о его остаткахъ. Что касается его духа, то онъ получилъ великій доступъ къ Богу. Особенность сего доступа я теперь постараюсь показать въ немногихъ словахъ. Во св. градѣ есть одинъ серебряныхъ дѣлъ мастеръ, родомъ изъ Дамаска, по имени Ромулъ, первый изъ діаконовъ, служащихъ при св. Геѳсиманіи. Этотъ Ромулъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Во время кончины блаженнаго Саввы обокрадена была моя мастерская, и пропало почти 100 литръ серебра. Я тотчасъ пошелъ во храмъ св. мученика Ѳеодора, въ продолженіи 5 дней освѣщалъ сей храмъ и день и ночь пребывалъ въ слезахъ при рѣшеткѣ олтаря. Около полуночи 5-го дня я заснулъ и увидѣлъ св. мученика Христова Ѳеодора. Онъ сказалъ мнѣ: какую нужду имѣешь ты во мнѣ? Что ты такъ печалишься и плачешь? Я ему отвѣчалъ, что я лишился и своего и чужаго серебра, молился, но не получилъ никакой пользы. Святый отвѣчалъ мнѣ: меня здѣсь не было. Намъ повелѣно было идти и встрѣтить св. душу аввы Саввы и отвесть ее въ мѣсто упокоенія. Теперь ты поди въ такое-то мѣсто и найдешь тамъ укравшихъ твое серебро. Въ самомъ дѣлѣ, мы нашли серебро точно такъ, какъ сказано было въ видѣніи.

Два брата по плоти, родомъ изъ той страны, которая обиловала плодоносными полями, изъ селенія Вуріи, имѣя вѣру къ св. Саввѣ, усердно принимали и угощали всѣхъ, приходившихъ изъ его монастырей въ ихъ страну по какимъ либо дѣламъ. Притомъ они и жили богоугодно. Но по нѣкоторому дѣйствію сатаны, во время собиранія винограда они оба впали въ столь сильную болѣзни, что домашніе отчаялись въ выздоровленіи ихъ. Безпокоясь о потерѣ винограда, эти два брата вспомнили о Саввѣ и молились ему о помощи. Святый явился каждому изъ нихъ особо и сказалъ: „я молилъ Бога о вашемъ здравіи, и Богъ услышалъ мою молитву. Во имя Іисуса Христа, истиннаго Бога, встаньте и идите на свою работу!“ Они тотчасъ укрѣпились, возвѣстили домашнимъ объ этомъ чудѣ и пошли на свою работу. Съ того времени ежегодно въ самый день этого чуда они дѣлаютъ всему своему селенію всенародный праздникъ.

Нѣкая жена родомъ изъ нашего города Скиѳополя, по имени Генара, рѣшилась сдѣлать двѣ церковныхъ завѣсы, одну для кастелліискаго, другую для пещернаго монастыря. Когда приготовлено было для тканія ихъ все нужное, то женщины, условившіяся ткать, отказались отъ своего намѣренія. Такъ какъ по этому случаю Генара была очень печальна, то явился ей во снѣ блаженный Савва и сказалъ: „поутру призови ткальщицъ; онѣ придутъ и исполнятъ свое дѣло. Не печалься, твое приношеніе не будетъ имѣть помѣхи“. Святый явился также и ткальщицамъ съ негодованіемъ за отказъ отъ работы. По наступленіи утра, всѣ онѣ, собравшись вмѣстѣ, съ радостію разсказали другъ другу видѣнія и исполнили свое дѣло съ благодареніемъ.

По прошествіи немалаго времени послѣ этого, экономъ великой лавры нанялъ Сарацинскихъ верблюдовъ для перевозки отъ мертваго моря зерноваго хлѣба, купленнаго въ Махерунтѣ. Когда нанятые верблюды пришли съ грузомъ въ лавру, то одинъ изъ нихъ на дорогѣ, идущей вверхъ къ гостинницѣ, уклонившись направо, упалъ съ грузомъ въ ровъ съ утеса, который высотою былъ почти въ десять разъ болѣе роста человѣческаго. Хозяинъ верблюда, хотя и былъ сарацинъ, но закричалъ слѣдующія слова: „авва Савва, помоги своими молитвами моему верблюду“. И въ то время, какъ верблюдъ катился внизъ, сарацинъ продолжалъ кричать: авва Савва, помоги, вдругъ увидѣлъ онъ нѣкоего священнаго старца, сидящаго на [illegible] верблюдѣ. Когда же онъ объѣхалъ внизъ и подошелъ къ своему верблюду, то сидѣвшаго старца уже не видѣлъ, и верблюда своего нашелъ невредимымъ. Поднявъ его съ другимъ, онъ привелъ его къ гостинницѣ другою ровною дорогою и снялъ съ него грузъ. Сей сарацинъ, будучи пораженъ необычайностію дѣла чуда, ежегодно приходитъ въ лавру для поклоненія гробу старца и для доставленія всякому эконому, на тотъ разъ бывающему, третьей части своихъ доходовъ, въ благодарность авве Саввѣ.

Въ то время устроенъ былъ большой водоемъ подъ башнею отца нашего Саввы, въ пещерѣ, въ которой находится скрытая дорога, ведущая вверхъ отъ созданной Богомъ церкви къ упомянутой башнѣ. А въ скалѣ, которая лежитъ надъ пещерою и довольно высока, отцы устроили другое вмѣстилище воды для того, чтобы вода, очищаясь въ немъ, стекала въ нижній водоемъ. Устройство водоема и того мѣста, въ которомъ бы очищалась вода, взялъ на себя одинъ мастеръ Мама, родомъ изъ Виѳлеема. Когда онъ съ однимъ ученикомъ своимъ отрокомъ, по имени Авксентіемъ, занимался украшеніемъ послѣдняго водоема, то однажды, по случаю наступившей бури, вода во множествѣ начала собираться въ водоемы, и онъ разрушился отъ множества воды. Мама, какъ человѣкъ мужественный, легко успѣлъ избѣжать опасности. Напротивъ, отрокъ, будучи застигнутъ паденіемъ камней и сильнымъ стремленіемъ воды, увлеченъ былъ ею съ утеса внизъ на то мѣсто, которое находится среди нынѣшней церкви, гдѣ нынѣ лежатъ честныя мощи св. отца нашего Саввы. Высота этого утеса равняется почти 10 оргіямъ. Когда дождь пересталъ идти, то отрокъ найденъ совершенно невредимымъ подъ упавшими камнями, прежде созданною Богомъ церковью. Я самъ былъ очевидцемъ сего чуда. Въ тѣ [illegible] пришелъ изъ новой лавры въ великую [illegible] намѣреніемъ, чтобы получить въ ней мѣсто и построить себѣ келлію. Вотъ немногое изъ многихъ свѣдѣній о божественномъ старцѣ! Теперь время побуждаетъ меня описать отчасти и то, что случилось съ преемниками и учениками Саввы.

Авва Мелитъ, принявши управленіе лаврою послѣ божественнаго старца, по безпечности или по склонности къ бездѣйствію, отдалъ архіепископу Петру ту тысячу монетъ, которая по императорскому повелѣнію выдана Суммомъ для построенія крѣпости, и построеніе крѣпости было оставлено. Патріархъ, взявши отъ Мелита эту тысячу монетъ, раздѣлилъ ее различнымъ монастырямъ. При этомъ аввѣ Мелитѣ волки угрожали опустошеніемъ божественному стаду, которое Мелитъ принялъ подъ свое смотрѣніе въ цвѣтущемъ состояніи, ибо посѣщеніемъ пастыреначальника Христа Бога нашего это стадо спасено было. Я скажу въ краткихъ словахъ о томъ, какимъ образомъ случилось это. Пока преславный отецъ нашъ Савва былъ во плоти, то во всѣхъ монастыряхъ въ пустынѣ было одно исповѣданіе вѣры. Тогда всѣ сыны Іерусалима ходили въ домъ Божіемъ въ единомысліи и въ согласіи относительно божественныхъ догматовъ; всѣ были въ неразрывномъ союзѣ и мирѣ, такъ что исполнились эти слова писанія: *возведи окрестъ очи твои и виждь собранная чада твоя* (Иса. 60, 4). Но по преставленіи изъ сей жизни искуснѣйшаго пастыря, стадо сіе пришло въ бѣдственное положеніе, потому что было пасомо неискуснымъ пастыремъ. Ибо Нонна и его послѣдователи, считая смерть отца нашего Саввы удобнымъ для себя случаемъ, начали распространять то зловѣріе, которое они скрывали въ глубинѣ души, и мутными и превратными ученіями начали смущать всякаго своего ближняго. Въ новую ересь они увлекли всѣхъ почти ученыхъ людей изъ монаховъ новой лавры, которые жили въ обители Мартиріевой и въ лаврѣ Фирмина, и повсюду отцовъ изъ монастырей ближайшихъ къ Фирмину, и Созоменъ, бывшіе учениками и послѣдователями божествеликаго старца уже почили. И не только въ этихъ монастыряхъ, но и въ великой лаврѣ и прочихъ монастыряхъ пустынныхъ они въ короткое время успѣли посѣять нечистое ученіе Оригена. Въ то же время Дометіанъ, игуменъ обители Мартирія, и Θеодоръ по прозванію Аскида, настоятель новой лавры, оба сильно зараженные ученіемъ Оригена, отплыли въ Константинополь и тамъ, притворно показывая себя защитниками Халкидонскаго собора, при содѣйствіи вышеупомянутаго византійца Леонтія, сдѣлались близкими къ папѣ Евсевію, а чрезъ него и къ благочестивѣйшему нашему императору. Прикрывая свою ересь великимъ лицемѣріемъ, они получили при дворѣ большую довѣренность, и Дометіанъ принялъ священноначаліе въ Галатійской области, а Θеодоръ поставленъ во епископа въ Кесарію Каппадокійскую. Вслѣдствіе этого послѣдователи Нонна получили большую силу и неусыпно сѣяли Оригеновы сѣмена по всей Палестинѣ.

Послѣ аввы Мелита, который 5 лѣтъ пасъ стадо Саввы, и по кончинѣ часто упоминаемаго выше блаженнаго Θеодула, игуменство Саввы принялъ братъ Θеодуловъ Геласій, въ началѣ 15-го индиктіона. Этотъ Геласій, принявши начальство надъ лаврою, увидѣлъ, что многіе изъ всего общества подвержены Оригеновой заразѣ. Поэтому онъ рѣшился поступить сообразно съ мнѣніемъ божественнаго епископа и отшельника Іоанна, и при содѣйствіи сподвижниковъ своихъ, нѣкоего Евстаѳія писца, родомъ Галатянина, и Стефана Іерусалимлянина и Тимоѳея Гевалина, который и донынѣ сіяетъ добродѣтелями въ сей Клѣткѣ, прочиталъ въ церкви сочиненіе святаго епископа Вострскаго Антипатра противъ Оригеновыхъ догматовъ. Державшіеся гибельной Оригеновой ереси монахи, раздраженные этимъ случаемъ, начали возмущать церковь. Главнымъ виновникомъ безпорядковъ въ церкви были нѣкіе Іоаннъ, діаконъ и канонархъ лавры, прозванный Антіохійцемъ (Онъ, будучи лишенъ оттуда священства, самъ прежде соединился съ Іоанномъ, по про званію. Вмѣстѣ съ Іоанномъ, и съ Птоломеемъ и съ другими. Всѣ они составляли между собою незаконныя собранія и старались развращать другихъ. Отцы лавры, по общему согласію, отдѣлили и изгнали ихъ изъ лавры въ числѣ почти 40 человѣкъ. Они пришли въ новую лавру къ Нонну и Леонтію Византійцу, который тогда прибылъ изъ Константинополя и былъ явнымъ союзникомъ въ преслѣдованіи преемниковъ блаженнаго Саввы. Пришли и жаловались на авву Геласія и на отцевъ великой лавры. Такимъ образомъ въ новой лаврѣ собрались всѣ главные виновники сей ереси. Леонтій Византіецъ, будучи давно недоволенъ блаженнымъ Саввою, подалъ всѣмъ совѣтъ вооружиться всѣмъ вмѣстѣ, и со всѣхъ сторонъ приступить къ разрушенію великой лавры. Поэтому онъ пошелъ вмѣстѣ съ Леонтіемъ и другими монахами изгнанными изъ лавры, въ обитель блаженнаго Ѳеодосія, надѣясь привлечь къ себѣ какъ игумена сей обители, славнаго Софронія, такъ и отцевъ. Но ихъ предпріятіе было тщетно, и они со стыдомъ вышли изъ сей обители. Послѣ этой неудачи, сообщники Леонтія пришли въ бѣшенство противъ Геласія и великой лавры, и послали людей въ различныя мѣста и чрезъ нихъ собрали заступы, багры, ломы и другія нужныя для разрушенія орудія; также собрали нѣсколько поселянъ для вспоможенія себѣ, и съ величайшимъ бѣшенствомъ пошли разрушать великую лавру. Но Богъ аввы Саввы сотворилъ великое чудо. Во второй часъ дня напалъ на нихъ мракъ и темнота, такъ что они весь день блуждали по труднымъ и непроходимымъ мѣстамъ. Я узналъ объ этомъ отъ нѣкоторыхъ достовѣрныхъ людей. Въ слѣдующій день они едва пришли къ обители аввы Маркіана и, увидѣвши солнечный свѣтъ, безъ успѣха и со стыдомъ возвратились въ свои мѣста. Сіе чудо совершилъ Богъ чудесъ, который *гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Прит. 3, 34).

Въ то время въ Палестинѣ находились, для низложенія Александрійскаго епископа Павла, Ефремъ, патріархъ Антіохійскій, и папа Евсевій. Когда папа Евсевій, по окончаніи собора, прибылъ въ Іерусалимъ, то Леонтій привелъ къ нему монаховъ, изгнанныхъ изъ великой лавры. Они обвиняли Геласія въ томъ, что онъ общество лавры раздѣлилъ на двѣ части и ихъ изгналъ, а противниковъ ихъ оставилъ у себя. Папа Евсевій, будучи обманутъ словами Леонтія и ничего не зная объ ереси, призвалъ къ себѣ авву Геласія и принуждалъ его или принять изгнанныхъ, или изгнать ихъ противниковъ, т. е. тѣхъ, которые старались уничтожить ересь. Въ такой крайности отцы лавры, по взаимному согласію, выслали изъ лавры Стефана, Тимоѳея и другихъ четырехъ братій. Эти братія, перенеся добровольное изгнаніе, пришли въ Антіохію и разсказали патріарху Ефрему о случившихся происшествіяхъ и показали ему книги блаженнаго Антипатра. Патріархъ, узнавши изъ поданныхъ ему книгъ объ Оригеновыхъ заблужденіяхъ и услышавши отъ подателей этихъ книгъ о томъ, что произвели Оригенисты въ Іерусалимѣ, воодушевился мужествомъ и соборнымъ опредѣленіемъ предалъ проклятію Оригеновы догматы. Когда это сдѣлалось извѣстно въ Іерусалимѣ, то послѣдователи Нонна вознегодовали на Ефрема. Имѣя своими поборниками Леонтія Византійца, который тогда отплылъ въ Константинополь, а также Домитіана Галатійскаго и Ѳеодора Каппадокійскаго, побуждали архіепископа Петра исключить Ефрема изъ церковныхъ помянниковъ. По этому случаю произошло великое несогласіе. Архіепископъ тайно призвалъ къ себѣ Софронія и Геласія и приказалъ имъ написать прошеніе на Оригенистовъ, въ которомъ бы заклинали его (архіепископа) не исключать изъ священныхъ помянниковъ имя патріарха Ефрема. Отцы написали такое прошеніе и вручили архіепископу. Онъ послалъ его къ императору, вмѣстѣ съ письмомъ отъ себя, въ которомъ доносилъ ему о нововведеніяхъ Оригенистовъ. Благочестивѣйшій императоръ нашъ, уваживъ это прошеніе, издалъ указъ противъ Оригеновыхъ догматовъ. Подъ этимъ указомъ подписался Мина, патріархъ Константинопольскій, со своимъ соборомъ. Принуждены были также подписаться и Доме-тіанъ и Өеодоръ; но ихъ притворство въ этомъ случаѣ всѣмъ было извѣстно.

Когда указъ противъ Оригена былъ обнародованъ въ Іерусалимѣ, и всѣ палестинскіе епископы, а также игумены пустыни подписались подъ нимъ, кромѣ Александра, епископа Авилскаго, то Ноннъ, Петръ и другіе начальники ереси, досадуя на это, отдѣлились отъ каѳолической церкви. Они вышли изъ новой лавры и остановились въ той странѣ, въ которой находятся полуденные поля. Когда это сдѣлалось извѣстно въ Константинополѣ, то, поелику папа Евсевій уже почилъ и Леонтій также умеръ, Өеодоръ Каппадокійскій, имѣя при дворѣ силу, призвалъ къ себѣ апокрисіаріевъ церкви святаго Воскресенія (въ Іерусалимѣ) и съ великимъ гнѣвомъ сказалъ: если патріархъ Петръ не сдѣлаетъ удовлетворенія, отдавъ и не возвратитъ имъ ихъ лавру, то нынѣ же лишится своего епископства. Въ то же время послѣдователи Нонна, по внушенію Өеодора Аскиды, написали къ архіепископу слѣдующее письмо: «Умоляемъ твою святость, если нашей душѣ какою либо небольшою милостію предъ вашею церковію обязана, и нами нѣчто сказано, да разрѣшится, и разрѣшено будетъ отъ Отца и Сына и Св. Духа, всякое проклятіе, неугодное Богу». Мы примемъ сіе прощеніе, хотя оно и не будетъ знакомъ строгой справедливости». Архіепископъ, получивъ такое письмо, сначала не хотѣлъ дать прощенія, считая, что оно незаконно, и могло произвести возмущеніе. Впрочемъ, опасаясь коварства Аскиды и думая, что надобно *искупать время* (Ефес. 5, 16), призвалъ къ себѣ послѣдователей Нонна изъ обитающихъ полями страны и помимо того наединѣ даровалъ прощеніе. Они возвратились въ новую лавру, и остались въ непріязненномъ расположеніи къ отцамъ Новой лавры. Послѣ сего Аскида принудилъ праведнаго къ Константинопольскаго архіепископа Петра имѣть при себѣ синкеллежи Петра Александрійника и Іоанна Стронгила. Вслѣдствіе этого послѣдователи Нонна получили большую смѣлость и начали проповѣдывать свое нечестіе всенародно и по домамъ, и возбуждали различныя гоненія противъ отцевъ великой лавры. Если они видѣли во градѣ какого либо православнаго монаха, то побуждали мірянъ бить его, называли Саваитомъ, и изгоняли изъ града. Когда такимъ образомъ нѣкоторые православные отцы были избиты, и воздвигаемо было гоненіе на правовѣрныхъ монаховъ, то Іорданскіе Вессы, будучи побуждаемы божественною ревностію, пришли во градъ подать помощь гонимымъ православнымъ. Посему произошло открытое сраженіе съ Вессами и другими православными. Эти убѣжали въ гостинницу, принадлежащую великой лаврѣ. Непріятели съ величайшимъ бѣшенствомъ бросились за ними и сюда, чтобы умертвить ихъ, и увидѣвши, что гостинница укрѣплена, проломали окна каменьями и непрестанно бросали камни на укрывавшихся въ гостинницѣ. Когда такимъ образомъ отцы были осаждены, то одинъ изъ Вессовъ Ѳеодулъ, нашедши лопату и взявъ ее въ руки, вышелъ изъ гостинницы и разогналъ всѣхъ враговъ, которыхъ было около 300, такъ однакоже, что никого не ранилъ. Но одинъ изъ нихъ такъ поразилъ его камнемъ, что онъ упалъ и вскорѣ потомъ умеръ. Послѣ этого гоненіе на правовѣрныхъ прекратилось.

Послѣ сего происшествія отцы великой лавры упросили авву Геласія отправиться въ Константинополь и донести объ этомъ благочестивѣйшему нашему императору. Авва Геласій, при отправленіи въ путь, собралъ отцевъ великой лавры въ церковь и, прощаясь съ ними, сказалъ: вотъ, отцы, по вашему прошенію, я отправляюсь въ Константинополь. Я не знаю, что со мною случится на пути. Итакъ, я умоляю васъ не позволять жить съ собою никому изъ защитниковъ Ѳеодора Мопсуестскаго, такъ какъ онъ есть еретикъ; ибо и самъ отецъ нашъ Савва гнушался имъ и Оригеномъ. Я очень опалію, что подписался подъ той запиской, которая, по приказанію патріарха, приготовлена была пустынными отцами для того, чтобы Θеодоръ не былъ проклятъ. Впрочемъ Богъ, промышляющій о своей церкви, устроилъ такъ, что эта записка не была принята, и благоволилъ, чтобы Θеодоръ былъ преданъ проклятію. Сказавъ это отцамъ и простившись съ ними, блаженный Геласій отправился. Когда онъ прибылъ въ Византію, то о его прибытіи сказано было Аскидѣ, то этотъ далъ приказаніе, чтобы никто не принималъ къ себѣ никакого Іерусалимскаго монаха. Итакъ авва Геласій, будучи нигдѣ не принятъ и опасаясь коварства Аскиды, пѣшкомъ отправился изъ Византіи въ Палестину. Пришедши въ Аморію, онъ скончался мѣсяца Октября 9-го индиктіона. Узнавши объ этомъ, отцы великой лавры единодушно пришли во св. градъ испросить себѣ игумена. Давши знать о своемъ прибытіи патріарху, они, по приказанію синкелловы, выгнаны были изъ епископскаго дома съ оскорбленіями и побоями. Претерпѣвши и другія многія оскорбленія, они безъ успѣха возвратились въ лавру. Тогда во всѣхъ монастыряхъ всѣ присоединялись къ Оригенистамъ или по нуждѣ, или будучи привлекаемы ласкательствомъ, или будучи увлекаемы по своему невѣдѣнію, или наконецъ опасаясь власти нечестія. Такимъ образомъ неправовѣрные, привлекши всѣхъ на свою сторону, вооружались только противъ одной великой лавры, имъ противившейся, и прилагали большое стараніе объ ея покореніи себѣ.

Употребивши многія обольщенія, они поставили игуменомъ Оригениста, по имени Георгія, и съ воинскою стражею ввели его въ лавру и посадили на сѣдалищѣ св. отца нашего Саввы. Тогда и божественный отецъ нашъ, епископъ и отшельникъ Іоаннъ, вышедши наконецъ изъ своего заключенія, въ которомъ онъ пробылъ многіе годы, удалился на Масличную гору, а съ нимъ вышли также и всѣ питомцы благочестія, изъ которыхъ многіе разсѣялись по различнымъ странамъ. При зрѣли случаѣ Богъ сотворилъ великое чудо, какъ нѣкогда подѣлилъ воды на Аріѣ; ибо въ самый тотъ день гоненія, въ который отцы удалились изъ великой лавры, начальникъ враговъ вѣры и вождь нечестія, Ноннъ, восхищенъ изъ среды людей скоропостижною смертію. А лютѣйшій волкъ Георгій, пасши 7 мѣсяцевъ священное стадо божественнаго старца, изгнанъ былъ изъ лавры своими единомышленниками, которые обвинили его въ роскоши и непотребствѣ. Въ чемъ именно состояло обвиненіе, объ этомъ не буду говорить; иначе обнаружится то, что требуетъ забвенія и совершеннаго молчанія. Отцы, остававшіеся въ великой лаврѣ, по опредѣленію патріарха получили себѣ во игумена авву Кассіана, родомъ изъ Скиѳополя. Въ это время Кассіанъ управлялъ обществомъ братьевъ Сухи. Онъ съ самаго дѣтства отрекся отъ міра, былъ ученикомъ божественнаго Саввы и потомъ пресвитеромъ великой лавры. Лаврою Сухи онъ управлялъ 6 лѣтъ. Пасши 10 мѣсяцевъ священную паству божественнаго старца, онъ съ *миромъ вкупѣ уснулъ и почилъ* (Псал. 4, 9) въ 16-й годъ по смерти великаго Саввы [illegible] 1.

По смерти Кассіана, отцы великой лавры, по побужденію Божію, поставили себѣ игуменомъ авву Конона, мужа славнаго исполненіемъ монашескихъ обязанностей и твердостію въ православныхъ догматахъ, родомъ онъ Киликіянинъ. Еще съ дѣтства на своей родинѣ онъ сдѣлался опытенъ въ монашеской жизни и много успѣлъ въ божественныхъ подвигахъ. По смерти блаженнаго Саввы, онъ пришелъ въ Іерусалимъ для поклоненія св. мѣстамъ и оттуда приведенъ Богомъ въ великую лавру. Здѣсь своею духовною мудростію, соединенною съ благоразуміемъ, онъ научалъ всѣхъ отцевъ. Принявъ подъ свое смотрѣніе уменьшенную и умалившуюся паству аввы Саввы, онъ умножилъ ее, сдѣлалъ славнѣйшею и отовсюду собралъ въ лавру отцевъ, разсѣявшихся по различнымъ странамъ. Богъ, всегда промышляющій о своей церкви, разрушилъ единодушіе Оригенистовъ, какъ въ древнее время при Еверѣ съ раздѣленіемъ языковъ и съ разрушеніемъ богопротивнаго созданія строителей Вавилонскаго столпа. (Ибо, когда Ноннъ умеръ, истребленъ) то монахи Фирминовой лавры пришли въ разномысліе съ монахами новой лавры, относительно своихъ догматовъ и занимались взаимными между собою спорами. Многоразличное нечестіе тѣхъ и другихъ въ настоящее время сильно и пространно опровергается нѣкоторыми боголюбивыми мужами нашего стада. Всякій желающій можетъ удобно видѣть ихъ нечестіе изъ самыхъ ихъ именъ, которыми они называютъ другъ друга. Ибо монахи новой лавры называютъ монаховъ Фирминовой лавры Протоктистами или Тетрадитами, а Фирминовы монахи называютъ новолаврскихъ Исохристами, и какъ тѣ, такъ и другіе получили имена свои по свойству своихъ нечестивыхъ догматовъ. Θеодоръ Каппадокійскій, управляя государственными дѣлами, держался стороны Исохристовъ и защищалъ ее; многихъ изъ нихъ онъ успѣлъ рукоположить въ епископы Палестинскіе и поставить въ игумены; наконецъ Θеодора, игумена новой лавры, онъ сдѣлалъ хранителемъ креста и митрополитомъ Скиөопольскимъ. Отъ этого бури и волненія постигли не только наше стадо, но и то, которое приняло нечестивѣйшій догматъ протоктистовъ и въ которомъ вождемъ былъ Исидоръ. Сей Исидоръ, будучи не въ силахъ противостоять Аскидѣ и монахамъ новой лавры, присоединился къ пастырю нашего стада аввѣ Конону, далъ ему на св. Сіонѣ обѣщаніе не защищать догмата предсуществованія, но всѣми силами вмѣстѣ съ нимъ вооружаться противъ нечестія, и отправился съ Конономъ въ Константинополь.

Авва Кононъ, прибывши со своими спутниками въ Константинополь, былъ подвергнутъ различнымъ оскорбленіямъ отъ Аскиды и при помощи терпѣнія сдѣлался непобѣдимымъ. По прошествіи немногихъ дней, архіепископъ Петръ скончался, а на его мѣсто дерзостію монаховъ новой лавры рукоположенъ Макарій. По сей причинѣ во св. градѣ произошло несогласіе. Благочестивѣйшій императоръ, сильно вознегодовавши на Аскиду и Оригенистовъ, приказалъ низложить Макарія съ епископскаго престола. Въ это время Кононъ и его сообщники, нашедши удобный случай, разсказали императору о своихъ дѣлахъ и подали ему письменное изъясненіе всего нечестія Оригенистовъ. Исидоръ тогда уже умеръ. Получивъ весьма большую свободу, они назначили Іерусалимскимъ епископомъ Евстохія, Александрійскаго эконома, жившаго тогда въ Константинополѣ. Благочестивѣйшій императоръ нашъ, утвердивъ избраніе Евстохія на патріаршество, повелѣлъ составить вселенскій соборъ. Авва Кононъ, отпуская въ Іерусалимъ Евстохія, упросилъ его послать въ Константинополь Евлогія, игумена обители блаженнаго Θеодосія, дабы и онъ присутствовалъ на предстоящемъ соборѣ. Евстохій, прибывши на свой патріаршескій престолъ, послалъ трехъ епископовъ, дабы они занимали на соборѣ его мѣсто; также послалъ и авву Евлогія съ другими двумя игуменами. Когда пятый святый вселенскій соборъ составился въ Константинополѣ, то Оригенъ и Θеодоръ Мопсуестскій преданы всеобщему и вселенскому проклятію; также предано проклятію и то, что говорено было Евагріемъ и Дидимомъ о предсуществованіи и возстановленіи всѣхъ вещей. На этомъ соборѣ присутствовали 4 патріарха, которые утвердили сіе проклятіе. Когда богохранимый нашъ императоръ прислалъ въ Іерусалимъ дѣянія сего собора, и всѣ палестинскіе епископы соглашались на оныя и письменно и устно утвердили ихъ (кромѣ Александра Авильскаго, который за это и лишенъ епископства и въ Византіи во время землетрясенія погребенъ подъ развалинами): тогда монахи новой лавры отдѣлились отъ вселенскаго общенія. Патріархъ Евстохій различнымъ образомъ старался склонить ихъ къ сему общенію; въ продолженіи 8 мѣсяцевъ онъ увѣщевалъ и убѣждалъ ихъ, но, не могши присоединить ихъ къ вселенской церкви, изгналъ ихъ изъ новой лавры по императорскимъ указамъ, посредствомъ Дука Анастасія, и всю область очистилъ отъ ихъ заразы. Но, не желая оставить мѣсто ненаселеннымъ, онъ собралъ 120 монаховъ и поселилъ ихъ въ ней. Шестьдесятъ изъ нихъ были взяты изъ великой лавры. Изъ числа ихъ патріархъ рукоположилъ имъ въ игумены нѣкоего Іоанна, бывшаго схоларіемъ. Другіе 60 монаховъ были собраны изъ другихъ православныхъ пустынныхъ монастырей. Въ числѣ этихъ послѣднихъ монаховъ и я вызванъ былъ изъ обители св. Евѳимія отцами великой лавры, по волѣ и опредѣленію божественнаго Іоанна, епископа и отшельника. Мы, собравшись во св. градѣ, вышли изъ него съ патріархомъ и новымъ своимъ игуменомъ въ селеніе Ѳекою. Такъ какъ Оригенисты выгнаны были Дукомъ Анастасіемъ изъ новой лавры, то мы заняли ее въ 23-й годъ по кончинѣ блаженнаго Саввы. Этими происшествіями окончилось гоненіе на правовѣрныхъ. И я, будучи намѣренъ окончить здѣсь мое повѣствованіе о божественномъ старцѣ, справедливо могу произнести эти пророческія слова—*да веселится пустыня и да цвѣтетъ яко кринъ* (Иса. 35, 1), поелику Богъ умилосердился надъ сынами ея и самъ въ себѣ сказалъ эти слова: *видя видѣхъ озлобленіе людей моихъ въ Іерусалимѣ, и вопль ихъ услышахъ* и снидохъ *изъяти ихъ* (Исх. 3, 7—8). Онъ восхотѣлъ и посѣтилъ, посѣтилъ и спасъ и избавилъ насъ отъ порабощенія Оригенистовъ, и *изгналъ* ихъ *отъ лица* нашего, и вселилъ насъ въ селеніяхъ ихъ (Псал. 77, 54—55) и сдѣлалъ насъ наслѣдниками трудовъ ихъ, *яко да сохранимъ оправданія его и закона его взыщемъ* (Псал. 104, 44—45). Слава Ему во вѣки! Аминь.

Мѣсяца Декабря 4 житіе и жизнь преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина, списано Іоанномъ патріархомъ Антіохійскимъ (чит. Іерусалимскимъ 1)).

Обыкновенно люди устрояютъ священныя изваянія и изображенія въ честь тѣхъ, кои нетлѣнно и невредимо сохранили и соблюли образъ Божій, и изначала хорошо удерживаютъ его совершенно и всецѣло, или хотя и растлили его неоднократно, или осквернили, но опять возстановили. Но если имъ подобаетъ воздать преимущественную почесть, и притомъ если обильная богатствомъ рука ихъ доставляетъ обильную для прославленія и блистательную матерію,—то изсѣкаютъ черты лица сихъ людей, думая чрезъ это оказать имъ наибольшую почесть. Если же объ изображеніи лицъ такихъ людей имѣютъ такое особенное попеченіе; то что же? слѣдуетъ ли сказанія объ ихъ дѣяніяхъ оставить въ пренебреженіи, безъ всякой обработки? простецамъ позволительно, при описаніи дѣяній угодниковъ Божіихъ, составлять писанія такъ, какъ они могутъ; но тѣмъ, которые упражнялись въ краснорѣчіи, непростительно оставлять безъ вниманія житія святыхъ, составленныя, какъ случилось, и особенно такихъ мужей, коихъ духъ и жизнь дали имъ возможность постоянно бодрствовать и упражняться въ писаніи, и которые ученіемъ очистили умъ отъ невѣдѣнія и забвенія, а душу отъ всякаго страстнаго волненія, которые потрудились о семъ съ усердіемъ, не имѣя пристрастія къ внѣшней мудрости, но испуская свѣтъ Утѣшителя.

Между ними одинъ изъ числа первыхъ есть великій Іоаннъ, коему дано знаменитое прозваніе отъ его оте-

---

1) Рукопись преп. Іова, л. 47—57. Текстъ дополненъ изъ Четь-Минеи Св. Димитрія Ростовскаго и провѣренъ по латинскому переводу въ Acta Sancto чит. Болландистовъ, подъ 6 числомъ Мая мѣсяца.

чества преподобнаго Дамаскина. Ибо сей явился не малою звѣздою на церковной тверди, но весьма великою и свѣтлою, и не только свѣтилъ во время ночи повсюду разлившейся ереси, но и прогонялъ всякій мракъ лжемудреннаго ученія своими сіяніями. Она же распространившаяся во всей вселенной, затемнѣвала святыя изображенія достопокланяемыхъ иконъ. И глубокъ былъ этотъ мракъ, который производилъ и разливалъ не кто либо изъ простыхъ людей, которые бы разсѣевали зло въ одной только части вселенной, но человѣкъ, который такъ сказать, въ рукахъ держалъ концы вселенной, такъ какъ онъ держалъ скипетръ греческой власти и царства. Отсюда и много бѣдствій произошло повсюду, и съ великимъ насиліемъ низвергалъ онъ честныя изображенія, а поклоняющихся имъ иныхъ разтерзывалъ, *яко левъ восхищаяй и рыкаяй*, — львоименный этотъ и львоправный (царь); иныхъ разгонялъ въ другія мѣста своимъ рыканіемъ и заставлялъ скрываться въ подземныхъ убѣжищахъ; — и многіе предпочли жить вмѣстѣ со львами, нежели жить съ звѣремъ и его угодниками; иные же страха ради бѣжали въ отдаленные концы вселенныя; ибо *левъ возревѣтъ, и кто не убоится*? И такимъ образомъ разбѣгались отъ его лица, какъ отъ лица змія.

Соименный же благодати мужъ сей, исполненный духовныя благодати, яростію распалившись на одного сего змія, такъ какъ сія ярость была ревностію по вѣрѣ и добродѣтели, — не изъ Ѳракіи бѣжалъ къ Сарматамъ, не изъ Византіи обратился въ бѣгство къ Гераклесовымъ столбамъ, и не изъ царскихъ палатъ удалился въ пустыни изъ-за рыканія Льва, но живя сначала въ Дамаскѣ, а потомъ въ Палестинѣ и постничествуя въ уединенномъ мѣстѣ, мужественно противоборствовалъ и сопротивлялся на Льва, — и сердце его прободалъ мощными мужественными воинственными, чрезъ такое разсѣченіе, оружіемъ краснорѣчія, скованнымъ на огнѣ Утѣшителя, закаленнымъ живою водою, и какъ тремя изощренными копьями Іоавъ, которыми въ свое время и на своемъ [illegible] стѣ болѣе украшенно будетъ сказано; ибо несправедливо было бы оставить безъ украшенія его житіе, написанное простецами какъ случилось, и особенно на одномъ только арабскомъ языкѣ. Итакъ, должно сказать, отъ какого благоцвѣтущаго корени произросъ сей благороднѣйшій стебель, и какая страна хвалится тѣмъ, что она произвела его.

Это былъ городъ Дамаскъ. Ибо какъ много онъ хвалится Павломъ, котораго, имѣющаго нѣкогда взойти на небеса, онъ первый увидѣлъ, по отверженіи нечестія, перемѣнившимся изъ врага Христова въ христолюбца: такъ справедливо и заслуженно много хвалится симъ мужемъ, который не изъ другаго мѣста пришелъ, не изъ другой вѣры перешелъ къ правой вѣрѣ, но котораго корень онъ самъ возрастилъ и руководилъ гораздо болѣе къ благочестію, нежели къ тѣлесному возрасту, и, воспитавъ его ученіемъ, много красуется симъ отпрыскомъ своимъ, превозносится и веселится о немъ гораздо болѣе, нежели о другомъ чемъ-либо замѣчательномъ и славномъ: благорастворенія воздуха, источникахъ хорошихъ и пріятныхъ водъ, многимъ доставляющихъ обильное орошеніе. Ибо не столько обиліе прекрасныхъ плодовъ возноситъ и возвышаетъ этотъ городъ, сколько выросшее изъ него сіе доброе и благородное древо, воспитанное *при исходищихъ водъ*, которое приноситъ духовные плоды *во время свое*, котораго и плоды постоянно у насъ находятся, и нѣкоторые изъ нихъ всегда свѣжи и постоянно красивы на видъ и сладки на вкусъ, и не только веселятъ прикасающихся къ нимъ, но и насыщаютъ и возращаютъ вкушающаго ихъ въ мужей совершенныхъ по духу, возвышаютъ и усовершаютъ. Такимъ образомъ городъ Дамаскъ этимъ порожденіемъ своимъ прославился болѣе, нежели всѣми другими богатствами, хорошими и прекрасными.

Итакъ, этотъ городъ произвелъ сего мужа. Предки его были люди благочестивые, которые одни соблюли цвѣты благочестія и благоуханіе разума Христова среди терпія, одни сохранили христоименитое званіе, какъ славное и неотъемлемое наслѣдіе, ни въ чемъ не повредивши православія, съ того времени, какъ Агаряне завоевали городъ и овладѣли имъ. Отселѣ и добродѣтель сдѣлала ихъ славными среди враговъ, такъ что сами враги уважали ихъ добродѣтель, или лучше, какъ Богъ прославилъ Даніила у Ассиріанъ ради благочестія, которое онъ обнаружилъ, и какъ Іосифа въ Египтѣ доставилъ и сдѣлалъ княземъ и господиномъ надъ туземцами и надъ плѣненными отъ враговъ, — такъ точно и здѣсь прославляемый Господь прославилъ предковъ Іоанна, сохранявшихъ благочестіе къ Богу и не уклонившихся за другими на путь развращенія, и сдѣлалъ ихъ управителями въ народныхъ дѣлахъ у этихъ самыхъ Сарацынъ; и благочестивые плѣнники управляли здѣсь плѣнившими ихъ нечестивыми. О великія чудеса Божіи и удивительныя знаменія! ибо ничего нѣтъ выше добродѣтели и превосходнѣе благочестія. И какъ знамя на вершинѣ холма, лучше же какъ свѣтильникъ ночью, и какъ сѣмя Израилю, и какъ искра въ пеплѣ: такъ и родъ родителей Іоанна оставленъ былъ въ Дамаскѣ для того, чтобы произвести сей свѣтлый свѣтильникъ, который бы просвѣтилъ концы земли.

Таковы были прародители восхваляемаго нами. И самъ отецъ, происходя отъ такого благаго корня, старался превзойти родителей благочестіемъ и другими добродѣтелями, и посему показалъ и большую любовь къ Богу. Ибо надлежало, чтобы у мужа, столь славнаго и имѣющаго взойти на самую вершину добродѣтели, былъ такой виновникъ рожденія, который бы превосходилъ предковъ своимъ величіемъ, дабы послѣдовательно было восхожденіе къ высотѣ, какъ бы разсчитанное разумомъ, и чтобы такимъ образомъ стало извѣстнымъ, что все совершается съ этимъ великимъ и знаменитымъ мужемъ по смотрѣнію Божественнаго промысла, какъ это было и съ Іоанномъ Крестителемъ. Поелику имѣлъ возсіять пророкъ, большій бывшихъ прежде, нежели совершилъ священство выше всякаго пророческаго служенія, то есть крещеніе моего Господа, то промысломъ предуготовано было родиться не отъ простыхъ родителей, но отъ священническаго колѣна и родителемъ имѣть пророка. Такъ и здѣсь Іоанновъ отецъ былъ человѣкъ весьма благочестивый и человѣколюбивый. Онъ избранъ былъ сдѣлаться управителемъ всѣхъ народныхъ дѣлъ во всей странѣ той, ради высоты его добродѣтели и иной чистоты; онъ не употреблялъ большаго богатства, которымъ владѣлъ, на объядѣніе и пьянство и неумѣстные расходы, но все, что онъ имѣлъ въ золотѣ и другомъ движимомъ имуществѣ, употреблялъ на выкупъ плѣнныхъ христіанъ; другое же недвижимое имущество, весьма значительное, которое онъ имѣлъ въ Іудеѣ и Палестинѣ, онъ отдавалъ для упокоенія и содержанія тѣхъ христіанъ, которыхъ онъ выкупилъ изъ плѣна и которые пожелали жить въ тѣхъ мѣстахъ; иныхъ же онъ предоставлялъ, подъ свободнымъ небомъ и свободною ногою, идти туда, куда они захотятъ. Ибо такова была человѣколюбивая добродѣтель сего мужа. Имѣя многое, онъ какъ бы ничего не имѣлъ, днемъ и ночью возвращая Богу свое достояніе.

Живя такъ, онъ получилъ въ награду, не за страннолюбіе, какъ Авраамъ, но за человѣколюбіе, это дивное порожденіе, хотя и не по благовѣщенію, но по предвѣдѣнію и предопредѣленію Божію. Ибо Богъ предвидѣлъ, каковымъ будетъ блаженный Іоаннъ, и предопредѣлилъ родиться отъ таковаго мужа, въ воздаяніе ему награды за человѣколюбіе, которое онъ привыкъ оказывать освобожденіемъ получившихъ въ жребій отдаленный плѣнъ. Итакъ, рождается у него сей желанный отрокъ, и въ единомъ [illegible] отецъ дѣлаетъ сына, чрезъ возрожденіе духовной матери, вѣдомъ свыше, совершившееся тогда не безъ [illegible], на которое немногіе отваживались среди этого народа. Потомъ, забота отца о сынѣ не сосредоточилась въ томъ, чтобы научить его [illegible] искусно управлять конями, хорошо попадать въ цѣль стрѣлами изъ лука, бороться со звѣрями и измѣнять естественную кротость въ звѣроподобную жестокость, которая часто бываетъ у многихъ возмущенныхъ яростію и нерѣдко доходящихъ до неистовства. Для сихъ наукъ не искался отцемъ Іоанна другой Хиронъ, въ горахъ воспитанный и питающій учениковъ мозгами ланей, но искался мужъ опытный во всякомъ родѣ ученія, преданный всякому красноречію, отрыгающій изъ душевнаго сердца обиліе слова, чтобы сей отрокъ весьма хорошо всего напитался такими же свѣдѣніями и разнообразными знаніями. И Богъ исполняетъ священное желаніе мужа, [illegible] искомое. Способъ же обрѣтенія желаемаго былъ слѣдующій. [illegible] Варвары изъ Дамаска, дѣлая, по своему обычаю, морскіе набѣги, однажды захватили въ плѣнъ многихъ христіанъ, и пустившись въ море на корабляхъ, взяли съ собою много полону, и отведши въ свой городъ, однихъ продавали покупщикамъ, другихъ же предназначали для посѣченія мечемъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ нѣкто мужъ въ монашескомъ одѣяніи, родомъ изъ Италіи, благолѣпный на видъ, благолѣпнѣйшій же душею, по имени Косьма, на лицѣ коего сіяла нѣкая важность, показывающая внутреннее состояніе его души. Къ его ногамъ припадали влекомые на закланіе, моля его, чтобы онъ предстательствовалъ за нихъ предъ Богомъ и испросилъ отъ Человѣколюбца оставленіе прегрѣшеній ихъ. Варвары же, видя мольбу этихъ умирающихъ, съ какою они обращались къ оному почтенному на видъ мужу, подходили къ нему и спрашивали его, кто онъ, и какой чести удостоенъ, и какими почестями славился между христіанами. Онъ же въ отвѣтъ сказалъ: я не удостоился никакой почести священнаго сана, но я безполезный и простой монахъ, изучавшій философію не только нашу богоугодную, но и ту мудрую, происходящую отъ внѣшнихъ мудрецовъ. Когда онъ разсказалъ это, то появились слезы. И [illegible]

Недалеко оттуда стоялъ отецъ Іоанновъ, и увидѣвъ мужа въ такихъ слезахъ, подходитъ, чтобы утѣшить его словами въ скорби, и говоритъ: «зачѣмъ, человѣкъ Божій, оплакиваешь лишеніе міра, прежде сего отрекшись отъ него и умертвившись ему, какъ я вижу по одеждѣ?» Монахъ отвѣчалъ: «не сей жизни лишеніе я оплакиваю, никакъ нѣтъ; ибо, какъ ты сказалъ, я умертвился міру. Но это одно меня огорчаетъ, что я прошелъ всякую человѣческую мудрость и ее положилъ въ основаніе всего круга знаній. Я упражнялъ языкъ въ краснорѣчіи; обучался правиламъ и пріемамъ діалектики; старался изучить нравоученіе, какъ передали оное Стагиритъ (Аристотель) и сынъ Аристона (Платонъ); изслѣдовалъ природу всѣхъ вещей, сколько возможно для человѣка; изучилъ основанія ариѳметики; начертательное землемѣріе знаю; достаточно хорошо понимаю музыкальныя созвучія и согласіе мѣры; не пренебрегъ и того, что относится къ движенію неба и вращенію звѣздъ, дабы, наконецъ, изъ величія и красоты сотворенныхъ вещей я могъ получить доступное моему разумѣнію познаніе о самомъ Создателѣ. Ибо, кто получилъ ясное познаніе о сотворенныхъ вещахъ, тотъ и яснѣе познаетъ ихъ Творца, и болѣе удивляется Ему. Отсюда я перешелъ къ тайнамъ богословія, какъ преподаннаго греками, такъ и того, которое изложили яснѣйшимъ образомъ наши богословы. Итакъ, исполненный сими знаніями, я еще не успѣлъ передать этого наслѣдія на пользу другому, я не родилъ сына, который бы соотвѣтствовалъ отцу философскими знаніями. Ибо, какъ многіе естественные отцы желаютъ имѣть дѣтей, ожидая отсюда продолженія преемственности рода: такъ и упражнявшіеся въ философіи желаютъ раждать дѣтей чрезъ философское наставленіе, дабы золотой родъ любомудрцевъ постоянно продолжалъ жить, а сами виновники сего дивнаго рожденія получили безсмертную славу. Ибо поистинѣ свойственно благотворительной природѣ вообще, чтобы сдѣлать другихъ соучастниками тѣхъ благъ, которыми она богата. Посему, если кто не таковъ, и не желаетъ этого, тотъ не справедливо поступаетъ, но худо, будучи исполненъ гордости и зависти,— поелику не могъ допустить того, чтобы надѣлить другихъ тѣмъ благомъ, которымъ былъ богатъ. Посему у него возмется и то, что онъ думаетъ имѣть, какъ случилось съ рабомъ, не вручившимъ своего таланта торжникамъ. Я же, избравши благую часть, сильно желалъ бы преподать другимъ полученное мною ученіе. Поелику же я не получилъ желаемаго, дабы мнѣ причесться къ тѣмъ рабамъ, кои вручивъ другимъ таланты, умножили ихъ сугубо, и не родилъ сына любомудріемъ, и отхожу изъ жизни,—какъ бы такъ сказать, бездѣтнымъ; то посему я несчастный, какъ видишь, и обливаю лице слезами и горько сѣтую.

Услышавъ эти слова тотъ, кто искалъ таковаго сокровища, отвѣчаетъ: перестань блаженный человѣкъ, перестань и утѣшь свою душу, ибо можетъ быть, Господь исполнитъ желаніе сердца твоего. Сказавъ это, Іоанновъ отецъ какъ можно поспѣшнѣе отправился къ Сарацынскому князю и, припавши къ его ногамъ, просилъ у него знаменитаго Косьму. И онъ не получилъ отказа въ просьбѣ, но получаетъ даръ, поистинѣ достойный многихъ даровъ, и отвелъ его въ домъ свой, и утѣшилъ мужа, и успокоилъ его послѣ долгихъ его страданій. Говоря это, онъ присовокупилъ: ты не только свободенъ на будущее время, сказалъ онъ,—но я желаю имѣть тебя другомъ дома и господиномъ послѣ меня, и соучастникомъ во всякой моей радости и скорби. Объ этомъ одномъ прошу тебя, достопочтенный мужъ, чтобы сего роднаго моего сына Іоанна и кромѣ того другаго соименнаго тебѣ, родомъ изъ Іерусалима и въ дѣтскомъ возрастѣ лишившагося родителей, котораго я принялъ къ себѣ вмѣсто духовнаго сына, ты какъ можно тщательнѣе наставилъ и научилъ всякому твоему знанію и философіи, какъ внѣшней, такъ и той, которой удостоено изучить ихъ благодатью Святаго Духа.

Услышавъ это, философъ самъ казался подобнымъ коню, распростирающему уши и скачущему по полямъ, или подобнымъ жаждущему оленю, спущенному къ источникамъ водъ; и сказалъ бы о немъ, что это — новый Мидасъ, нечаянно нашедшій великія сокровища золота; имѣя такое усердіе къ дѣлу, онъ беретъ юношей и становится ихъ учителемъ.

Тогда Іоаннъ, какъ орелъ крыльями, леталъ подъ небесами своими превосходными душевными дарованіями и усердіемъ. Косьму же, брата по духу и соученика по ученію, можно бы назвать кораблемъ, который, съ распущенными на подобіе крыльевъ парусами, несется по водѣ при попутномъ вѣтрѣ, при зефирахъ, дующихъ въ корму. Такимъ образомъ при быстротѣ ума и усердіи къ ученію, въ скоромъ времени они постигли всякую трудную науку, какъ грамматическую, такъ діалектическую и риторическую. Между тѣмъ наука нравственности не только развивала умъ, но и укрощала бурныя движенія души; и какъ орелъ пристально смотритъ на солнце, такъ и они устремляли внимательныя очи на природу вещей, объясняемую словами. Ариѳметическія же пропорціи не менѣе хорошо изучили, какъ и Пиѳагоръ или самъ Діофантъ. Въ геометрическихъ же доказательствахъ они оказались столько опытными, что считались какъ бы новыми Евклидами или подобными ему. Въ поэтическомъ же искусствѣ они оказались сколько изящными, столько и учеными, по причинѣ составленныхъ ими божественныхъ пѣснопѣній. А каковъ былъ Іоаннъ въ астрономіи, — объ этомъ свидѣтельствуетъ то немногое, что онъ самъ составилъ для краткаго наставленія незнающихъ о разстояніяхъ, мѣстоположеніи, наружности и особѣ однообразныхъ уклоненій. Таковъ же былъ и Косьма; но о немъ рѣчь предоставляется другимъ, ибо Іоаннъ есть предметъ нашей похвалы.

Кто не признаетъ въ немъ точнаго знанія богословскихъ опредѣленій и не удивится основанію учебной его книги, которую если бы кто назвалъ законоположеніемъ всякаго православнаго ученія и скрижалями Моисеевыми, тотъ не погрѣшилъ бы противъ истины? Но я знаю, что это въ похвалу книги нужно было сказать въ послѣдствіи, а не теперь; однако объ этомъ мы сказали здѣсь для того, чтобы показать, съ какимъ усердіемъ и прилежаніемъ онъ проходилъ все это, и какимъ образомъ, что всего удивительнѣе, онъ не превозносился знаніемъ; но какъ вѣтви плодовыхъ деревьевъ, обремененные обильнымъ множествомъ плодовъ, наклоняются къ землѣ, такъ склонялся отъ многочисленнаго плода ученія и плодоносный Іоаннъ, не въ землю смотря, но въ глубочайшую пучину любомудрія; почему, когда еще носимъ былъ человѣческими пристрастіями, какъ бы нѣкіимъ кораблемъ, желалъ оставить и корабль міра сего, сбросить съ себя совершенно одежды тѣлесныхъ пристрастій и такимъ образомъ нагимъ умомъ погрузиться въ море и вынырнуть на дно, чтобы найти лежащую тамъ драгоцѣнную жемчужину. Итакъ, сего желая и сіе имѣя въ виду, онъ спускался на дно пучины, и не превозносился разумомъ, но смирялся стремленіемъ къ сокровеннѣйшему знанію. Такъ свѣтильникъ разумной его души наполненъ былъ елеемъ человѣческаго знанія, дабы невещественный свѣтъ, снисшедши свыше, возжегся на семъ свѣтильникѣ, и дабы Іоаннъ всецѣло явился воспламененнымъ.

Между тѣмъ учитель, настроенный ученикомъ къ таковому желанію, приходитъ къ отцу отрока и говоритъ: вотъ я исполнилъ то, чего ты желалъ; и юноши превосходятъ меня мудростію; ибо имъ недостаточно было сравняться съ учителемъ, но при богатствѣ дарованій и непрестанныхъ трудахъ, особенно же при умноженіи имъ отъ Бога дара премудрости, они поднялись гораздо выше меня на вершину философіи. Послѣ сего мой трудъ не можетъ уже быть для нихъ полезенъ. Въ награду же за мой трудъ дозволь мнѣ удалиться въ иноческую обитель и тамъ тщательно поискать верховной мудрости. Ибо къ этому меня побуждаетъ та философія, которую я изучалъ прежде: лучше мнѣ обогатиться двумя благами и къ первой философіи присовокупить ту, которая отрѣшена отъ всякаго вещества и превосходитъ всякій умъ, которую постигать можетъ голый умъ и совершенно отвлеченный отъ тѣла». Тяжела была для отца Іоаннова эта рѣчь философа; однако онъ не могъ удерживать его, чтобы не показать, что онъ скупо воздаетъ награду за обученіе его сына наукамъ. Напутствовавъ его щедро необходимымъ, онъ отпустилъ его съ миромъ. Онъ же, удалившись въ пустыню къ лаврѣ Святаго Саввы, пробывъ тамъ до кончины своей, перешелъ къ своей премудрости къ Богу. Отошелъ же смертію и Іоанновъ отецъ. Сарацинскій же начальникъ, призвавъ Іоанна, хотѣлъ сдѣлать его первымъ совѣтникомъ. Но онъ отказывался, склоняясь желаніемъ къ другому; однакоже, послѣ долгихъ настояній, онъ не могъ противиться болѣе, и такимъ образомъ поставляется на мѣсто отца еще съ большею властію.

Въ то время греческою имперіею управлялъ Левъ Исаврянинъ, который на честныя иконы и на собраніе православныя церкви *яко левъ возхищая и рыкая* былъ, иныя сожигая огнемъ звѣроподобнаго неистовства, а покланяющихся имъ восхищая и погубляя и жалостно растерзывая зубами злочестиваго мучительства. Когда это дошло до слуха Іоаннова, то онъ, подражая ревности Иліи и обличенію единоименнаго ему Крестителя, — такъ какъ Духъ Святый помазалъ его невидимо и еще прежде помазанія предназначилъ въ противоборца нечестію, — извлекъ слово какъ бы духовный мечъ къ отсѣченію повелѣнія звѣронравнаго, какъ бы главы. Итакъ онъ разсылаетъ знающимъ его православнымъ увѣщательныя посланія о чести божественныхъ иконъ, заботливо и премудро доказывая необходимость поклоненія честнымъ иконамъ. Этимъ же онъ показывалъ, чтобы они подобное внушали и другимъ и показывали всѣмъ его посланія, и всякимъ способомъ старался новый защитникъ истины, чтобы, какъ въ нѣкоемъ кругѣ, его посланія переходили изъ рукъ въ руки между вѣрными, и чтобы такимъ образомъ утверждалось православное ученіе. И наконецъ, по примѣру Павла, онъ старался обойти весь міръ, если не ногами, то проповѣданіемъ истины чрезъ посланія.

Когда услышалъ объ этомъ императоръ Левъ, то, призвавъ нѣкоторыхъ изъ единомышленниковъ своихъ, поелику онъ не терпѣлъ обличенія своего нечестія, которое съ очевидностію раскрывали Іоанновы посланія,—приказываетъ, подъ видомъ притворнаго благочестія, со всякимъ стараніемъ и чрезъ вывѣдываніе въ разговорѣ, найти собственноручное посланіе Іоанна. Они же, содѣйствуя злобѣ, неустанно употребляли всѣ коварства, скрывая лесть, и разыскивали то, что имъ повелѣно было, пока наконецъ, нашедши посланіе, не вручили его въ руки царю. Итакъ онъ, призвавъ нѣкоторыхъ писцовъ своихъ, предложилъ имъ посланіе для подражанія, чтобы они воспроизвели какъ способъ письма, такъ и мысли и выраженія. Многіе изъявили готовность сдѣлать это. Имъ повелѣваетъ безчестный императоръ этотъ, чтобы они написали какъ бы отъ лица Іоаннова къ нему самому злоименному царю посланіе слѣдующаго содержанія.

«Здравствуй, царь! И я сорадуюсь величеству твоему по причинѣ тождества нашей вѣры. Свидѣтельствую твоему царскому величеству мое расположеніе съ должнымъ почтеніемъ, и въ знакъ этого доношу тебѣ, что нашъ городъ этотъ совершенно нерадиво оберегается и охраняется, а агарянское войско весьма мало и безсильно. Итакъ, сжалься, ради Бога, надъ городомъ этимъ, который ты возмешь безъ труда, если неожиданно пошлешь храбрый отрядъ войска, которое подастъ видъ, что оно идетъ въ другое мѣсто. Не мало же, и я 1) помогу тебѣ, поелику и городъ, и вся эта страна находится подъ моею властію. Написавъ къ себѣ такое посланіе отъ Іоанна, злохитрый повелѣлъ написать отъ себя другое посланіе къ сарацынскому князю, такого содержанія. Я ничего не считаю блаженнѣе того, чтобы имѣть миръ съ тобою и оставаться въ дружбѣ, хранить же мирные договоры весьма похвально и любезно Богу; посему и я хочу заключенный съ тобою миръ хранить нерушимо и неизмѣнно до конца. Однако нѣкто христіанинъ, живущій въ твоей области, частыми своими посланіями побуждаетъ меня къ тому, чтобы я нарушилъ миръ, и обѣщаетъ мнѣ отдать въ руки городъ Дамаскъ безъ труда, если я нечаянно пошлю туда мое войско. А чтобы ты повѣрилъ тому, что я пишу, для этого посылаю тебѣ одно посланіе изъ тѣхъ, которыя писалъ оный христіанинъ, и вмѣстѣ для того, чтобы ты узналъ отсюда мою дружбу, уразумѣлъ измѣну и вражду осмѣлившагося писать мнѣ таковое, и чтобы ты зналъ, какъ его казнить.

Оба эти посланія злоименный и звѣронравный царь послалъ чрезъ одного изъ своихъ къ князю варварскому въ Дамаскъ. Этотъ же, получивъ и прочитавъ, призвалъ Іоанна и показалъ ему это подметное посланіе, писанное къ царю Льву. Іоаннъ же, читая и разсматривая посланіе, говорилъ: письмена въ этой хартіи вижу нѣсколько похожія на писаніе руки моей, однако не моя рука писала это; ибо мнѣ никогда и въ умъ не приходило писать къ греческому царю; да не будетъ того, чтобы я коварно служилъ моему господину князю. И понялъ Іоаннъ, что это устроило ему враждебное лукавство еретическое. Но князь, исполнившись гнѣва, повелѣлъ отсѣчь у невиннаго Іоанна правую его руку. Іоаннъ усердно просилъ князя, чтобы онъ потерпѣлъ немного и далъ ему нѣсколько времени для того, чтобы

---

1) Отселѣ заимствовано изъ Четь-Миней Св. Димитрія Ростовскаго.

доказать свою невинность и обнаружить вражду къ себѣ всезлобнаго еретика царя Льва, но не получилъ просимаго; ибо князь, будучи весьма разгнѣванъ, тотчасъ велѣлъ совершить казнь. И отсѣчена была правая рука Іоаннова, та рука, которая укрѣпляла православныхъ о Богѣ, да рука, которая посланіями своими обличала ненавидящихъ Господа, и вмѣсто чернила, которымъ омочалась, пиша о почитаніи святыхъ иконъ, обагрилась своею собственною кровію. По отсѣченіи же, она повѣшена была на торжищѣ среди города; а Іоаннъ, изнемогшій отъ боли и многаго истеченія крови, отведенъ былъ въ свой домъ. По наступленіи же вечера, блаженный, уразумѣвъ, что уже прошелъ гнѣвъ князя, послалъ къ нему съ просьбой, говоря: усиливается болѣзнь моя и несказанно меня мучитъ, и я не могу имѣть облегченія, доколѣ отсѣченная рука моя будетъ висѣть на воздухѣ. Итакъ, умоляю тебя, господинъ мой, прикажи, чтобы мнѣ отдана была рука, дабы я погребъ ее въ землѣ; ибо думаю, что если она погребена будетъ, то облегчится моя болѣзнь. Мучитель же, склонившись на таковую просьбу, приказалъ снять руку съ позорища и отдать Іоанну.

Іоаннъ же, получивъ отсѣченную свою руку, вошелъ въ домашнюю свою молельню и, павши на землю предъ святою иконою Пречистыя Богоматери, имѣющей на рукахъ своихъ Младенца, приложилъ отсѣченную правую руку къ составу и началъ, воздыхая изъ глубины сердца и плача, молиться, и говорилъ: Владычице Пречистая Мати, родившая Бога моего! вотъ, божественныхъ ради иконъ отсѣчена у меня правая рука: Ты знаешь, что Льва подвигло на ярость; итакъ поспѣши скоро на помощь и исцѣли мою руку. Десница Вышняго, изъ Тебя воплотившаяся, творитъ многія чудеса Твоими молитвами. Итакъ, молю, о Богоматерь, да исцѣлитъ и мою десницу Твоимъ ходатайствомъ, дабы эта рука моя написала похвалы Тебѣ и Твоему Сыну, какія Ты сама подашь написать, и чтобы она помогла православной вѣрѣ своими писаніями; ибо Ты, какъ Божія Матерь, все можешь, что только восхощешь». Говоря это со слезами, Іоаннъ уснулъ и увидѣлъ въ сонномъ видѣніи икону Пречистыя Богоматери, свѣтлыми и милосердыми очами смотрящую на него и говорящую: «вотъ, исцѣлена твоя рука, не печалься болѣе, однако трудись ею неленостно, какъ ты обѣщался мнѣ, и сдѣлай ее тростью скорописца». Проснувшись же Іоаннъ, когда осязалъ и увидѣлъ свою руку исцѣлѣвшею, то возрадовался о Богѣ Спасителѣ своемъ и о пренепорочной Его Матери; *яко сотвори* ему *величіе Сильный.* Ставши же на ноги свои и воздѣвъ руки вверхъ, возсылалъ благодареніе Богу и Богоматери, и веселился всю ночь со всѣмъ домомъ своимъ и воспѣвалъ новую пѣснь, говоря: *десница Твоя, Господи, прославися въ крѣпости* (Исход. 15, 6). Десная Твоя рука исцѣлила усѣченную мою десницу, и ею сокрушитъ враговъ, не почитающихъ честнаго образа Твоего и Пречистой Твоей Матери, и сотретъ ею супостатовъ иконоборцевъ *во множествѣ славы Твоея»* (ст. 7). Когда такимъ образомъ Іоаннъ со всѣми домашними своими веселился и воспѣвалъ благодарственныя пѣсни, услышали это всѣ живущіе вблизи сосѣди, и узнали причину его радости и веселія и весьма удивлялись. Вскорѣ это сдѣлалось извѣстно и Сарацинскому князю, и онъ, призвавъ Іоанна, повелѣлъ ему показать усѣченную руку. На составѣ же, отъ котораго отсѣчена была правая рука, остался нѣкоторый знакъ отсѣченія, какъ бы нить красная, смотрѣніемъ Богоматери оставленный для достовѣрнаго доказательства бывшаго отсѣченія руки. Увидѣвъ это князь, спрашивалъ Іоанна, какой врачъ и какимъ лекарствомъ такъ хорошо приставилъ руку къ ея составу, и скоро ли онъ уврачевалъ и оживилъ ее, какъ будто бы она и не была отсѣчена и мертва? Онъ же не умолчалъ о чудѣ, но велегласно возвѣстилъ о немъ, говоря: «Господь мой всемогущій Врачъ, чрезъ Пречистую Свою Матерь услышавъ усердную молитву мою;

всемогущею силою Своею исцѣлилъ сію язву мою и уврачевалъ руку, которую ты повелѣлъ отсѣчь». Тогда князь воскликнулъ: «увы мнѣ, я несправедливо осудилъ и невинно казнилъ тебя, добрый человѣкъ, не разсмотрѣвши ложныя клеветы. Итакъ, умоляю тебя, прости намъ, что мы поспѣшно и неосмотрительно подвергли тебя такому наказанію. Ты же получи отъ насъ прежній твой санъ и прежнюю твою почесть и будь первымъ между совѣтниками нашими, и отселѣ ничего не будетъ дѣлаться въ нашей области безъ тебя и безъ твоего совѣта». Іоаннъ же, упавши въ ноги князю, умолялъ его долго, чтобы онъ отпустилъ его отъ себя и не препятствовалъ ему отправиться туда, куда желаетъ его душа, чтобы послѣдовать за своимъ Господомъ вмѣстѣ съ отрекшимися себя и взявшими яремъ Господень иноками. Князь же не хотѣлъ его отпустить, но настаивалъ, чтобы онъ былъ господиномъ дома его и управителемъ всей области его. И былъ между ними продолжительный споръ: одинъ другаго упрашивалъ и одинъ другаго усиливался одолѣть просьбою. Потомъ едва пересилилъ Іоаннъ, хотя и не скоро, однако хорошо упросивъ князя,—и предоставлена была ему свобода дѣлать то, что ему угодно.

Возвратившись въ домъ свой, Іоаннъ тотчасъ, безъ замедленія роздалъ нуждающимися всѣ свои имѣнія, которыя были безчисленны, и освободилъ всѣхъ рабовъ, а самъ съ Косьмою, который былъ соученикомъ его, отправился въ Іерусалимъ и, поклонившись тамъ святымъ мѣстамъ, пришелъ въ лавру святаго Саввы и просилъ игумена[1]), чтобы онъ принялъ его въ число тамошнихъ овецъ, считая себя погибшею и нынѣ изъ пустынныхъ горъ возвратившеюся къ пастырю Христу. Возрадовался о семъ начальникъ оной паствы, и похвалилъ намѣреніе, и воздалъ ему похвалу за чистоту жизни и богатство разума. Онъ хотѣлъ вручить новопоступающаго одному изъ великихъ тамошнихъ старцевъ, дабы, находясь подъ руководствомъ таковаго наставника, безопасно шелъ путемъ Божіимъ, и прежде всего призываетъ къ себѣ такого монаха, котораго почиталъ въ обители выше всѣхъ добродѣтелями, и хочетъ поручить ему Іоанна. Но этотъ отказывался и говорилъ, что онъ неспособенъ быть руководителемъ мужа, и который пріобрѣлъ столь великую славу своею знаменитою ученостію. Начальникъ паствы отпустилъ его, и потомъ призвалъ другаго; но и другой отказывается потому же, почему и первый; послѣ нихъ и другіе многіе стали одинъ за другимъ отказываться отъ того, чтобы быть наставникомъ Іоанна, [illegible]

---

[1]) Здѣсь оканчивается заимствованіе изъ Четь-Миней Св. Димитрія Ростовскаго.

Послѣ же множества всѣхъ этихъ призывается старецъ, простой нравами, но сильный разумомъ, и охотно принимаетъ усерднаго Іоанна и отходитъ съ нимъ въ свою келлію. И прежде всего онъ предлагаетъ ему то начало, чтобы никогда ничего не дѣлать по своей волѣ, но приносить въ жертву Богу свои подвиги пламенемъ непрестанной молитвы и слезами стараться омывать грѣхи прежней жизни; ибо только такая чистая и непорочная жертва угодна Христу болѣе всякаго другаго ѳиміама. И это первое правило относительно тѣлесныхъ подвиговъ. Что же касается души, то совѣтовалъ не воспроизводить въ душѣ никакого образа и не представлять въ умѣ никакого вида мірскихъ предметовъ; сохранять умъ отъ всякаго тщеславія, не возноситься множествомъ наукъ и думать, будто постигнулъ все, чему учился; ни желать, ни оказывать охоты къ видѣніямъ и познанію нѣкихъ невѣдомыхъ вещей; не довѣрять своему уму; ни надѣяться когда-нибудь воображать имѣть непогрѣшительное знаніе, пока самый умъ не отрѣшится отъ тѣла; но считать свои умствованія немощными и помышленія свои погрѣшительными; стараться же не разсѣевать ума, но съ великимъ усиліемъ сосредоточивать его, чтобы такимъ образомъ онъ просвѣтился божественнымъ свѣтомъ, душа очистилась, тѣло стало чистѣе, и наконецъ тѣло съ душею присоединилось къ уму, дабы тройственная эта вещь, по причинѣ соединенія съ простѣйшею Троицею, была проста, и чтобы человѣкъ состоялъ не изъ тѣла, не изъ души, но весь изъ духа, когда первыя два силою воли преобразованы будутъ въ оное третіе и главное, то-есть умъ».

Такъ наставлялъ отецъ сына, учитель ученика, присовокупляя и сіе, сказавъ: ни къ кому не посылай письма, и отнюдь ни съ кѣмъ не говори что либо изъ внѣшней мудрости. Храни благоразумно молчаніе; ибо знаешь, что это правило — не нашихъ только философовъ, но и Пиѳагоръ Самосскій завѣщавалъ много лѣтъ хранить молчаніе ученикамъ своимъ, посвящаемымъ въ тайны философіи. И не думай, чтобы хорошо было и о хорошемъ говорить несвоевременно. Этому научаетъ тебя Давидъ, когда говоритъ: *умолчахъ отъ благъ* (Псал. 38, 3). Послушай же, что отсюда произошло для него: *согрѣяся сердце мое во мнѣ* (— ст. 4), то-есть отъ огня божественной любви, который воспламеняется размышленіемъ пророческаго ума».— Это внушалъ Іоанну старецъ, и онъ не писалъ на водѣ и не сѣялъ на камняхъ, но на плодородной землѣ.

Много времени провелъ такъ Іоаннъ, во всякомъ родѣ искуса оказывая наставнику постоянное послушаніе во всемъ. Не было у Іоанна никакого противорѣчія тому, что ему приказываемо было; не было никакого ропота въ устахъ; не было въ душѣ никакого помысла, который бы осуждалъ внутренно приказанія наставника. Но только это одно онъ глубоко напечатлѣлъ въ своей душѣ, какъ будто начертанное на внутреннихъ скрижаляхъ, чтобы все, что онъ дѣлаетъ, что ему приказываютъ дѣлать, исполнять, по наставленію Павла, *безъ гнѣва и размышленія* (1 Тимоѳ. 2, 8). Ибо какая польза дѣлающему доброе дѣло, если въ устахъ его будетъ роптаніе? когда исправится или сдѣлается лучшею душа того, кто поступаетъ такъ? когда она подвигнется къ дальнѣйшему преуспѣянію? Посему многіе подвизаются, думая, что они трудятся ради добродѣтели, а напрасно подвизаются, нисколько не подвигаясь впередъ.

Потомъ, старецъ, желая научить подвижника большимъ подвигамъ послушанія, чего не выдумываетъ? собравши много корзинъ, которыя они обыкновенно дѣлали своими руками, предлагаетъ Іоанну такую мысль, сказавъ ему слѣдующее: «я слышалъ, сынъ мой, что въ Дамаскѣ корзины можно продать гораздо дороже, нежели во всей Палестинѣ; а у насъ, какъ ты знаешь, большая нужда въ необходимомъ. Посему, взявши ихъ всѣ, иди туда какъ можно скорѣе, и не продавай дешевле той цѣны, какую я назначаю тебѣ», — назначивъ цѣну вдвое болѣе стоимости ихъ. Не сказалъ ничего противъ этого и не возразилъ повелѣвшему тотъ, кто *послушливъ бывъ даже до смерти.* Онъ беретъ на плечи бремя и, окрыленный послушаніемъ, отправляется въ Дамаскъ. Тотъ, кто прежде представителенъ и знатенъ, нынѣ входитъ въ городъ одѣтымъ въ рубища, изможденнымъ и нищимъ. Онъ обходитъ торжища, чтобы продать корзины, и поелику онъ просилъ за нихъ большую цѣну, то возбуждалъ во всѣхъ смѣхъ и сталъ для всѣхъ посмѣшищемъ и поношеніемъ. Наконецъ, одинъ изъ бывшихъ у него слугъ, когда онъ былъ знатенъ и славенъ въ городѣ, ставши противъ него и припоминая черты его лица, узналъ этого смиреннаго и покрытаго рубищами мужа, кто онъ былъ прежде и чѣмъ сталъ впослѣдствіи, и, умилившись сердцемъ, подходитъ къ нему и, какъ бы ничего не зная, между тѣмъ какъ все хорошо зналъ, покупаетъ у него корзины, давъ за нихъ требуемую цѣну. Онъ же, получивъ это, опять предпринимаетъ путь къ пославшему его и, какъ нѣкій побѣдитель, доблестненно возвращается въ свою землю, побѣдивши врага.

Случилось, что одинъ изъ живущихъ по сосѣдству съ Іоанновымъ наставникомъ иноковъ перемѣнилъ земное пребываніе и странствованіе на небесныя обители и отошелъ ко Господу. У него былъ одинъ братъ по плоти. Этотъ, пораженный великою скорбію и плачемъ, никакъ не могъ перенесть смерти брата. Іоаннъ же много утѣшалъ сего брата словами, которыми богатъ былъ, и увѣщевалъ къ терпѣнію. Но онъ умоляетъ Іоанна, чтобы сочинилъ ему какое либо надгробное пѣснопѣніе, для облегченія скорби и для ободренія души. Іоаннъ боялся нарушить заповѣдь старца и не склонялся на просьбу, но просящій неотступно умолялъ его. «Для чего,—говорилъ онъ,—не сжалишься надъ скорбной душой и не дашь ей небольшаго какого либо врачевства противъ скорбей и болѣзней? Если-бы ты былъ врачемъ тѣлеснымъ и со мной случилась какая либо тѣлесная болѣзнь, удручающая меня, и ты не захотѣлъ бы дать мнѣ, жестоко страждущему и приближающемуся къ смерти, врачевство по своей силѣ; то не воздашь ли отвѣтъ Богу за пренебреженіе меня? И нынѣ не воздашь ли еще большаго отвѣта за то, что оставляешь безъ помощи меня, еще больше страждущаго? Если же ты боишься заповѣди старца, то знай, что объ этомъ дѣлѣ никто не будетъ знать и слышать». Іоаннъ склоняется на эти слова и составляетъ для него надгробный тропарь, который и доселѣ поется устами всѣхъ, коего начало: *вся суетствія человѣческая.*

Однажды наставникъ Іоанновъ вышелъ изъ келліи прогуляться, а Іоаннъ въ келліи напѣвалъ означенный составленный тропарь. Когда же старецъ подошелъ совнѣ и услышалъ этотъ умилительный напѣвъ,—съ великимъ гнѣвомъ говорилъ Іоанну: «такъ ли ты предалъ забвенію коренные свои обѣты и, вмѣсто того, чтобы плакать и сѣтовать, сидишь въ радости и веселіи, распѣвая пѣсни?» Онъ же, сказавъ старцу причину и указавши на скорбь просившаго составить, палъ на землю лицемъ и просилъ прощенія. Но старецъ стоялъ какъ нѣкій камень или наковальня, нисколько не снисходя просящему, и такимъ образомъ изгоняетъ его изъ келліи, чтобы больше не жить съ нимъ. Чудный же сей мужъ тотчасъ привелъ на умъ преслушаніе прародителей, изгнанныхъ ради его изъ рая. И не зная уже, что сдѣлать, или куда обратиться, рыдалъ и плакалъ гораздо болѣе того, который лишился своего брата, и такъ говорилъ и вѣщалъ къ самому себѣ: онъ лишился брата своего, а я погубилъ душу свою преслушаніемъ. Наконецъ, онъ идетъ къ другимъ старцамъ, которыхъ онъ зналъ болѣе другихъ преуспѣвшими въ добродѣтели, и проситъ ихъ ходатайства передъ старцемъ, чтобы умолить и склонить его, не смягчится ли онъ и не проститъ ли Іоанну согрѣшенія. Итакъ, они пошли и умоляли его; но онъ, какъ статуя, нисколько не трогался ихъ мольбами и не дозволялъ ученику возвратиться въ келлію.

Тогда одинъ изъ этихъ иноковъ сказалъ ему на это: ты можешь наложить что нибудь на согрѣшившаго, а не лишать сожительства съ тобою. Упрашиваемый же отвѣчалъ: я налагаю слѣдующую эпитимію: если онъ желаетъ, чтобы ему прощено было согрѣшеніе преслушанія его, пусть онъ обойдетъ всю околицу лавры и самъ лично очиститъ въ иноческихъ келліяхъ мѣста для нечистотъ. Они же, услышавъ это, весьма пристыжены были отвѣтомъ и смущены, и вышли съ печалію, удивляясь непреклонному и суровому нраву старца. Іоаннъ, встрѣтивъ ихъ и воздавъ обычное поклоненіе, спрашивалъ о томъ, что отвѣтилъ его отецъ. Они же отвѣчали, что удивляются жестокости и суровости старца, и стыдились передать ему отвѣтъ его. Но онъ усильно просилъ ихъ, чтобы они передали ему этотъ отвѣтъ. Наконецъ, они съ прискорбіемъ сказали ему объ ономъ срамномъ очищеніи. Онъ же, когда услышалъ это, то, вопреки ихъ всякому ожиданію, весьма возрадовался: весьма легко это будетъ для меня, — сказалъ онъ, — и съ великимъ удовольствіемъ. Итакъ, онъ уходитъ тотчасъ и, выпросивъ и получивъ сосуды и орудія для очистки, приходитъ къ келліи одного изъ живущихъ по сосѣдству съ его старцемъ и, вошедши въ нее, начинаетъ осквернять тѣ руки, которыя прежде натирались ароматами, и укрѣпленную Христомъ десницу, — но великое смиреніе мужа мараетъ въ нечистотѣ и калѣ!

Какъ только услышалъ старецъ о такомъ усердіи Іоанна къ послушанію и его искреннемъ и глубокомъ и высокомъ терпѣніи, притекши заключилъ его въ свои объятія, бросился на шею, обнималъ его, цѣловалъ руки, цѣловалъ глаза, кланялся и цѣловалъ плечи. «О, какого, восклицалъ онъ, подвижника блаженнаго послушанія я родилъ во Христѣ!» Іоаннъ же еще больше, слыша сіи слова старца, палъ на землю ницъ и какъ бы предъ Богомъ простерся, омочая слезами лице свое; ибо онъ не возгордился и не превознесся человѣческими словами и не надмевался отъ обильныхъ похвалъ старца, но еще болѣе смирялся и духъ его еще болѣе сокрушался. Таковы, знаю, что люди искусные разумомъ, смиряются отъ похвалы и сокрушаются отъ вѣдѣнія, относя все это къ Господу. Между тѣмъ отецъ поднимаетъ сына съ земли и, взявъ за руку, съ радостію отходитъ въ свою келлію. Можно было подумать, увидѣвъ Іоанна, что нынѣ снова возвращается въ рай сладости тотъ, кто прежде считалъ себя ради преслушанія древнимъ Адамомъ, а теперь опять ради крайняго послушанія представлялъ въ себѣ новый образъ Христа.

Немного спустя является во снѣ Іоаннову старцу всесвятая и всенепорочная Владычица міра и говоритъ: зачѣмъ ты заградилъ источникъ, источающій такую сладкую воду, такую пріятную, такую обильную, богатую и медоточивую воду, успокоительную жаждущихъ воду, высшую той воды, которая чудесно истекла изъ камня въ пустынѣ, воду, которую желалъ пить Давидъ, воду, которую Христосъ обѣщалъ Самарянкѣ? Предоставь выходить источнику и течь! ибо онъ потечетъ весьма обильно, не оскудѣетъ и обтечетъ всю вселенную и великимъ наводненіемъ покроетъ моря ересей и превратитъ ихъ въ млечную сладость. Пусть загражденіе съ посвѣщностію идутъ къ водѣ, и тѣ, которые не имѣютъ серебра чистой жизни, пусть продадутъ свои пристрастія и купятъ у Іоанна всякую свѣтлѣйшую и совершенную чистоту въ догматахъ и дѣлахъ. Онъ возметъ пророческія гусли и Давидову псалтирь и воспоетъ новыя пѣсни Господу Богу; онъ превзойдетъ Моисееву пѣснь своими припѣваніи и ликованіи Маріами; баснями сочтутся и назовутся ненужныя и безполезныя Орфеевы пѣснопѣнія. Ибо онъ воспоетъ духовную и небесную пѣснь. Онъ будетъ подражать Херувимскимъ пѣснямъ и сдѣлаетъ всѣхъ дщерей небеснаго Іерусалима отроковицъ тимпанницами, которыя воспоютъ пѣснь Господу Богу, прославляя смерть и воскресеніе Христа. Онъ изложитъ правильно догматы вѣры и обличитъ извилистую кривизну всякой ереси. И сердце его отрыгнетъ благія слова и повѣдаетъ предивныя дѣла Царевы.

Поутру призываетъ Іоанна старецъ, получившій такое откровеніе, и говоритъ: „о чадо послушанія Христова! отверзи уста свои, чтобы воспріять духъ, или лучше — дохни чрезъ уста свои тѣмъ духомъ, который ты воспріялъ сердцемъ своимъ. Ибо уста твои возглаголютъ премудрость, поелику ты имѣешь въ своемъ сердцѣ поученіе многоопытнаго разума. Отверзи уста свои, но не въ притчахъ, а въ истинѣ, и не въ гаданіяхъ, а въ догматахъ. Возглаголи въ уши Іерусалима, видящаго Бога умиротворенной церкви своей, слова не суетныя и разливающіяся въ воздухѣ, но тѣ, которыя написалъ Духъ Святый на сердцѣ твоемъ. Ты взошелъ на синайскую гору видѣній и божественныхъ откровеній, хотя и смирилъ себя до самой бездны глубокаго смиренія. Нынѣ же взойди наконецъ на гору церковную и проповѣдай благовѣстіе Іерусалиму; съ крѣпостію возвыси голосъ; ибо преславное изглаголано было о тебѣ Богоматерію. Меня же извини и прости за то, что я былъ для тебя препятствіемъ, ибо я по невѣдѣнію это сдѣлалъ!"

Итакъ, Іоаннъ положилъ съ этого дня начало божественнымъ пѣснямъ, воспѣлъ тѣ медоточивыя пѣснопѣнія;

которыя и церковь украсили, и устроили, мѣсто вселенія славы Божіей, гдѣ слышится чистый голосъ празднующихъ. Но онъ написалъ не только это, но и слова на нарочитые праздники, и составилъ священную книгу, какъ бы богоначертанную, такъ сказать, скрижаль, къ немалому утѣшенію всѣхъ ученыхъ и неученыхъ, какъ бы дверь, ведущую къ таинствамъ богословія и другихъ догматовъ истинныя вѣры и сокращеннаго познанія и изученія того, что подлежитъ или разсудку, или чувству. Эту книгу я назвалъ бы небомъ, которая какъ бы звѣздами сіяетъ истинными доказательствами, заимствованными изъ природы и изъ писанія, и много содѣйствующими знанію. И кто не взираетъ на сіе небо, не услаждается его красотою и не получаетъ отсюда свѣта, — тотъ или слѣпъ, или окруженъ тьмою, и я смѣло назвалъ бы несчастнымъ того, кто препятствуетъ къ сему божественному свѣту. Кромѣ того, Іоаннъ написалъ также пространныя книги о достохвальномъ почитаніи божественныхъ честныхъ иконъ. И поелику самъ онъ отобразилъ въ себѣ величественную красоту начертаннаго въ немъ первоначально божественнаго образа, то тѣмъ возвышеннѣе и краснорѣчивѣе написалъ о почитаніи иконъ.

Въ этихъ трудахъ онъ имѣлъ помощникомъ, по братской любви, того, кого получилъ отъ божественнаго Духа за брата, то-есть Косьму, онаго преизящнаго, который былъ соучастникомъ его краснорѣчія, и воспитанія, и обученія, и постничества. И онъ остроумно подражалъ Іоанну въ трудахъ по составленію духовныхъ пѣснопѣній, и воспѣлъ гуслями и голосомъ сладкія пѣсни церкви, умерщвленіемъ страстей содѣлавши свое тѣло какъ бы тимпаномъ Богу и сотворивъ всего себя какъ бы десятострунною псалтирію, съ большимъ искусствомъ и благоразуміемъ натянувши пятеричное тѣлесное чувство и столько по числу душевныхъ способностей. Наконецъ, Косьма рукополагается патріархомъ Іерусалимскимъ во епископа Маіумскаго города, не добровольно и охотно, но былъ принужденъ къ тому, хорошо управлялъ своею частію, чтобы сдѣлать ее угодною Богу, и онъ уже достигши глубокой старости отошелъ къ отцамъ своимъ, лучше — къ Господу.

Между тѣмъ тотъ же предстоятель Іерусалимской Церкви, по внушенію свыше, призвалъ Іоанна и рукоположилъ его пресвитеромъ, чтобы онъ прославлялъ Бога. Онъ же, возвратившись въ уединеніе въ лавру богоноснаго Саввы, и вошедши, такъ сказать, въ гнѣздо свое этотъ высокопарный орелъ, не принялъ во вниманіе сего изреченія Соломонова, что *пресвитеры сугубой чести да сподобляются*, но придавая сему иной смыслъ и обращая противъ себя самаго, говорилъ, что пресвитерамъ нужно имѣть вдвое больше смиренія, чѣмъ прежде, и вдвое больше прежняго предаваться постничеству. Пресвитеры должны предпринимать сугубые подвиги не только противъ тѣлесныхъ страстей, но и противъ душевныхъ тайныхъ, особенно тѣ, которые не имѣютъ занятій, хотя бы были и весьма благоразумны, такъ что внутренній ихъ человѣкъ оскверняется, а они не чувствуютъ этого. Сіи страсти суть лесть, зависть, самомнѣніе, скрытая гордость, тщеславіе подъ видомъ смиренія, любопытство къ чужимъ дѣламъ, изъ-за котораго причиняется языку великое зло, превозношеніе души, лукавство нрава, тщеславіе подъ видомъ тѣлеснаго смиренія, воздержаніе вмѣстѣ съ сладострастіемъ, слѣдованіе своей волѣ, пристрастіе къ презрѣнному прибытку, изысканное сверхъ должнаго одѣяніе, отсюда раздоръ съ братіей и сокровенная приманка гордости.

Эти пороки Іоаннъ постарался съ корнемъ вырвать изъ своей души, и приложилъ труды къ трудамъ, особенно же душевные, и совершенно сосредоточивъ въ себѣ умъ, собравши книги, которыя прежде написалъ, пересматривалъ ихъ, украшая, усовершая и улучшая, тщательно исправляя выраженія, мысль, порядокъ, построеніе, и тамъ, гдѣ развѣтвлялась чрезмѣрная изящность, какъ бы доходившая до роскоши, тамъ онъ возводилъ ее мудрымъ умомъ къ важности, дабы его книги не заключали въ себѣ ничего, написаннаго на показъ, ничего легкаго. И подлинно, кто вникнетъ съ размышленіемъ въ творенія сего мужа, тотъ увидитъ высоту боговѣдѣнія и важную красоту рѣчи. Нынѣ же кто не удивится ревности о благочестіи въ его бесѣдахъ и той щедрости, съ какою онъ раздавалъ всѣмъ богатство своей мудрости? Ибо и полученный имъ талантъ ума онъ умножилъ не вдвое, но въ десять разъ: боюсь доводить до большаго числа, чтобы не показаться переступившимъ евангельскіе предѣлы; ибо не хорошо говорить то, что превышаетъ мѣру.

Божественная его ревность побудила его и къ тому, что, ратуя за божественные уставы, онъ сначала изъ Дамаска, потомъ изъ Палестины нападалъ на постыдныхъ гонителей честныхъ иконъ въ самомъ Константинополѣ. Посему и питомецъ сего великаго города, соименный первомученику, и какъ сей за Христа, такъ и тотъ за Его икону побіенный камнями и мученической ради кончины взошедшій на небо, когда вспоминаетъ о сочиненіяхъ Іоанна, написанныхъ имъ противъ нечестивыхъ, то ради этого нападенія издалека на нечестивыхъ, называетъ его святымъ и богоноснымъ мужемъ. Ибо, хотя онъ и никогда не былъ помазанъ епископскимъ помазаніемъ,—ибо нельзя скрывать истины,—однако долженъ быть считаемъ какъ бы увѣнчавшій свое чело вѣнцомъ мученичества; ибо за чрезвычайную его ревность по благочестію выдумана была противъ благочестиваго мужа клевета, за которую ему отсѣчена была рука.

Такъ поживши и такъ окончивши теченіе подвига, соблюдши вѣру и особенно распространивъ ее сочиненіями и изъяснивъ догматами, такъ что она и до настоящаго времени непоколебима въ своихъ основаніяхъ, ограждена и защищена, онъ поспѣшилъ къ возлюбленному своему Христу, и нынѣ не на иконѣ его видитъ и не во внѣшнемъ образѣ покланяется, но взираетъ на него лицемъ къ лицу, открытымъ лицемъ созерцая славу блаженныя Троицы. За все это подобало намъ сего поборника благочестія, постника, украсителя церкви, вождя истины, сего совершенно единственнаго въ подвигахъ, упражненіяхъ и ученіи мужа, учителя невѣдущихъ, наставника грубыхъ, украсить, по нашей возможности, наибольшими похвалами,—не для того, чтобы воздать ему столь малую славу, но для того, чтобы и онъ взаимно помянулъ насъ на небесахъ, и чтобы мы, живя еще на землѣ, исполнились небесной его славы, о которой Давидъ свидѣтельствуетъ, что она находится *внутрь дщере царевы*, то-есть внутрь царственной души, когда ясно говоритъ: *вся слава дщере царевы внутрь* (Псал. 44, 14).

Прости же мнѣ, треблаженный, и будь мнѣ горячимъ и постояннымъ ходатаемъ предъ Богомъ за то, что я, соименный тебѣ, получивъ этотъ преславный памятникъ твоихъ добродѣтелей, написанный другимъ человѣкомъ сколько возможно безыскуственно, арабскимъ языкомъ и письменами, старался обратить въ сію рѣчь на память потомкамъ, побуждаемый къ тому какъ любовію къ тебѣ, такъ и явленіями твоими, и особенно,—если можно такъ сказать,—твоими повелѣніями; сотвори и меня поклонникомъ Троицы, непричастнымъ веществу, духовнымъ, совершенно свободнымъ отъ тѣла, всецѣло погруженнымъ въ богосозерцаніе, всецѣло посвященнымъ на всесожженіе божественной любви, хотя я нынѣ еще и живу въ семъ тѣлѣ, дабы, отрѣшившись отъ него безъ чувства скорби, я съ несомнѣнной надеждой предстоялъ вмѣстѣ съ тобой Богу, Которому слава, держава, честь, поклоненіе, велелѣпіе съ безсмертнымъ Отцемъ и всесвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ нынѣ и всегда и въ безконечные вѣки. Аминь.

Святаго священномученика Ипполита о седмидесятехъ апостолѣхъ [1]).

Матѳей, одинъ изъ семидесяти, по вознесеніи Господнемъ причтенъ былъ къ одиннадцати апостоламъ. Онъ проповѣдывалъ евангеліе въ верхней Еѳіопіи, подвергнутъ былъ многимъ мученіямъ и предалъ духъ Богу всѣхъ. Іаковъ братъ Божій, епископъ Іерусалимскій; Клеопа, епископъ Іерусалимскій; Матѳей, восполнившій число дванадесяти учениковъ; Ѳаддей, принесшій посланіе Авгарю; Ананія, крестившій Павла, епископъ Дамаска; Стефанъ, первомученикъ; Филиппъ, крестившій евнуха (Дѣян. 8, 27 и сл.), который первый изъ язычниковъ увѣровалъ, съ дочерьми своими; Прохоръ, епископъ Никомидійскій; Никаноръ, умершій тогда, когда мученъ былъ Стефанъ (Дѣян. 8, 1); Тимонъ, епископъ Боцрскій; Парменъ, епископъ Солунскій; Никола, епископъ Самарійскій; Марко евангелистъ, епископъ Александрійскій; Варнава, епископъ Медіоланскій; Лука евангелистъ. Сіи два евангелиста изъ числа семидесяти пошли на проповѣдь. О нихъ сказалъ Господь: *аще не снѣсте плоти сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53). И тотъ Петромъ, а этотъ Павломъ обращены были ко Господу, которымъ и сподоблены благовѣствовать, за котораго и претерпѣли мученія: одинъ сожженъ былъ на огнѣ, а другой распятъ на масличномъ деревѣ. Сила, епископъ Коринѳскій; Силуанъ Солунскій; Прискъ, епископъ Кархидонскій въ Галлахъ; Епенетъ, епископъ Карѳагенскій; Андроникъ, епископъ Паннонскій; Амплій, епископъ Одиссоса; Урванъ, епископъ Македоніи; Стахій, епископъ Византіи; Варнава, епископъ Ираклійскій; Фигеллъ, епископъ Ефесскій, державшійся ереси Симона; Ермогенъ, бывшій единомышленникомъ его; Димасъ, бывшій потомъ идольскимъ жрецомъ; Апеллій, епископъ Смирнскій; Аристовулъ, епископъ Британскій; Наркиссъ, епископъ Аѳинскій; Иродіонъ, епископъ Тарсійскій; Агавъ, онъ же и пророкъ (Дѣян. 21, 10—11); Руфъ, епископъ Ѳивскій; Асигкритъ, епископъ Ирканіи; Флегонтъ, епископъ Далматійскій; Патровъ, епископъ Потіольскій; Ермій, епископъ Филиппопольскій; Линъ, епископъ Римскій; Филологъ, епископъ Синопскій; Иродіонъ, пострадавшій вмѣстѣ съ Павломъ въ Римѣ; Лукій, епископъ Лаодикіи Сирской; Іасонъ, епископъ Тарсійскій; Сосипатръ, епископъ Иконійскій; Тертій, епископъ Иконійскій; Ерастъ, епископъ Панеадскій; Куартъ, епископъ Беритскій, Аполлосъ, епископъ Кесарійскій; Сосѳенъ, епископъ Колофонскій; Епафродитъ Адріанскій; Кесарь, епископъ Адріанскій; Марко, племянникъ Варнавы, епископъ Аполлоніадскій; Іустъ, епископъ Евферопольскій; Артема, епископъ Листрійскій; Климъ, епископъ Сардійскій; Онисифоръ, епископъ Колофонскій; Тихикъ, епископъ Халкидонскій; Карпъ, епископъ Берріи Ѳракійской; Еводъ, епископъ Антіохійскій; Аристархъ, епископъ Апаміи Сирской; Маркъ, онъ же и Іоаннъ (Дѣян. 12, 25), епископъ Библопольскій; Филимонъ, епископъ Газскій; Зина, епископъ Діоспольскій; Пудъ и Трофимъ, мученные съ Павломъ въ Римѣ; Титъ, епископъ Критскій; Онисифоръ, епископъ Колофонскій; Аполлосъ, епископъ Коринѳскій; Архиппъ, епископъ Газскій. О нихъ нѣкоторые недоумѣваютъ и говорятъ: «отъ кого крестились апостолы? И если не были крещены, то какъ могли крестить?» Спрашиваютъ: «отъ кого они получили священство, поставляя епископовъ? если не были поставлены, то какъ они могли поставлять?» И объ этомъ мы нашли въ трудолюбивыхъ твореніяхъ Святаго Софронія, и весьма многое другое, достойное слова и памяти; именно, что Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ крестилъ своими руками только святаго Петра; Петръ же Андрея, Андрей Іакова и Іоанна, Іоаннъ же и Іаковъ всѣхъ прочихъ апостоловъ. Тотъ же Софроній передаетъ и о томъ, что пренепорочную Владычицу нашу Богородицу и матерь жизни нашея крестилъ святый Петръ со святымъ евангелистомъ Іоанномъ.

---

[1]) Рукоп. преп. Іова, л. 3. Конецъ сказанія, въ русскомъ переводѣ, восполненъ изъ твореній Св. Софронія, патріарха Іерусалимскаго.

Святаго Іоанна Златоустаго слово (на Богоявленіе) о святомъ спасеномъ крещеніи, и о искушеніи, и о разбойницѣ, на аріаны, и что разумѣется званъ, и въ нѣкая реченія апостолова [1]).

Какъ солнце для тѣлъ, такъ писаніе необходимо для души. И какъ между тѣлами бываетъ большая разница, такъ и многоразличныя твари имѣютъ различныя качества. Ибо есть и камень, и желѣзо, и дерево, и человѣкъ, и безсловесное, и источникъ, и гора. Итакъ много видимыхъ тварей и различныхъ, но, если не свѣтитъ солнце, то онѣ не различаются, но лежатъ предъ нами, передъ глазами нашими, и желѣзо, и мѣдь, и олово, и золото, и серебро: если солнце не озаритъ ихъ лучами, то не различается внѣшній видъ, хотя мы и смотримъ на это, ибо не знаемъ, на что смотримъ ночью, такъ какъ недоступно бываетъ ихъ достоинство для нашего зрѣнія; и потребны день, солнце и свѣтъ для того, чтобы мы узнали разницу ихъ природы и то, что такое каждое изъ нихъ. Точно такъ и въ божественномъ писаніи много находится такого, что мы должны знать, и потому намъ нужны и тамошніе лучи, чтобы мы познали, что такое смерть, жизнь, тѣло, душа, нетлѣніе, безсмертіе, воскресеніе, богатство, нищета, благоденствіе, настоящее, будущее? И поелику таково многообразіе писанія, то надлежитъ намъ узнать, что мы были, зачѣмъ явились въ міръ и куда отходимъ, какое насъ ожидаетъ воздаяніе, что такое человѣкъ, что такое безсловесное? ибо не общедоступно разумѣніе сего: о чемъ я говорилъ вчера, о томъ говорю и нынѣ. И многіе изъ людей не суть люди: такихъ писаніе называетъ волками и хищниками; называетъ ослами несмысленными; называетъ псами безстыдными; называетъ іудеевъ зміями, порожденіями ехидны; ибо, перенявши ихъ лукавство, они наслѣдовали и ихъ имена. Посему и писаніе говоритъ: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. 48, 13). Ибо, когда онъ хищничаетъ, то становится волкомъ; когда безстыдствуетъ, становится псомъ; когда обнаруживаетъ безсмысліе, становится осломъ; когда имѣетъ лесть, дѣлается зміемъ. Ибо Іоаннъ такъ сказалъ: *рожденія ехиднова, кто сказа вамъ бѣжати отъ будущаго гнѣва* (Матѳ. 3, 7)? и еще другой: *пси объюродени, не могуще лаяти;* и еще другой—*сѣде въ пустыни яко врана опустѣвши;* и еще другой—*кони женонеистовни сотворишася, кійждо къ женѣ искренняго своего ржаще* (Іерем. 5, 8). И поелику одинъ добровольно сдѣлался псомъ, другой волкомъ, иной змѣемъ, иной же осломъ, то посему и сказано: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ.* Не говори мнѣ, что такой-то есть человѣкъ! ибо не достаточно имѣть хорошій видъ человѣка, но нужно имѣть и плодъ человѣка. Ибо и деревья мы различаемъ такимъ же образомъ: есть обыкновенная маслина и есть дикая маслина, сходныя по виду, но различныя по существу; есть роза и есть шиповникъ, сходные на видъ, но различные по существу; есть плевелъ и есть пшеница, опять имѣющіе одинъ видъ, но различную природу; есть человѣкъ и есть безсловесное, но одинъ изъ нихъ—человѣкъ, а другой дошелъ до состоянія безсловесныхъ. Итакъ, постараемся, возлюбленные, быть людьми. Ибо писаніе, восхваляя Іова и представляя его образъ, не для того, чтобы смѣшать свойства добродѣтели, но чтобы приготовить лекарство добродѣтели, сказало: *и бѣ человѣкъ*, т. е. не погубилъ первообраза, не растлилъ царственнаго образа, какимъ созданъ былъ, такимъ и остался: созданъ былъ человѣкомъ, и остался человѣкомъ, первоначальною оною добротою; поэтому и Адамъ затемнилъ образъ, не оставшись человѣкомъ. Внимательно слушай слово: созданъ былъ Адамъ человѣкомъ, но не остался человѣкомъ, предавши грѣху благородство своей природы; созданъ былъ Даніилъ и остался человѣкомъ. Откуда это видно? отъ звѣрей: И будетъ,—сказано,—страхъ и трепетъ вашъ на всѣхъ звѣряхъ земныхъ. Это былъ царскій законъ, но его измѣнилъ другой законъ; поелику человѣкъ оказалъ преслушаніе, то Богъ отнялъ и почесть. Не говорилъ ли я тебѣ, чтобы ты не ѣлъ отъ древа,—и ты ѣлъ; ты сотворилъ грѣхъ, и отнята у тебя почесть, и вслѣдствіе этого стали страшны человѣку безсловесныя. Но Даніилъ не таковъ былъ, и потому въ удостовѣреніе сего онъ сошелъ въ ровъ ко львамъ, и звѣри не коснулись тѣла его; ибо эти звѣри увидѣли непорочный царственный образъ, видъ, бывшій въ раю, когда они боялись человѣка и трепетали, и сказали: это тотъ самый, который прежде былъ человѣкомъ, не можемъ коснуться тѣла его. Ибо какъ царскій образъ, будучи покрытъ копотью, остается въ неизвѣстности и въ пренебреженіи, но если кто очиститъ его, то онъ снова обнаруживаетъ свое убранство и видъ: такъ и здѣсь, затмилъ этотъ образъ Адамъ, а Даніилъ очистилъ; его увидѣли оные звѣри и убоялись. Объ этомъ я говорю и говорить не перестану. Итакъ, то имя, которое далъ Богъ, пусть остается неизмѣннымъ. Для чего же онъ, будучи Богомъ, содѣлался человѣкомъ? для того, чтобы мы восприняли прежній образъ, или лучше, не тотъ самый, но гораздо лучшій. Ибо что мы потеряли? потеряли рай и обрѣли небо. Что особенно дѣлаетъ человѣкомъ? чтеніе писанія: оно исправляетъ, оно измѣняетъ, оно очищаетъ согрѣшеніе; излишнее отсѣкаетъ; недостающее восполняетъ. Итакъ, внимательно читай писаніе, и если ты—не человѣкъ, то сдѣлаешься человѣкомъ, и если ты—волкъ, то станешь человѣкомъ и получишь первоначальное свое благородство. Чтеніе писанія есть многоразличное и спасительное лекарство. И поелику такъ велика польза отъ чтенія писанія, то посему мы предложимъ сегодня остатки того, что сказано нами вчера. Вы знаете, что мы предложили многое, но не все разрѣшили. Ибо земледѣлецъ сѣетъ не всѣ сѣмена, сколько ихъ имѣетъ, но столько, сколько можетъ принять нива, дабы множествомъ посѣяннаго не помѣшать произрастанію. Такъ и я не столько приготовляюсь сказать, сколько могу сказать, но сколько можетъ воспринять разумная нива, дабы множествомъ сказаннаго не повредить желанію слушателей.

---

[1]) Заглавіе—въ рукописи преп. Іова на листѣ 100. Слово не принадлежитъ Златоустому. Переводъ сдѣланъ съ славянскаго текста въ «Маргаритѣ», Московской печати 1764 года.

Итакъ, что же вчера сказано было? Начало посланія, а вѣрнѣе—не начало, но одно только выраженіе *званъ* (Римл. 1, 1), и оно насъ вринуло въ ровъ, и мы не подверглись потопленію; ибо, хотя нѣсколько и волновало, но за то великое богатство; хотя и одно выраженіе, но источило бездну разумѣнія. Оно показало намъ, что такое—*званъ*, и какое благо получилъ пришедшій ко Христу. Ибо и чудеса не могли его склонить, но онъ оставался гнѣвнымъ, нечувствительнымъ, гонителемъ, преслѣдователемъ. Впослѣдствіи же призваніе сдѣлало его изъ волка овцей и потомъ пастыремъ, изъ хульника апостоломъ, изъ гонителя благовѣстникомъ. Мы сказали вамъ, возлюбленные, чего ради Христосъ сошелъ къ рабу, Владыка къ слугѣ, Богъ къ человѣку. Ибо, поелику онъ никому другому не повиновался, то сошелъ Самъ, чтобы возвести его, и говоритъ—*Савле, Савле, что мя гониши* (Дѣян. 9, 4)? подражая Отцу своему, Который говоритъ: *людіе мои, что сотворихъ вамъ, или чимъ васъ оскорбихъ, или чимъ смутихъ вы? отвѣщайте ми.* Итакъ онъ уловилъ сѣтью оную дивную великую рыбу, которая обтекла мірское море; такъ что вмѣсто рыбы сталъ ловцомъ; ибо онъ, будучи уловленъ, уловилъ вселенную, и устрѣленъ не для того, чтобы умереть, но чтобы мертвому ожить; *ибо стрѣлы сильнаго изощрены.* О стрѣла, уязвившая естество! ибо зажила язва и произвела спасительное врачевство, лежалъ на землѣ и воздвигъ вселенную; онъ одинъ ослѣпъ, и вселенная прозрѣла даже до настоящаго времени. *Савле, Савле, что мя гониши?* Что же онъ? *Кто еси Господи?* исповѣдалъ владычество. *Господь же рече: азъ есмь Іисусъ, егоже ты гониши* (Дѣян. 9, 5). Этимъ мы окончили рѣчь. Какое же сегодня начнемъ изъяснять другое начало его посланій? ибо не безъ намѣренія и не напрасно Павелъ заботится о наименованіи посланій. Итакъ, какое другое посланіе? *Павелъ апостолъ, ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но Іисусъ Христомъ* (Галат. 1, 1). Итакъ, почему онъ въ самомъ началѣ вызываетъ на состязаніе? Говоря такъ—*ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ*, апостолъ Павелъ, по видимому, вооружается противъ тѣхъ, которые говорили, что онъ—отъ человѣкъ. Ибо намъ нужно обратиться къ другой повѣсти, направивъ рѣчь къ начальному пункту; но пусть никто да не ослабѣваетъ и не утомляется, и слушатель и бѣдный да не остается безъ наставленія. Я сокровище раскапываю: мой трудъ, а ваше богатство. Если вы заботитесь объ имѣніи, то тѣмъ болѣе должны о разумѣніи; объ имуществѣ всю седмицу, о разумѣніи же, въ которомъ спасеніе души, по крайней мѣрѣ два дня. Зачѣмъ накопляешь имущество, гнусный родъ? Если обогащаешься имѣніемъ, то какая въ томъ польза? если же научишься разумѣнію, то, хотя бы ты и бѣденъ былъ, ты богаче князей и самихъ царей. Какая же польза отъ богатства, если богатство не можетъ равняться съ разумѣніемъ? Наша природа раздѣляется на тѣло и душу: душа—владычица, а плоть—раба; ты шесть дней отдаешь рабѣ, и ни одного дня всецѣло госпожѣ. Ты трудишься, чтобы пропитать тѣло; послушай же со вниманіемъ и слова Божія, чтобы напитать душу! тамъ трудъ, здѣсь легкость; тамъ утомленіе, здѣсь успѣхъ; питается тѣло, питается и душа. *Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изо устъ Божіихъ* (Маѳ. 4, 4). Алчетъ тѣло, алчетъ и душа, потому и сказано: не гладъ хлѣба, не жажда воды, но *гладъ еже не слышати словесе Господня*. Итакъ, не принимай на себя добровольно ниспосланнаго Богомъ мученія, когда предстоятъ тебѣ и голодъ, и трапеза. Это я говорю объ отсутствующихъ; ибо, если не наполнится Церковь, я не чувствую насыщенія. Если и одна останется овца, я скорблю и соболѣзную, подражая оному пастырю, который оставилъ 99 овецъ и пошелъ за одной заблудившейся, и говорю по воскресеньямъ поученія: для того и освобожденіе отъ тѣлесныхъ трудовъ, чтобы совершалось упражненіе въ духовныхъ.

Павелъ апостолъ, ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но Іисусъ Христомъ и Богомъ отцемъ, воскресившимъ Его изъ мертвыхъ (Галат. 1, 1). Начало исполнено великаго гнѣва и большаго неудовольствія. Нисколько для насъ не трудно узнать изъ этихъ словъ и убѣдиться, почему здѣсь другое начало. Ибо Христосъ закланъ былъ, и претерпѣлъ смерть, безсмертіе намъ даровавъ, и воскресъ изъ гроба, даровалъ жизнь, и возшелъ на небеса, и начатокъ намъ показалъ Отцу и сказалъ: «отче благій и праведный! Эти люди, одаренные безчисленными благами, исполнены всѣхъ золъ». Итакъ Онъ обвиняетъ естество. Его обвиняли и всѣ пророки: *слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола: Сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася Мене* (Иса. 1, 2). И *нѣсть разумѣваяй, ни взыскаяй Бога: вси уклонишася, вкупѣ неключими быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго* (Псал. 13, 2—3). Другой: *клятва, и лжа, и убійство, и татьба, и любодѣяніе разлiяся по земли, и кровь съ кровми мѣшаютъ* (Осія 4, 2). Иной: *Господи, олтари твоя раскопаша, и пророки твоя избиша оружіемъ, и остахъ азъ единъ, и ищутъ души моея изъяти ю* (3 Цар. 19, 14). Другой: *оскудѣ олово, вотще сребробитель, сребро біа, лукавство* *ихъ истаяніе*. Богъ свыше: *оставихъ домъ мой, отринухъ наслѣдіе Мое, дахъ возлюбленную мою въ руки враговъ ея*. Другой: *аще измѣнитъ муринъ кожу свою, и рысь пестроты своя, и вы можете благотворити, научившеся злу* (Iерем. 13, 23). Одинъ обвинялъ въ татьбѣ, другой въ прелюбодѣяніи, иной въ убійствѣ, иной въ нечистотѣ, иной въ неисправимости. Стоялъ законъ, слыша это и не помогая; ибо онъ указывалъ предметы, устраняющіе ученіе діавола, и говорилъ: «помогаю». Что же онъ говорилъ? ибо какъ дядька, сидя внѣ арены, онъ смотрѣлъ на борьбу грѣха съ родомъ человѣческимъ и говорилъ человѣку — *не убій*, говорилъ ему — *не прелюбы сотвори*. Нѣтъ, ты войди внутрь, помоги; зачѣмъ сидишь внѣ? — Не могу. — Почему? — Я — законъ, а не законодавецъ; я — буква, а не духъ, — не могу дать помощи. Почему? потому что *писмя убиваетъ, духъ же животворитъ*. — Если ты не можешь, то мы пророки что можемъ дать? мы не обвиняемъ, а только поучаемъ, — что такое грѣхъ? и что страшенъ діаволъ и свирѣпъ; имѣя при себѣ, какъ нѣкій грозный властелинъ, вмѣстѣ палача грѣхъ, а смерть слѣдовала за нимъ, посѣкая всѣхъ, входила и всѣхъ одолѣвала, человѣкъ побѣждался, усиливался побѣдить и недоумѣвалъ, что будетъ. Законъ изнемогалъ; пророки предлагаютъ только совѣты; грѣхъ силенъ, діаволъ страшенъ, наступающая на насъ смерть свирѣпа. Что же будетъ? Сошелъ архангелъ, сошелъ ангелъ, бесѣдовалъ съ ними, бесѣдовалъ и не имѣлъ никакого успѣха; законъ не имѣлъ никаго успѣха; море раздѣлилось, но злоба ихъ не уничтожилась; волхвы встрепенулись, но злоба ихъ не разрушилась; стихіи измѣнились, а нечестіе ихъ не измѣнилось; стихіи служили имъ, но они продолжали неистовствовать; войны прекращались, а грѣхъ не прекращался; города враговъ сами собой падали, а лукавство ихъ не уменьшалось. Что же наконецъ будетъ? Нужно творца, нужно Создателя. Испортился сосудъ, и никто его не исправляетъ; нужно наконецъ мастера. Ты стоишь, побѣждаешь,—и что же? удаляется побѣждаемый. Ты творишь чудеса,—и что же? не умаляется ихъ злоба. Пріиди ты самъ; ибо нуженъ мастеръ, не для того только, чтобы пришелъ онъ, но чтобы и сосудъ былъ такимъ, какимъ Онъ сотворилъ его сначала. И обрати вниманіе на премудрость мастера, который не только приходитъ, но и самъ воспріемлетъ этотъ сосудъ! Ибо прежде законъ говорилъ—*не убій* (съ вниманіемъ слушай слово, ибо я сообщаю глубокую мысль!). Законъ говорилъ—*не убій*, и сердце и разумъ человѣка утверждаютъ, что законъ хорошо говоритъ. Законъ говорилъ—*не прелюбы сотвори*; разумъ слушателя одобрялъ сказанное, но не дѣлалось такъ, какъ сказано: человѣкъ одобрялъ, но не исполнялъ, разумомъ одобрялъ, а грѣхомъ дѣлалъ, противоборствовалъ: и происходила битва, и сраженіе, и зрѣлище. Разумъ говорилъ: «хорошо говоритъ законъ». Но человѣкъ, смотря на красивую женщину, колебался въ борьбѣ между заповѣдію, обуздывающею его пожеланіе, и грѣхомъ, распаляющимъ это пожеланіе, и поддавался грѣху, такъ что нужно наконецъ самого художника, самого Создателя. Смотри, какъ Павелъ изображаетъ сію борьбу: *соуслаждаюся закону Божію по внутреннему человѣку*, то-есть по своему помыслу, соуслаждаюся, когда законъ говоритъ—*не убій; вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ противу воюющь закону ума моего*. Какой же это? законъ пожеланія; *плѣняющь мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ* (Римл. 7, 22—23). Умоляю, внимай тщательно! Душа говоритъ—*не прелюбы сотвори*, пожеланіе говоритъ—«прелюбы сотвори»; душа томится, разумъ не преодолѣваетъ, но пожеланіе одерживаетъ верхъ, увлекаетъ меня, терзаетъ меня. *Окаяненъ азъ человѣкъ!* Это—слова прельщаемаго, прельщаемаго и не имѣющаго помощи. *Окаяненъ азъ человѣкъ* (—ст. 24). Это онъ начинаетъ говорить не о себѣ, но о устроеніи пришествія Христа, какъ онъ спасъ родъ человѣческій. Душа говоритъ—*не прелюбы сотвори*, а пожеланіе говоритъ—«прелюбы сотвори»; преодолѣваетъ пожеланіе, побѣждена душа, и наконецъ человѣкъ взываетъ: *окаяненъ азъ человѣкъ!* Онъ смотритъ на небо, смотритъ на море, говоритъ: «помоги, подай руку! законъ безсиленъ, душа немощна, грѣхъ преодолѣваетъ; я увлекаюсь; велико беззаконіе». *Окаяненъ азъ человѣкъ!* Это —слова плѣнника, слова отводимаго, слова немощнаго, рыдающаго, взывающаго, плачущаго, ищущаго помощи. *Окаяненъ азъ человѣкъ! кто мя избавитъ?* Это есть буква закона; это—душа, насилуемая пожеланіемъ; это—пророки, но они только обвиняютъ. Пророки обвиняютъ, законъ безсиленъ, плоть томится, особенно же душа терпитъ насиліе, а плоть становится немощною. *Окаяненъ азъ человѣкъ! кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея? Благодарю Бога моего Іисусъ Христосъ Господемъ нашимъ* (—ст. 24 и 25). Ибо *Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по духу* (—гл. 8, 3—4). Родъ человѣческій былъ плѣнникомъ: я былъ отводимъ, грѣхъ входилъ, плоть насиловалась, душа одолѣвалась, законъ безсиленъ былъ; послалъ Богъ Сына своего; онъ воспринялъ самый этотъ сосудъ и этимъ сосудомъ побѣдилъ грѣхъ. Что говоришь ты, грѣхъ? Будешь ли бороться? Если борешься съ человѣкомъ, то борись и съ нимъ; ибо для того онъ и пришелъ не чистымъ Божествомъ, чтобы ты не обратился въ бѣгство; но одѣлся въ мою побораемую плоть; если борешься, борись съ нимъ; если воюешь, то воюй съ Нимъ!

Какъ? и Онъ—человѣкъ? Человѣкъ такой же, какъ и я по естеству. Но нужно оговориться; ибо онъ чистъ былъ отъ грѣха: *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Иса. 53, 9). Вотъ плоть, вотъ жилы, вотъ кровь, вотъ кости, вотъ видъ человѣка: *немощное бо закона, въ немже немоществоваше плотію, Богъ сына своего посла въ подобіи плоти грѣха* (Римл. 8, 3). Внимай со тщаніемъ слову, дабы мы могли заградить уста Маркіонитамъ и Манихеямъ. Ибо какъ мышь, обгрызая письмена, часто истребляетъ обличеніе: такъ и эти еретики, обгрызая писаніе, и одно обрѣзывая, а другое оставляя, думаютъ избѣжать обличенія. Но и то, что оставляютъ они, обличаетъ ихъ лукавство и безуміе. *Богъ Сына своего посла въ подобіи*, — говоритъ апостолъ. «Видите ли, — говорятъ еретики, — сказано, что Онъ не воспринялъ плоти! Ибо почему такъ говоритъ Павелъ? онъ не сказалъ *во плоти*, но *въ подобіи плоти*». Но зачѣмъ ты, еретикъ, обрѣзалъ другое? скажи и послѣдующее! Ибо онъ не сказалъ *въ подобіи плоти*, и не остановился на этомъ, но *въ подобіи плоти грѣха*; ибо Христосъ былъ такой же, какъ и я, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не такой же. И одно Онъ имѣетъ подобно мнѣ, а другое несходно со мною; и то, что Онъ имѣетъ подобно мнѣ, это было мое подобіе. Напримѣръ, я имѣю грѣшную плоть, не равную оной безгрѣшной, но подобную по естеству; поелику плоть заразилась грѣхомъ, то, дабы ты не помыслилъ о грѣхѣ, а только о плоти, посему и сказалъ — *въ подобіи плоти грѣха*. Ибо Іоаннъ не говоритъ «подобіе», но *слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14). И опять тотъ же апостолъ: *иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу: но себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Филипп. 2, 6—7); не сказалъ «подобіе», но *зракъ раба*. Ибо тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ естествѣ, употребляетъ то же самое названіе, а гдѣ о грѣхѣ и грѣховной плоти, то говоритъ *подобіе*, дабы вмѣстѣ съ воспріятіемъ плоти ты не приписалъ ему и грѣха. Онъ пришелъ и содѣлался тѣмъ же, что и я, кромѣ грѣха, и сталъ человѣкомъ и жилъ на землѣ.

Поистинѣ, возлюбленные, великой радости и удовольствія исполнено это зрѣлище, многоразлично украшенное; ибо старцы съ удовольствіемъ слушаютъ сіе ученіе, будучи тѣснимы и сдавливаемы, равнымъ образомъ и юноши, какъ бы исполненные премудрости. Какихъ похвалъ заслуживаетъ отрокъ, который, будучи тѣснимъ, не отступаетъ отъ святыя церкви? однако церковь собрала и старцевъ, и юношей. Пришелъ художникъ; и явился сосудъ, взятъ отъ бренія и созданъ. Діаволъ сначала не зналъ, что происходитъ, когда народъ притекалъ къ Іорданскимъ струямъ, и Іоаннъ, стоя въ рѣкѣ, совершалъ оное таинство,—Іоаннъ пустынножитель, Іоаннъ—плодъ Троицы, Іоаннъ—виновникъ нѣмоты отца, Іоаннъ, проповѣдавшій Его прежде, чѣмъ сталъ человѣкомъ, и содѣлавшійся апостоломъ на сіе; ибо вострепеталъ въ утробѣ прежде, чѣмъ разрѣшить болѣзнь матери, разрѣшая голосъ отца. Итакъ, поелику онъ пришелъ туда, Іорданская рѣка текла, народъ притекалъ, и тамъ собралось позорище. Пришелъ къ нему Христосъ, Владыка къ рабу, Богъ къ человѣку, высокій къ смиренному, пришелъ съ іудеями креститься. Почему? потому что Онъ все творилъ для нашего спасенія, не нуждается въ крещеніи, но болящему подаетъ средство ко спасенію. Ибо какъ опытный врачъ часто ѣстъ кушанья больныхъ, не потому, что самъ нуждается, но для того, чтобы больнаго склонить къ подражанію: такъ и Онъ приходитъ принять крещеніе. Велика, возлюбленные, тѣснота для тѣлъ, но гораздо большая польза для души; трудно и для васъ, трудно и для меня,—мнѣ говорить, а вамъ слушать; но взаимное спасеніе и для говорящаго, и для слушающихъ. Если и стѣсненъ, если и душно тебѣ, не уходи изъ церкви: помысли, что и мірское достигается съ великою скорбію и трудомъ; ибо ныряющіе въ воду люди спускаются въ глубину, вручая тѣлесную безопасность большой быстринѣ, чтобы извлечь бисеръ. Бисеръ есть пріобрѣтеніе, производящее войны, украшающее шею женскую и вредное для спасенія мущинъ. Я же даю тебѣ бисеръ, не шею украшающій, но просвѣщающій разумъ; не низвожу тебя въ воды великой быстрины, заключающія холодъ, но въ воды, производящія тишину. Тѣснятъ ли тебя, и сдавливаютъ? Это—благоденствіе церковное, это—блаженство для меня. Ибо радуется и пастырь, стискиваемый овцами; но когда вы перестанете толпиться, съ тѣмъ, чтобы разсѣять церковь, тогда пусть посмотрятъ на тѣсноту, пусть войдутъ и увидятъ воздымающіяся волны, волны, не угрожающія потопленіемъ, но содѣйствующія духовной купѣли.

Итакъ, когда онъ пришелъ на рѣку Іорданъ, и народъ іудейскій притекалъ, и было тамъ общее позорище, и всѣ крестились, — пришелъ Іисусъ креститься. Что же Іоаннъ? Позналъ рабъ владыку и взывалъ: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). Онъ вспомнилъ пророческій гласъ къ іудеямъ: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ* (Иса. 53, 7). Онъ есть тотъ агнецъ, о которомъ древле говорилъ пророкъ, котораго древле Авраамъ видѣлъ въ образѣ, котораго вы постоянно закалаете. *Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра*, говорилъ онъ народу, проповѣдуя о Немъ. Что же говоритъ Ему Іоаннъ? Приходитъ Іисусъ креститься, и онъ говоритъ Ему: *азъ требую тобою креститися, и ты ли грядеши ко мнѣ* (Матѳ. 3, 14)? Іоаннъ не зналъ того, что совершается. Внимай тщательно слову! Діаволъ былъ тамъ. И откуда это извѣстно? Я говорю, что вмѣстѣ съ крещеніемъ было и искушеніе діавола, когда онъ видѣлъ происходившее; ибо, когда онъ видитъ что либо необыкновенное, то тотчасъ остерегается этотъ лукавый изъ-за своей безопасности. Онъ видѣлъ Іоанна, пришедшаго изъ пустыни, человѣка по естеству, ангела же по жизни, облеченнаго сею плотію и поправшаго естественныя нужды, одѣтаго въ власяную одежду, лучшую багряницы, и имѣющаго поясъ лучше діадимы, пришедшаго изъ пустыни и ставшаго врачемъ и превзошедшаго естественные предѣлы (ибо *въ потѣ*, — сказано, — *лица твоего снѣси хлѣбъ твой*; а онъ разрѣшилъ эту клятву), ни воловъ не впрягавшаго, ни плугъ не таскавшаго, ни сѣмя не сѣявшаго, которому пищей были *пружіе и медъ дивій*, самородная трапеза. Образъ исповѣданія, начертаніе покаянія, предтеча, гласъ Владычняго Слова, пренебрегъ царя и укорилъ народъ: *рожденія ехиднова, кто сказа вамъ бѣжати отъ будущаго гнѣва* (Матѳ. 3, 7)? Видѣлъ діаволъ дерзновеніе его и сказалъ: увы мнѣ, какое дерзновеніе у сего мужа! Я изгналъ Адама изъ рая,— и вотъ въ пустыни цвѣтокъ! Я вижу человѣка по естеству и ангела по жизни, обыкновеннаго, одѣтаго плотію, имѣющаго власяную одежду, образъ исповѣданія, причину покаянія, пришедшаго на рѣку, новое совершаемое крещеніе, прекращеніе іудейскаго, какое-то начало и починъ иной жизни; нѣтъ ничего изъ стараго, но онъ замѣнилъ все новымъ. Что это за человѣкъ? это — какой-то страшный левъ выскочилъ, увидѣвши столько народа неистовствующаго, бѣснующагося, дышущаго яростію, воспитаннаго кровью пророковъ, жаждущаго убійства праведниковъ, перепилившаго Исаію, побившаго Навуѳея камнями, бросившаго Іеремію въ ровъ съ тиною. Но этотъ ихъ презрѣлъ, этотъ пренебрегъ ими. Откуда у него такая смѣлость? и какъ онъ возвысился до неба? Многимъ тысячамъ народа онъ говоритъ: *порожденія ехиднова*, и этимъ оскорбляетъ ихъ, злословитъ ихъ прародителей. Море раздѣлилось и не сдѣлало ихъ смиренными, камень распался и не сокрушилъ ихъ гордости, пророки посланы были и не побѣдили ихъ злобы. Этотъ же ни чудесъ не творитъ, ни моря не раздѣляетъ, но только является, какъ левъ къ лисицамъ, и говоритъ—*порожденія ехиднова*, этимъ оскорбляетъ и злословитъ прародителей: *порожденія ехиднова.* Онъ не щадитъ ни юныхъ, ни прародителей, смѣлъ, всѣхъ порицаетъ, языкъ свободенъ, уста касаются неба, душа презираетъ все житейское. Итакъ, откуда у него такая смѣлость? Отъ богатства ли? Но онъ не имѣетъ ничего, кромѣ власяной одежды. Отъ пищи ли? Но пища у него—*пружіе и медъ дивій*. Отъ множества ли рабовъ? но онъ одинъ пришелъ. Отъ знатности ли города? но такое дерзновеніе—въ пустынѣ. Откуда же эта высота? ибо я слышалъ, какъ онъ говорилъ: *порожденія ехиднова, кто сказа вамъ бѣжати отъ будущаго гнѣва?* Видишь ли, онъ минуетъ настоящее и идетъ къ будущему. Уже ли небо думаетъ отворить? Ибо, такъ какъ я изгналъ человѣка изъ рая, то уже ли онъ опять приготовляетъ для него небо? Что такое происходитъ? мое разрушается и погибаетъ; онъ оставилъ обрѣзаніе и устанавливаетъ какой-то другой законъ; страшенъ человѣкъ, страшенъ проповѣдникъ; страшенъ благовѣстникъ; на всѣхъ вопіетъ, отцевъ укоряетъ, имѣетъ ревнивое мудрованіе: — *кто сказа вамъ бѣжати отъ будущаго гнѣва?* Говоритъ о томъ, что имѣетъ быть, ибо открываетъ будущее; онъ уже отворилъ дверь, чтобы возвести людей отъ земли на небо, но уже не въ рай. И что со мной будетъ? уже нѣтъ болѣе закона, нѣтъ болѣе обрѣзанія, нѣтъ болѣе мученія. И что это такое новое, и что это страшное? Отмѣна ли, или исправленіе ветхаго; или мнѣ увеличеніе муки, или эти слова суть возвращеніе первоначальнаго благородства; или узникъ мой освобождается, или темница моя становится ненужной, или смерть моя несправедливо устраняется? ибо *сотворите*, сказалъ онъ, — *плоды достойны покаянія.* Горе мнѣ! онъ проповѣдуетъ покаяніе для истребленія грѣховъ, чтобы разрушить мои зданія, которыя я построилъ изъ золота и серебра; я имѣю виновныхъ въ столькихъ согрѣшеніяхъ — и онъ проповѣдуетъ покаяніе. И послѣ столькихъ согрѣшеній, и послѣ столькихъ годовъ, есть ли покаяніе? Да, есть, скверный, покаяніе; ибо *сотворите*, — сказалъ онъ, — *плоды достойны покаянія и не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама* (— ст. 8—9). Поистинѣ это — слова любомудрца; ибо я хочу показать вамъ, іудеи, *яко можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму* (— ст. 9). Горе мнѣ! онъ проповѣдуетъ Божію силу, покаяніемъ призываетъ человѣколюбіе Божіе и убѣждаетъ къ любомудрію; воспоминаетъ о будущемъ, побуждаетъ всѣхъ къ цѣломудрію; наконецъ погибли всѣ мои козни. — О мерзкій и злочестивый! что сдѣлаешь, если услышишь отъ него и другія важнѣйшія и возвышеннѣйшія слова? *Азъ убо*, — сказалъ онъ, — *крещаю вы водою въ покаяніе, посредѣ* *же васъ стоитъ, ему же нѣсмь достоинъ разрѣшити ремень сапога Его»*. И еще другой? И этого не терплю, а онъ мнѣ проповѣдуетъ о другомъ; объ этомъ я недоумѣваю и незнаю, что дѣлать, и онъ возвѣщаетъ о другомъ, большемъ себя, и не просто большемъ, но и безъ всякаго сравненія большемъ. Гдѣ же этотъ другой? Онъ стоитъ *посредѣ васъ, ему же нѣсмь достоинъ разрѣшити ремень сапога Его: той вы крестить Духомъ Святымъ и огнемъ* (—ст. 11). Слушай внимательно,— другая язва діаволу; «ибо,—говоритъ онъ,—не только другаго проповѣдуетъ, но и Духа, подающаго крещеніе согрѣшеніямъ, говоритъ о Духѣ, котораго я трепещу, о благодати, которой я боюся; ибо, гдѣ благодать тамъ и прощеніе, и невозможно наконецъ діаволу имѣть силу, ибо онъ отовсюду прогнанъ. Обвиняетъ человѣка законъ, обвиняютъ пророки, обвиняетъ діаволъ,—что же благодать? А гдѣ благодать, то она—не отъ дѣлъ, поелику благодать; иначе не была бы благодать. Если же нѣтъ оправданія отъ дѣлъ, то болѣе законъ не будетъ имѣть обвиненія. Обвиняетъ законъ, обвиняютъ пророки, обвиняетъ смерть; благодать же всѣмъ подаетъ прощеніе и оставленіе. Посему Спаситель и говоритъ: *не пріидохъ, да сужду мірови*.

Той вы крестить Духомъ Святымъ и огнемъ. Духъ назвалъ огнемъ, и для чего онъ назвалъ его огнемъ? Для того, чтобы ты познало его силу на основаніи извѣстныхъ тебѣ явленій. Я хочу представить тебѣ превосходящее твой разумъ и пониманіе. Ибо какъ огонь истребляетъ терніе, такъ и Духъ, снисшедши, истребляетъ согрѣшенія; и какъ огонь руду превращаетъ въ золото, такъ и Духъ Святый, нисходя въ крещеніе и купель водную, прелюбодѣя дѣлаетъ праведникомъ и разбойника содѣлываетъ сыномъ Божіимъ. И не спрашивай меня: какимъ образомъ? Ибо и я спрошу тебя: какъ огонь, принимая руду, дѣлаетъ изъ нея золото? и ты не съумѣешь объяснить мнѣ этого. Ты допускаешь это для порабощеннаго вмѣстѣ съ тобою, и ужели не допустишь этого для человѣколюбія Владыки? Огонь и изъ земли дѣлаетъ золото, и опять заржавѣвшаго истукана пережигаетъ и очищаетъ и дѣлаетъ свѣтлымъ: такъ и Духъ Святый и оглашеннаго дѣлаетъ вѣрнымъ и грѣшника содѣлываетъ истиннымъ праведникомъ. Посему Давидъ говоритъ: *сердце чисто созижди во мнѣ Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей* (Псал. 50, 12).

Посредѣ же васъ стоитъ, ему же нѣсмь достоинъ разрѣшити ремень сапога его: той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ. Во дни оны, въ какія? въ тѣ самые дни, приходитъ Іисусъ креститься отъ Іоанна, и говоритъ Ему Іоаннъ: *азъ требую Тобою креститися, и ты ли грядеши ко мнѣ* (Матѳ. 3, 14)? Благоправный рабъ, зная человѣколюбіе Владыки, говоритъ: что это за новое и удивительное дѣло? *азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ?* Опять Христосъ говоритъ ему: *остави нынѣ;* ты не видишь того, что я вижу; или ты не знаешь, кто стоитъ здѣсь? врагъ діаволъ; молчи, молчи, чтобы онъ не догадался; ибо я пришелъ побѣдить его. Посему я и не пришелъ неприкровеннымъ божествомъ, посему я и обложился вашею плотію, дабы онъ не убѣжалъ, увидѣвъ Меня неприкровеннымъ. Я раскинулъ неводъ, не отгоняй улова; я растянулъ сѣти, не распугивай добычи. *Немощное бо закона, въ немже немоществоваше плотію, Богъ Сына своего посла въ подобіи плоти грѣха* (Римл. 8, 3). Ибо для сего я родился отъ жены и обложился плотію. Ты видишь Меня, какъ человѣка, и говоришь: *азъ требую тобою креститися.* Я пріемлю твое благоправіе, но теперь не время раскрывать неизреченныя тайны. По слѣдамъ за нами идетъ борьба; *остави нынѣ!* будетъ время, когда ты будешь проповѣдывать обо Мнѣ, а нынѣ исполни смотреніе. Ибо, если и ты отойдешь, будучи усѣкнутъ, то кровь твоя испуститъ гласъ. *Остави нынѣ,* и Я пошлю сонменнаго тебѣ, который скажетъ: *искони бѣ слово* (Іоан. 1, 1); но теперь—не время этимъ словамъ, теперь нужно смиреніе, нужно опущеніе завѣсы, дабы мы могли уловить ловъ, погубить, истребить: *Остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду. Тогда оставляетъ* Его благонравный рабъ и повинуется, оказывая послушаніе обоимъ. Вотъ, о чемъ ты думаешь, того не изслѣдуй, нѣтъ! почему? Пусть слышатъ еретики благовѣстника, который не изслѣдовалъ причины; если и тебѣ доведется это, то не изслѣдуй. Такъ и Аврааму сказано: «заколи сына своего»! Тяжки слова, но благонравный рабъ исполняетъ ихъ. Такъ и сей говоритъ: «не буду крестить!» Но Іисусъ говоритъ ему: *остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду: тогда остави Его* (Матѳ. 3, 15). И вотъ Отецъ испустилъ съ небеси гласъ: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немже благоволихъ* (—ст. 17). Человѣкъ и Богъ раздѣляютъ между собою проповѣдь; почему? потому что рабъ проповѣдуетъ на землѣ, а Владыка свыше. Богъ и человѣкъ проповѣдуютъ; ибо, такъ какъ онъ былъ видимый Богъ и человѣкъ, то оба и дѣлятъ между собою проповѣдь, и каждый избираетъ свое, отецъ—божество, а человѣкъ—человѣчество. Человѣкъ говоритъ —*се агнецъ Божій,* что относилось къ плоти; Богъ же говоритъ—*сей есть сынъ Мой возлюбленный, о немже благоволихъ,* что относилось къ божеству. *Сей есть;* кто же это *сей?* Ибо выраженіе неопредѣленно. Тщательно внимай слову! Рѣка текла, зрѣлище готово, Іоаннъ стоялъ на струяхъ, Іисусъ сходилъ въ воду. О святыя руки, какой вы сподобились коснуться главы! Мнѣ думается, что самые ангелы съ вниманіемъ смотрѣли на это зрѣлище, чтобы видѣть, какъ Онъ крещается отъ раба, видѣть это новое и преславное видѣніе. И стоялъ Іоаннъ и блаженную руку возложилъ на святую главу. О блаженныя руки! таинственное ученіе! О струя, исполнившая таковой долгъ! Владыка отъ раба крещается и сходитъ въ воды. Потомъ гласъ съ небеси глаголетъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный.* Кто это *сей?* Не знаемъ, о комъ Ты глаголешь; повидимому, объ Іоаннѣ. Внимай, умоляю! ибо, по человѣческому порядку, крещающій больше крещаемаго. Крестилъ Іоаннъ, а крестился Христосъ; и пришелъ гласъ, глаголющій: *сей есть Сынъ мой возлюбленный.* Но не подумайте іудей, что это сказано объ Іоаннѣ крестителѣ; пусть они убѣдятся, что объ Іисусѣ крещаемомъ, такъ какъ Духъ Святый въ видѣ голубя привлекъ этотъ гласъ на главу Христову. Слушай, еретикъ, возвышенныя слова! Не сказано—«се Сынъ Мой сотворенъ бысть, но есть: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ, Того послушайте.* Ибо что Онъ говоритъ? *Азъ и отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30),—*и видѣвый Мене видѣ Отца, того послушайте.*

Тогда Іисусъ возведенъ бысть духомъ въ пустыню искуситися отъ діавола (Матѳ. 4, 1). Убѣдись, что тутъ былъ діаволъ; и смотри, что дѣлаетъ Христосъ! Онъ выступаетъ наконецъ на борьбу, чтобы ты уразумѣлъ сіи слова апостола: *немощное бо закона, въ немже немоществоваше плотію, Богъ Сына своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти* (Римл. 8, 3). Итакъ, здѣсь новая борьба. Послѣ крещенія, онъ *возведенъ бысть духомъ искуситися отъ діавола.* Былъ въ пустынѣ Христосъ, былъ и діаволъ, недоумѣвая, кто онъ. Внимай тщательно слову! «Итакъ, кто же это? по наружности, я вижу человѣка: ноздри, глаза, лицо, ноги, руки, поступь. Но другое меня смущаетъ, то, что пришедшій изъ пустыни говоритъ: *Нѣсмь достоинъ, да разрѣшу ремень сапога Его;* и еще—*азъ требую тобою креститися;* и не только это, но и называлъ его агнцемъ—*се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра.* Какъ возможно человѣку *взять* грѣхъ? Итакъ, не Богъ ли онъ? но какимъ образомъ онъ обложенъ плотію? Или онъ—человѣкъ? но какимъ образомъ пришелъ съ неба гласъ, глаголющій: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ?*» Такъ говорилъ діаволъ, приходилъ въ смущеніе и говорилъ: «что мнѣ дѣлать? Сражаться ли съ нимъ? но боюся, не Богъ ли онъ, и побѣдитъ меня. Или не сражаться? но онъ есть человѣкъ, превосходящій человѣческое естество. Разрушилась наконецъ моя власть, уничтожена наконецъ злоба, грѣхъ разрушился наконецъ и истребленъ, и все мое разсыпалось. Кто онъ; человѣкъ ли, или Богъ? Гласъ провозвѣщаетъ его Богомъ, видъ же его обнаруживаетъ человѣка: я нахожусь въ большомъ недоумѣніи и смущеніи». Итакъ, что творитъ Христосъ? поелику и плотское естество не привлекало его на брань, и этотъ лукавый звѣрь еще откладывалъ,—то онъ постился десять дней и потомъ взалкалъ и не ѣлъ, двадцать дней—и не ѣлъ, тридцать—и не ѣлъ, сорокъ—и не ѣлъ. Слушай со вниманіемъ, прошу! «Постился ли Онъ сорокъ дней? Да, постился сорокъ дней. Свойственно ли это человѣку? Да, это свойственно человѣку, особенно же святому. Ибо и Моисей не ѣлъ сорокъ дней, и Илія не ѣлъ сорокъ дней; но меня не устрашаетъ его постъ, а устрашаетъ меня гласъ, свыше пришедшій. Страшитъ меня сошествіе Духа, страшитъ меня гласъ Іоанновъ,—это меня устрашаетъ, такъ какъ постъ его не устрашаетъ меня; ибо и Илія былъ человѣкъ и постился сорокъ дней, и Моисей былъ человѣкъ и также постился сорокъ дней. Впрочемъ, подожду и посмотрю, не превыситъ ли сорока дней въ постѣ, и если превыситъ, то Онъ—не человѣкъ». Посему и Христосъ поступилъ такимъ образомъ, чтобы діаволъ не устрашился и не убѣжалъ, и не превзошелъ мѣру человѣческую, но, постившись сорокъ дней, напослѣдокъ взалкалъ. Выраженіе *послѣди* не напрасно поставлено, но для того, чтобы ты убѣдился, что онъ и послѣ сорока дней не взалкалъ бы, при поддержаніи плоти божествомъ; но что Онъ взалкалъ, тогда когда вызвалъ діавола на борьбу, подавъ ему, вмѣсто руки и вмѣсто плечъ, алчбу; ибо Я теперь не хочу показать тебѣ проявленія божества. *И постився*,—сказано,—Іисусъ *дній четыредесять и нощій четыредесять, послѣди взалка.* И тотчасъ *приступль къ нему* діаволъ. Видишь ли, какъ онъ схватился за алканіе, какъ онъ держится алканія, какъ плечь?" *И приступль къ Нему искуситель, рече: аще Сынъ еси Божій;* ибо его смущало сказанное: что онъ—человѣкъ, это онъ видѣлъ, ибо объ этомъ свидѣтельствовалъ внѣшній видъ; но онъ хотѣлъ узнать, не скрывается ли внутри Богъ. *Приступль,* не говоритъ Ему—«аще Сынъ еси человѣчь», ибо объ этомъ свидѣтельствовалъ внѣшній видъ,—но—*аще Сынъ еси Божій.* Ибо я объ этомъ желаю узнать, объ этомъ изслѣдую, это меня приводитъ въ смятеніе свыше, это внизу меня смущаетъ: *аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ.* О еретикъ, послушай по крайней мѣрѣ діавола! ибо еретики, когда молятся, то говорятъ: «помолися отцу своему!» Діаволъ же не сказалъ—«помолися», но—*аще Сынъ еси Божій, рцы.* Ибо естественно Сыну повелѣвать. *Аще Сынъ еси Божій,* повели, *рцы;* ты—создатель естества, Ты имѣешь власть. *Аще Сынъ еси Божій,* то все Ты можешь, и ничто Тебѣ не препятствуетъ, и если сотворилъ изъ небытія, то тѣмъ болѣе можешь измѣнить существующее: *аще Сынъ еси Божій,* рцы, *да каменіе сіе хлѣбы будутъ;* если алчешь, то готова трапеза. Поелику діаволъ стремился проникнуть въ божество, то Христосъ обращаетъ его къ человѣчеству, говоря: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изо устъ Божіихъ.* Діаволъ пришелъ узнать, Богъ ли Онъ, Сей же хочетъ его убѣдить, что Онъ—человѣкъ: не о *хлѣбѣ,*—сказалъ Онъ,—*единомъ живъ будетъ человѣкъ. Аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ.* Я не говорю тебѣ, діаволъ, теперь; но когда впослѣдствіи исполню Мое смотреніе, когда ты распнешь Меня долу въ смерти, тогда я покажу тебѣ божество. Ибо не хочу Я теперь, но на крестѣ, въономъ солнцѣ, во адѣ внизу, когда Я тебя разрушу, когда твои сонмища разсѣю. Нынѣ же я уловить тебя хочу, скрываю имя божества человѣческимъ словомъ, именно, что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изо устъ Божіихъ.* Почему же діаволъ сказалъ Ему это? потому, что онъ не находитъ ничего другаго сквернаго. Женою онъ изгналъ Адама; и тутъ жены ищетъ, но не обрѣтаетъ: нѣтъ,—сказалъ онъ,—древняго моего оружія. Я изгналъ его не женою только, но и пищею: жены здѣсь не нахожу, чтобы прельстить его; не нахожу и дерева, чтобы сказать ему: съѣжь! Есть камни, и говоритъ Ему: преврати ихъ въ хлѣбы! Итакъ, поелику пищею изгналъ Адама, то и здѣсь хочетъ пищею, и услышалъ, что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ.* Не возмогши изгнать пищею, онъ приступаетъ далѣе со сребролюбіемъ, говоря: *сія вся тебѣ дамъ, аще падъ поклонишимися.* Но Христосъ сказалъ: *писано есть: Господу Богу твоему поклонишися, и тому единому послужиши,*—и опять говоритъ съ нимъ какъ человѣкъ. Потомъ послѣ сего, *постави его на крилѣ церковнѣмъ и глагола Ему: верзися низу.* Но Христосъ къ нему: *не искусиши Господа Бога твоего,*—и опять бесѣдуетъ какъ человѣкъ, и такимъ образомъ отступилъ отъ Него діаволъ. *И се ангели приступиша, и служаху Ему.* Боровшись, побѣдилъ и одолѣлъ, и отступилъ діаволъ и постоянно слѣдилъ за знаменіями и чудесами. Потомъ онъ вошелъ въ душу Іуды, чтобы предать Христа,—и, когда сей взошелъ на крестъ, то возмечталъ діаволъ одолѣть Владыку, говоря: это—человѣкъ; я распялъ, связалъ, пригвоздилъ и сдѣлалъ противъ Него лукавый умыселъ».—Какой же это, діаволъ?—«Я устраиваю, чтобы съ нимъ распяты были разбойники, чтобы не подумалъ кто, что осужденъ праведникъ, но чтобы онъ погибъ, какъ одинъ изъ разбойниковъ». Ты придалъ къ Нему и разбойниковъ, и такимъ образомъ распинались трое; но вверху на крестѣ происходило судилище, и одинъ обвинялъ, а другой отвѣчалъ. Діаволъ далъ разбойника, и этотъ оказался благовѣстникомъ; далъ обвинителя, и онъ оказался защитникомъ; далъ крестъ, и онъ оказался судилищемъ. И говоритъ одинъ другому: *ни ли ты боишися Бога, разбойникъ, яко въ томъ же осужденъ еси* (Лук. 23, 40)? Ты оставилъ свои страданія, забылъ ты раны отъ гвоздей, и устрояешь судилище, и содѣйствуешь обвиненію и издѣваешься надъ обѣтованнымъ: *ни ли ты боишися Бога?* Посмотри на любомудріе разбойника! Поелику Христосъ осужденъ былъ людьми, а земное судилище весьма часто бываетъ несправедливо, такъ что многіе осуждаются людьми нечестивыми,—то онъ и говоритъ: осудили Его люди (посему Христосъ и освобождаетъ его отъ земли и возводитъ на небо); не говори мнѣ объ этомъ судилищѣ, помысли объ ономъ страшномъ судилищѣ, помысли о нелицепріятномъ судѣ! *ни ли ты боишися Бога?* Мы заслуженно получаемъ по нашимъ дѣламъ. *Глаголи ты беззаконія своя первѣе, да оправдишися.* Взошелъ разбойникъ на крестъ и становится священникомъ, не овецъ закалая въ жертву, но принося покаяніе, лучшее іудейскія жертвы. Итакъ мы заслуженно принимаемъ за свои дѣла, а сей не сотворилъ никакого зла, праведенъ, неповиненъ, чистъ. И говоритъ Ему разбойникъ: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи си* (Лук. 23, 42). О любомудріе разбойника! онъ не имущества проситъ, ни освобожденія отъ мученія, ни избавленія отъ казни, не говоритъ Ему: «сведи меня со креста!» «Для меня это—ничто; я свыше окрыленъ; я получилъ другіе глаза; вся земля для меня ничего не значитъ; я пренебрегаю смертію, ибо предстоитъ податель безсмертія. Итакъ и Его желаю, и отшествія вмѣстѣ съ Нимъ: *помяни мя!* Ничего у меня нѣтъ общаго съ настоящей жизнію; я стремлюсь къ оной безконечной; ибо все настоящее я считаю паутиной, и все это призракъ, негодныя листья: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи си.* О любомудріе разбойника! Онъ видитъ крестъ и—проповѣдуетъ царство. Христосъ воздвигъ мертвыхъ, а іудеи распяли; разбойникъ же, увидѣвъ распятаго, поклонился Ему. Итакъ; имъ и чудеса не принесли пользы, а этому не повредилъ и соблазнъ, но онъ становится выше всѣхъ и говоритъ: *помяни мя, Господи!* Что же Христосъ?

Аминь глаголю тебѣ, днесь со Мною будеши въ раи. (—ст. 43). Зачѣмъ не торопишься и медлишь? Чѣмъ скорѣе просьба, тѣмъ скорѣе и подаяніе у *могущаго вся творити по преизбычествію, ихже просимъ, или разумѣемъ*. Тогда діаволъ, увидѣвъ это, говоритъ: «увы! я придалъ двухъ разбойниковъ и одного потерялъ». И услышалъ онъ имя страшное; такъ какъ тамъ былъ діаволъ, который изгналъ изъ рая. Не говоритъ Христосъ разбойнику—«днесь со Мною будеши на небеси», но—*днесь со Мною будеши въ раи,* чтобы услышалъ этотъ мерзкій, что Я тебя ввожу туда, откуда онъ изгналъ перваго человѣка. Я изгналъ Адама изъ рая за одинъ грѣхъ, а тебя, обремененнаго безчисленными грѣхами, ввожу внутрь, дабы ты узналъ, какую великую силу имѣетъ исповѣданіе. Я не потребую отъ тебя ни оправданія, ни исправленія; ибо это есть чудо. Равнымъ образомъ не сказалъ: «отдай твое имѣніе»! Ты увѣровалъ, и пріими благодать. Велико это дарованіе, и оно сдѣлалось великимъ по быстротѣ: *днесь со Мною будеши въ раи.* О, какого спутника принялъ Христосъ! Когда Онъ вступалъ въ міръ, Его срѣтили волхвы; когда же отходилъ отъ міра,—разбойникъ. Вотъ Онъ отходитъ, и съ корнемъ истребляетъ верхушки злобы. Пусть никто изъ грѣшниковъ не отчаевается въ своемъ спасеніи: *днесь со Мною будеши въ раи.* Я не поручаю тебя рабамъ, и не отдаю тебя серафимамъ, ни препоручаю тебя херувимамъ. Когда были печальныя обстоятельства, то блюли херувимы; когда же настали благія,—Я беру тебя: *днесь со Мною будеши въ раи.*

Скажи, еретикъ! сказалъ ли Онъ Отцу: «прошу Тебя, позволь мнѣ возвести разбойника?» нужна ли была молитва? Нѣтъ! Почему? Потому что велика была вѣра разбойника, и онъ не сказалъ Ему—«помолися», но—*помяни мя.* Ты показалъ великую вѣру, и получишь великую благодать: *аминь глаголю тебѣ: днесь со Мною будеши въ раи.* Власть господствія отверзаетъ древнее отечество. Его стрегутъ херувимы, но Я возсѣдаю превыше херувимовъ. Законъ возбраняетъ, но Я есмь законодатель и господинъ, измѣняю предметы, измѣняю сущность. Не Я ли пришелъ и нашелъ естество оскудѣвшимъ, слѣпаго, не имѣющаго очей, и не Я ли далъ то, чего не доставало? Не Я ли пришелъ и нашелъ разслабленное естество и далъ ему силу? Не Я ли пришелъ и нашелъ Лазаря четверодневнымъ мертвецомъ? Не Я ли извелъ его изъ гроба? Я есмь владыка, господинъ, Создатель: *аминь глаголю тебѣ, днесь со Мною будеши въ раи*». Слышавъ это, діаволъ сокрушался. «Горе мнѣ! я далъ двухъ разбойниковъ, и одного потерялъ; но рай отверзся. Болѣе пяти тысячъ лѣтъ онъ былъ затворенъ, и разбойникъ его отверзъ? Не Моисей даже, и не пророкъ даже, но разбойникъ! Кто же послѣ этого будетъ отчаеваться въ своемъ спасеніи? Безчисленное множество преградъ онъ преодолѣлъ: внизу разбойникъ и вверху разбойникъ; внизу похитилъ имѣнія и вверху —царство».—Послѣ этого отступился мерзскій, будучи побѣжденъ и посрамленъ. «Это—не человѣкъ, это—Богъ,—сказалъ онъ. Я побѣжденъ, погибъ въ борьбѣ съ Нимъ, искушая Его, Я войду въ іудеевъ и научу ихъ сказать: *аще Сынъ еси Божій*». И опять искушаетъ, и опять обводитъ. Ибо какъ тамъ—*аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ*, такъ и здѣсь—*аще Сынъ еси Божій, сниди со креста* (Матѳ. 27, 40). Не говоритъ онъ—«помолися Отцу», но—ты господинъ, имѣешь власть, *сниди со креста*. Но Онъ не сходитъ, діаволъ, чтобы тебя свести во адъ. Разбойникъ не сходитъ, и сойдетъ ли Христосъ? *Сниди со креста!* почему говоришь это? потому что *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* (—ст. 52), когда Онъ былъ на крестѣ. И когда діаволъ увидѣлъ, что смерть ослабѣваетъ, ключи и затворы разрушаются, врата отверзаются, смерть распинаемаго уничтожаетъ общую смерть, а сила его распространяется и лесть совершенно упраздняется, то погибалъ. И въ недоумѣніи онъ говорилъ: увы мнѣ! одного палача я имѣлъ смерть,—и вотъ *многа тѣлеса* *усопшихъ святыхъ восташа!* Сей распинается, и смерть разрушается; сей умерщвляется, и она ослабѣваетъ; я самъ на себя поднялъ мечъ, и вотъ это разрушеніе испытала смерть». Діаволъ говоритъ—*сниди со креста*; но говоритъ это не Христа щадя, а завидуя спасенію вселенныя. «Не сойду, діаволъ; но обличу тебя». Когда онъ былъ на крестѣ, *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа. Сниди со креста!*—«Нѣтъ! на крестѣ убѣдись, что Я—Богъ, на крестѣ познай мою силу. Не увѣрили тебя море укрощаемое, четверодневный мертвецъ воздвигаемый, разслабленный укрѣпляемый, слѣпецъ прозрѣвающій, хлѣбы даруемые, согрѣшенія прощаемыя, дѣти въ пустынѣ поющія, что Я—Богъ,—и еще ли не вѣруешь? Спроси скрывающееся солнце, и ночь, являющуюся днемъ; спроси пророка Захарію, предвозвѣщающаго сіе: *и будетъ въ день онъ и не день и не нощь* (Зах. 14, 7). Почему? Тогда, когда Христосъ распялся, тогда не будетъ *ни день, ни нощь.* Почему *ни нощь?* потому что былъ шестой часъ. Почему *ни день?* Потому что тма была. Не могу придумать названія для времени, не знаю, какъ назвать: назову ли ночью, но былъ шестой часъ; назову ли днемъ, но тма окружала. Пророкъ не нашелъ названія для времени, а еретики изслѣдуютъ рожденіе Божіе. Я есмь Богъ: спроси у скрывающагося солнца, спроси распадающіеся камни, спроси раздирающуюся завѣсу, спроси удавляющагося предателя Моего, спроси судію, говорящаго—*неповиненъ есмь отъ крови праведнаго сего*, жену Пилатову, пославшую сказать—*ничто же тебѣ и праведнику тому* (Матѳ. 27, 19). Діаволъ слышалъ голосъ, одолѣлъ его голосъ, всюду проповѣдуется сила. *Аще Сынъ еси Божій, сниди со креста!* Но Я тогда сойду, когда тебя сведу во адъ. Итакъ, сошелъ Спасъ туда и производитъ смятеніе. Сошелъ Онъ во адъ, приняла Его смерть, ворочала тѣло туда и сюда, какъ бы съѣсть его,—и не могла. Смерть была въ большомъ недоумѣніи; говоря: что это такое здѣсь? зачѣмъ мнѣ принесли это тѣло? погребите его въ землю, я не могу его предать тлѣнію: оно мертво, но я и съ мертвымъ не совладаю, оно живо. И не знаю, что сказать? я вонзаю зубы свои въ тѣло и испытываю оскомину. Что это? Не знаю; поистинѣ, я нахожу въ немъ корень безсмертія. Уже ли я его не съѣмъ? но я не могу его разжевать, и стоитъ моя пища, раздирая мои внутренности; если же не вѣрите мнѣ, то вотъ я изблевала и прежнюю свою пищу». «Какая же была пища смерти? тѣла святыхъ: *многа бо*, — сказано, — *тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа и явишася многимъ*. «Я не могу разжевать, но изблевала и то, что прежде сего съѣла; не могу удержать своею силою, ибо разрушаюся здѣсь. Прежде сего я видѣла тьму, а нынѣ свѣтъ: ибо прежде сего это мѣсто не освѣщалось, а нынѣ я вижу свѣтъ и солнце правды, затворы разрушенными, мѣдныя врата сокрушенными. Онъ не отворяетъ воротъ, но сокрушаетъ ихъ, такъ что я не могу и затворить ихъ; моя темница будетъ не нужна, и я потеряю свое сокровище».—За все сіе возблагодаримъ Владыку всѣхъ Христа, благоизволившаго такъ устроить сіе. Съ Нимъ Отцу слава вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда, и въ безконечные вѣки. Аминь.

◆

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ПАТЕРИКОВЪ И ОСОБЕННО ИЗЪ ЛѢСТВИЦЫ ПРЕП. ІОАННА СИНАЙСКАГО.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ЛѢСТВИЦЫ ПРЕПОДОБНАГО ІОАННА СИНАЙСКАГО [1].

Сказаніе о четырехъ Іоаннахъ, упоминаемыхъ въ Лѣствицѣ.

Поелику въ книгѣ сей, называемой Лѣствица, многократно слышимъ, что Іоаннъ восхваляется и ублажается, какъ просіявшій въ добродѣтеляхъ; то мы предувѣдомляемъ, что не одинъ только былъ Іоаннъ, называемый Лѣствичникъ, но многіе.

Первый Іоаннъ—великій, бывшій игуменомъ въ монастырѣ, гдѣ было братіи числомъ 230. Подъ его вѣдѣніемъ была и особая обитель, называемая Темница, гдѣ онъ затворялъ кающихся.

Другой Іоаннъ великій Савваитскій, который говорилъ умершему Акакію: «братъ Акакій, умеръ ли ты?» А этотъ, и въ гробѣ оказывая свѣтлое послушаніе, отвѣчалъ: «какъ можно умереть, отче, дѣлателю послушанія?» Но отъ инаго лица повѣдалъ о семъ чудѣ Іоанну Лѣствичнику оный Іоаннъ Савваитскій, а не отъ себя. Посему Іоаннъ Лѣствичникъ пишетъ въ сей книгѣ: «мнѣ кажется, что самъ великій Іоаннъ говорилъ мертвецу, а не другой; ибо много мнѣ говорила его блаженная душа, какъ бы сообщая о другомъ, между тѣмъ это былъ онъ самъ». Посему онъ разсказалъ Іоанну Лѣствичнику и о другихъ событіяхъ, бывшихъ съ нимъ въ то время, когда онъ былъ послушникомъ въ одномъ общежительномъ монастырѣ въ Понтѣ, но какъ бы о другомъ лицѣ. Поэтому онъ самъ наименовалъ себя Антіохомъ, тогда какъ это былъ самъ Іоаннъ Савваитскій. Къ сему Іоанну Савваитскому, когда онъ былъ въ лаврѣ св. Саввы, пришли три юныхъ инока, желая быть его учениками. Упокоивъ ихъ послѣ трудовъ путешествія, на третій день онъ хотѣлъ отпустить ихъ, сказавъ: «братіе, я блудникъ по естеству и не могу никого изъ васъ принять». Но они этимъ не соблазнились, потому что знали высокую жизнь старца.

---

[1] Въ рукописи преп. Іова л. 78—84.

Третій—Іоаннъ Лѣствичникъ. Сей, будучи 15-ти лѣтъ внѣшняго возраста, отрекся міра и всего мірскаго, теплою любовію и ревностнымъ послушаніемъ и вѣрою служилъ старцу девятнадцать лѣтъ. По истеченіи девятнадцати лѣтъ, предпославъ къ Богу своего учителя старца, самъ исходитъ на поприще безмолвія, какъ бы сильныя оружія имѣя съ собою для борьбы со врагомъ, молитвы великаго, то есть учителя своего. Онъ доблественно подвизался и пострадалъ въ постничествѣ и весьма просіялъ въ молчаніи и дѣятельныхъ добродѣтеляхъ, какъ сказалъ о немъ немногое изъ многаго Раифскій Даніилъ.

Четвертый—Іоаннъ, который былъ игуменомъ въ Раифѣ. Сей Іоаннъ Раифскій знакомъ былъ Іоанну Лѣствичнику. И этотъ зная его, какъ мужа, совершенно искуснаго въ священномъ писаніи, и имѣющаго даръ святаго Духа, и своими подвигами и страданіями стяжавшаго добродѣтели и украшеннаго, при помощи Божіей, всякими добрыми дѣлами, письменно просилъ его написать ему что-либо полезное объ отреченіи отъ міра и иноческихъ подвигахъ. Онъ же, смиряяся, пишетъ къ нему такъ: «Іоаннъ Іоанну желаетъ радоваться. Получилъ я поистинѣ достойное чистаго и безстрастнаго житія твоего и чистаго твоего сердца къ намъ нищимъ и убогимъ повелѣніе. Слѣдовало бы тебѣ искать сего у мужей, хорошо познавшихъ это; ибо мы находимся еще въ разрядѣ учащихся. Но поелику вы истинные богоносцы, опредѣляете и говорите, что послушаніе есть жизнь; то мы не будемъ ослушаться». И такимъ образомъ онъ начинаетъ писать сію лѣствицу добродѣтелей, когда еще находился въ безмолвіи, на мѣстѣ, называемомъ Ѳола. И какъ сей Іоаннъ Лѣствичникъ былъ знакомъ съ Іоанномъ великимъ, который имѣлъ монастырь съ 230 братіями и Темницу подъ своею властію, такъ знакомъ былъ и съ Іоанномъ Савваитскимъ, имѣлъ дружбу съ нимъ, бесѣдовалъ и подвизался съ нимъ. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ и узналъ отъ нихъ и отъ братіи, которые просіяли въ послушаніи, въ постѣ, въ молчаніи, воздержаніи, плачѣ, незлобіи и простотѣ, равно какъ и что видѣлъ и слышалъ въ Темницѣ скорби и воздыханія кающихся, или въ другомъ мѣстѣ слышалъ отъ кого или видѣлъ,—все это вноситъ въ эту книгу. Въ весьма многомъ онъ и самъ является творцомъ и авторомъ и учителемъ о Господѣ; но, сокрушая рогъ кичливости, передаетъ какъ бы видѣнное и слышанное отъ другихъ, и такимъ образомъ составляетъ сію Лѣствицу и вручаетъ ее Іоанну, Раифскому игумену. Впослѣдствіи же Іоаннъ Лѣствичникъ возведенъ былъ на игуменство святыя горы Синайскія и, какъ другой Моисей, принесъ своимъ чадамъ новому Израилю отъ Бога данныя скрижали, изображенныя ступени добродѣтелей, которыя они не сокрушили, но и особенно соблюли и до нынѣ ими спасаются.

Лѣствицею же называется отъ постепеннаго восхожденія отъ меньшихъ добродѣтелей на высшую ступень, по мѣрѣ усовершенствованія, на которую и намъ Господь да дастъ вступать и понемногу дойти до какой либо ступени и, взошедши, при помощи Божіей, не упасть, молитвами всѣхъ о Господѣ святыхъ, носящихъ имя Іоанна. Аминь.

Сіе вписалъ я, какъ слышалъ отъ старцевъ святыхъ иноковъ, дабы тотъ, кто не знаетъ, наконецъ могъ узнать и утѣшиться, читая среди этой книги.

Іоанна Лѣствичника постригъ авва Мартирій, какъ говорятъ нѣкоторые. Когда же онъ былъ 20 лѣтъ, то приведъ его къ Іоанну Савваитскому. Старецъ же умылъ ноги ученику и облобызалъ ему руку. Когда же ученикъ его Стефанъ соблазнился о семъ дѣлѣ, то старецъ сказалъ ему: «я принялъ игумена Синайскаго и умылъ ноги игумену». По прошествіи 40 лѣтъ, онъ былъ сдѣланъ игуменомъ Синайскимъ, по пророчеству старца.

Предословіе слова, ему же именованіе Скрижали духовныя.

Восходите по ступенямъ добродѣтелей! Какъ восходя по лѣстницѣ, прошедши первую ступень, спѣши къ верхнимъ; ибо сію доблественную лѣствицу Іисусъ проходилъ ногами. Іаковъ предвозвѣстилъ образъ ея, какъ возводящей къ вышнему наслѣдію. Если же опять понемногу будешь нерадѣть о верхнихъ ступеняхъ, то чѣмъ болѣе будешь сходить внизъ, тѣмъ болѣе паденіе твое будетъ достойно плача и рыданія. Восходите, восходите по ступенямъ съ усердіемъ сердечнымъ, братіе, слушая Того, кто сказалъ: *Пріидите, и взыдемъ на гору Господню, и въ домъ Бога нашего* (Иса. 2, 3), *совершающаго ноги наши яко елени и на высокихъ поставляющаго* (Псал. 17, 34).

О отверженіи суетнаго житія.

Нѣкоторые, нерадиво живущіе въ мірѣ, говорили мнѣ: «какъ мы, живя съ женами, заботясь о мірскихъ нуждахъ, можемъ подражать монашескому житію?» Я отвѣчалъ имъ: «все доброе, что̀ только можете дѣлать, дѣлайте: никого не укоряйте, никому не лгите, не крадьте, ни передъ кѣмъ не возноситесь, ни къ кому не имѣйте ненависти, не оставляйте церковныхъ собраній, къ нуждающимся будьте милосерды, никого не соблазняйте, не касайтесь чужой части и сохраняйте вѣрность женамъ вашимъ. Если такъ будете поступать, то не далеко будете отъ царствія небеснаго.

Отъ Лѣствицы, о разбойникѣ, исповѣдавшемся предъ всѣми въ церкви.

Пришедши въ нѣкоторое общежитіе, я видѣлъ страшное судилище добраго судіи и пастыря. Ибо, когда я тамъ былъ, случилось, что одинъ разбойникъ хотѣлъ вступить въ иноческую жизнь, которому превосходный оный пастырь и врачъ повелѣлъ семь дней оставаться въ совершенномъ покоѣ и только разсматривать устроеніе обители. По прошествіи же седьмаго дня, пастырь призываетъ его и спрашиваетъ наединѣ: желаетъ ли онъ остаться съ ними жить? И когда увидѣлъ, что онъ со всею искренностію согласился на это, опять спрашиваетъ его: что онъ сдѣлалъ худаго, живя въ мірѣ? Итакъ, когда онъ увидѣлъ, что онъ словомъ усердно все исповѣдалъ, то опять, испытывая его, сказалъ ему: «хочу, чтобы ты объявилъ это передъ всѣмъ братствомъ». Онъ же, истинно возненавидѣвши грѣхъ свой и презрѣвши весь стыдъ, безъ колебанія обѣщался, говоря: «если хочешь, то сдѣлаю это даже посреди Александріи». Тогда пастырь собираетъ въ церковь всѣхъ овецъ, числомъ 230, и во время божественной литургіи,—ибо день былъ воскресный,—по прочтеніи евангелія, повелѣваетъ ввести сего, уже непорочнаго осужденника, влекомаго нѣкоторыми изъ братій и слегка ударяемаго, со связанными назадъ руками, одѣтаго въ волосяное вретище и имѣющаго на головѣ пепелъ, такъ что отъ одного этого зрѣлища всѣ ужаснулись и воскликнули съ плачемъ; ибо никто не зналъ, что все это значитъ. Потомъ, когда онъ былъ близь святыхъ дверей, священный оный и человѣколюбивый судія воззвалъ къ нему громкимъ голосомъ: «остановись! ибо ты недостоинъ войти сюда». Пораженный исшедшимъ къ нему изъ алтаря голосомъ пастыря,—ибо, какъ онъ послѣ съ клятвою увѣрялъ насъ, ему казалось, что онъ слышитъ громъ, а не голосъ человѣческій,—онъ палъ на землю, трепеща и весь пораженъ, бывъ страхомъ, повергшись на землю и омочивъ помостъ слезами. Тогда сей чудный врачъ, который всѣми мѣрами устроивалъ его спасеніе и всѣмъ подавалъ образъ спасенія и дѣйствительнаго смиренія, повелѣлъ ему сказать предъ всѣми подробно все содѣянное имъ. Онъ же съ трепетомъ исповѣдалъ по порядку всѣ грѣхи, поражающіе всякій слухъ, не только плотскіе грѣхи, по естеству и противъ естества сдѣланные съ людьми и животными, но и отравленія и убійства, и другія злодѣянія, которые неудобно ни слышать, ни предавать писанію. И тотчасъ послѣ сей исповѣди пастырь повелѣлъ его постричь и причислить къ братіи.

Удивляясь премудрости сего преподобнаго, я спросилъ его наединѣ, для чего онъ употребилъ столь странный образъ покаянія? Сей же истинный врачъ отвѣчалъ: по двумъ причинамъ; во первыхъ для того, чтобы исповѣдавшагося настоящимъ посрамленіемъ избавить отъ будущаго, что и случилось; ибо онъ, брате Іоанне, не прежде поднялся, какъ получивъ прощеніе всѣхъ грѣховъ. И не сомнѣвайся въ этомъ; ибо одинъ изъ присутствовавшихъ братій увѣрялъ меня, говоря, что онъ видѣлъ нѣкотораго страшнаго мужа, державшаго исписанную хартію и трость, и когда,—передавалъ онъ,—лежащій произносилъ какой либо грѣхъ, то онъ тростію затиралъ его. Да и справедливо; ибо сказано: *рѣхъ, исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Псал. 31, 5). Во вторыхъ, поелику имѣю и такихъ, кои не объявляютъ согрѣшеній на исповѣди; то я хотѣлъ этимъ побудить ихъ къ исповѣданію, безъ котораго никто не получитъ прощенія.

О Сидорѣ.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ удалился отъ свѣта въ сказанное общежитіе мужъ нѣкій, по имени Исидоръ, бывшій однимъ изъ князей города Александріи, котораго и я засталъ еще тамъ. Принявъ его, всепреподобный пастырь Іоаннъ замѣтилъ, что онъ весьма коваренъ, суровъ, золъ и гордъ, и преодолѣваетъ премудрый бѣсовское коварство человѣческимъ умысломъ, и говоритъ Исидору: «если ты истинно рѣшился взять на себя иго Христово, то я хочу, чтобы ты прежде всего обучался послушанію». Тотъ отвѣчалъ: «предаю себя тебѣ, священнѣйшій, на повиновеніе, какъ желѣзо кузнецу». Тогда великій, обрадованный симъ подобіемъ, немедленно даетъ желѣзному Исидору обучительный подвигъ и говоритъ: «хочу, чтобы ты, истинный братъ, стоялъ у воротъ обители и всѣмъ входящимъ и выходящимъ кланялся до земли, говоря: «помолись обо мнѣ, отче,—я одержимъ злымъ духомъ». Исидоръ же такъ послушался, какъ ангелъ Господа. Итакъ, когда онъ провелъ тамъ семь лѣтъ и пришелъ въ глубочайшее смиреніе и умиленіе; тогда приснопоминаемый отецъ пожелалъ, послѣ семилѣтняго законнаго искуса и послѣ неизреченнаго терпѣнія сего мужа, причислить его, какъ достойнаго, къ братіи и удостоить рукоположенія. Но онъ много умолялъ пастыря, и чрезъ другихъ, и чрезъ меня немощнаго, оставить его тамъ и тѣмъ же образомъ оканчивать подвигъ, неясно намекая сими словами на то, что уже приближается его кончина и Божіе призваніе, что̀ и сбылось. Ибо, когда учитель оставилъ его въ томъ же состояніи, онъ, по прошествіи десяти дней, отошелъ ко Господу со славою, пріобрѣтенною безславіемъ. Въ седьмой же день по успеніи своемъ онъ взялъ и привратника обители; ибо ему говорилъ блаженный, что «если я получу дерзновеніе ко Господу, то ты вскорѣ и тамъ неразлученъ со мною будешь», что̀ и сбылось въ достовѣрное доказательство непостыднаго его послушанія и богоподражательнаго смиренія.

Спросилъ я великаго сего Исидора, когда онъ еще былъ въ живыхъ: какое, во время пребыванія его у воротъ, умъ его имѣлъ дѣланіе? И достопамятный сей, желая моей пользы, не скрылъ отъ меня этого. «Въ началѣ, — говорилъ онъ, — я помышлялъ, что продалъ самъ себя въ рабство за грѣхи мои, и потому со всякою горестію и принужденіемъ и скорбію клалъ поклоны. По прошествіи же года я уже безпечально усердствовалъ сердцемъ, ожидая отъ Бога награды за терпѣніе. По минованіи еще одного года, я уже въ чувствѣ сердца сталъ считать себя недостойнымъ и пребыванія въ обители, и видѣнія отцевъ, и собесѣдованія съ ними, и причащенія божественныхъ Таинъ, и зрѣнія на чье-либо лице, и собесѣдованія, и поникши очами долу, а мыслію еще ниже, уже искренно просилъ входящихъ и выходящихъ помолиться обо мнѣ».

О Лаврентіи.

Когда мы однажды сидѣли за трапезою, великій наставникъ Іоаннъ, приклонивъ къ моему уху святыя свои уста, сказалъ: «хочешь ли, покажу тебѣ въ глубочайшихъ сѣдинахъ божественное мудрованіе?» И когда я попросилъ объ этомъ, призываетъ праведникъ отъ второй трапезы нѣкоего, по имени Лаврентія, около 40 лѣтъ живущаго въ монастырѣ и бывшаго вторымъ пресвитеромъ въ алтарѣ. Подошедши, онъ сдѣлалъ колѣнопреклоненіе игумену, получилъ отъ него благословеніе. Но когда всталъ, то игуменъ ничего ему не сказалъ, а оставилъ его стоять предъ трапезою не ѣвши; обѣдъ же только начинался, и старецъ стоялъ около часу или двухъ, такъ что мнѣ стало уже стыдно посмотрѣть на лице сего дѣлателя; ибо весь онъ былъ сѣдъ, вступивъ уже въ восьмидесятый годъ жизни. Пробывъ безъ отвѣта до конца обѣда, когда мы встали, онъ посылается отъ преподобнаго къ вышепомянутому великому Исидору сказать ему начало тридцать девятаго псалма.

Не утерпѣлъ я, какъ весьма любопытный, чтобы не испытать сего старца. И когда я спросилъ его, о чемъ онъ помышлялъ, стоя предъ трапезою, онъ сказалъ: «представляя себѣ пастыря во образѣ Христа, я никогда не помышлялъ, что отъ него получаю повелѣнія, но отъ Бога; посему и стоялъ я, отче Іоанне, не какъ передъ трапезою человѣческою, но какъ передъ жертвенникомъ Божіимъ, молился Богу; по вѣрѣ и любви моей къ пастырю, я не имѣлъ противъ него никакого лукаваго помышленія; ибо сказано: *любовь не помышляетъ зла* (1 Корин. 13, 5). Впрочемъ, и то знаю, отче, что если кто предалъ себя простотѣ и добровольному незлобію, въ томъ лукавый уже не находитъ себѣ мѣста ни на мгновеніе».

О Аввакирѣ.

Послушаемъ еще и подивимся премудрости Божіей, обрѣтенной въ глиняныхъ сосудахъ. Пришедши туда, я удивлялся вѣрѣ и терпѣнію нѣкоторыхъ новоначальныхъ и неутомимой твердости, съ какою они переносили отъ настоятеля выговоры и укоризны, а иногда и гоненія не только отъ настоятеля, но и отъ другихъ меньшихъ. Для душевнаго назиданія, я спросилъ одного изъ братій, 15 лѣтъ жившаго въ монастырѣ, по имени Аввакира, котораго я видѣлъ обижаемымъ больше всѣхъ: я видѣлъ, что иногда служители прогоняли его и отъ трапезы; ибо онъ отъ рожденія былъ весьма малъ и невоздерженъ на языкъ. Я сказалъ ему: «я вижу, братъ Аввакиръ, что тебя жестоко каждый день прогоняютъ отъ трапезы, и что ты часто ложишься спать безъ ужина». А онъ отвѣчалъ: «повѣрь, отче мой, что отцы мои искушаютъ меня, будетъ ли изъ меня монахъ, а не искренно дѣлаютъ это; и я, зная уже намѣреніе великаго и ихъ, безъ скорби все терплю. И вотъ уже 15 лѣтъ имѣю эту мысль, какъ и сами они, при поступленіи моемъ, говорили, что до 30 лѣтъ искушаютъ отрицающихся отъ міра. И справедливо, отче Іоанне; ибо золото, не бывъ въ огнѣ, не получаетъ совершенной чистоты».

Сей доблественный Аввакиръ, пробывъ въ монастырѣ по моемъ отшествіи два года, отошедъ ко Господу, сказавъ отцамъ предъ своею кончиною слѣдующее: «благодарю Господа и васъ за то, что, бывъ искушаемъ вами для моего спасенія, я 17-ть лѣтъ былъ свободенъ отъ искушеній бѣсовскихъ». Правосудный пастырь повелѣлъ положить его, какъ достойнаго исповѣдника, со святыми, почивающими въ томъ мѣстѣ.

О Македонѣ архидіаконѣ.

Обижу я всѣхъ ревнителей добра, если погребу во гробѣ молчанія исправленіе и подвигъ Македонія, перваго изъ тамошнихъ діаконовъ. Сей прилежно работавшій Господу мужъ, однажды, когда приближался праздникъ святаго Богоявленія, проситъ у великаго пастыря позволенія, за два дня, сходить въ городъ Александрію по нѣкоторой своей надобности, обѣщаясь скоро возвратиться изъ города, по случаю наступающаго праздника и приготовленій къ оному. Но ненавистникъ добра діаволъ устроилъ архидіакону препятствіе и сдѣлалъ такъ, что онъ не поспѣлъ на святый праздникъ въ обитель, по приказанію, которое онъ получилъ отъ настоятеля. Когда онъ пришелъ черезъ день послѣ праздника, пастырь отлучаетъ его отъ службы и приказываетъ ему занимать послѣднее мѣсто между новоначальными. Но добрый служитель терпѣнія, великодушный архидіаконъ такъ безпечально принялъ сіе опредѣленіе отца своего, какъ будто не онъ, а другой кто подвергся запрещенію. Когда же онъ 40 дней провелъ въ семъ состояніи, премудрый пастырь опять возвелъ его на степень діаконства. Но, по истеченіи одного дня, архидіаконъ умоляетъ его обратить его въ прежнее состояніе запрещенія и безчестія, говоря, что онъ сдѣлалъ въ городѣ непростительный грѣхъ. Преподобный уразумѣлъ, что онъ говоритъ неправду и проситъ этого по смиренію, но уступилъ доброму желанію подвижника. И удивительно было видѣть почтеннаго сѣдинами старца, благоговѣйно пребывающаго въ чинѣ новоначальныхъ и всѣхъ просящаго усердно молиться о немъ, поелику,—говорилъ онъ,—я впалъ въ блудъ преслушанія. Мнѣ же смиренно повѣдалъ сей Македоній, почему онъ добровольно прибѣгнулъ къ пребыванію въ такомъ уничиженіи. «Никогда,—сказалъ онъ,—я не видалъ въ себѣ такого облегченія отъ всякой брани и сладости божественнаго свѣта, какъ теперь». Ангеламъ свойственно не падать, и даже невозможно, как говорятъ нѣкоторые; людямъ же свойственно падать и опять возставать, сколько бы разъ ни случилось это; бѣсамъ же только свойственно то, чтобы, однажды павши, никогда опять не возставать. Тотъ, которому ввѣрено было строеніе оной обители, повѣдалъ мнѣ слѣдующее. «Когда я былъ молодъ,—сказалъ онъ,—и пасъ скотъ, случилось мнѣ пасть тяжкимъ душевнымъ паденіемъ. А такъ какъ я привыкъ никогда не таить змѣя въ гнѣздѣ сердечномъ, то и сего змія, схвативъ за хвостъ, показалъ врачу,—хвостомъ же я называю конецъ дѣла,—онъ же съ веселымъ лицемъ, ударивъ меня легонько по щекѣ, сказалъ мнѣ: «иди, чадо, продолжай свою службу, какъ и прежде, отнюдь ничего не бойся». Принявъ сіе съ горячею вѣрою, я получилъ, по прошествіи немногихъ дней, извѣщеніе о моемъ исцѣленіи, и потомъ, радуяся и вмѣстѣ трепеща, шелъ путемъ моимъ».

О аввѣ Минѣ.

Господь, не хотя лишить меня молитвы одного преподобнаго отца въ той же обители, за недѣлю до моего удаленія изъ того святаго мѣста взялъ его къ себѣ. Это былъ чудный мужъ, по имени Мина, второй правитель послѣ настоятеля, 59 лѣтъ пробывшій въ общежитіи и прошедшій всѣ послушанія. Въ третій день, когда мы совершали обычное молитвословіе объ упокоеніи сего преподобнаго, внезапно наполнилось благоуханіемъ все то мѣсто, гдѣ лежало честное его тѣло. Тогда великій отецъ повелѣлъ намъ открыть раку, въ которую положенъ былъ преподобный Мина. И когда это сдѣлано было, то всѣ мы увидѣли, что изъ честныхъ стопъ его, какъ два источника, истекаетъ благовонное мѵро. Тогда учитель сказалъ ко всѣмъ: «видите ли, вотъ болѣзни и труды ногъ его принесли Богу мѵро. И справедливо». И о многихъ другихъ исправленіяхъ сего преподобнаго Мины разсказывали намъ отцы того мѣста, и между прочимъ о слѣдующемъ. Однажды настоятель захотѣлъ искусить богодарованное его терпѣніе, и когда онъ пришелъ къ игумену и, положивъ вечерній поклонъ передъ игуменомъ, по обыкновенію просилъ дать преданіе; то игуменъ оставилъ его лежать такимъ образомъ на землѣ даже до времени правила, и тогда уже, благословивъ и укоривъ, какъ человѣка нетерпѣливаго и любящаго выказываться, возставилъ его. Ибо зналъ преподобный, что онъ терпитъ мужественно, и потому сдѣлалъ это для назиданія всѣмъ. Ученикъ того же преподобнаго Мины, утверждая истину сего происшествія, сказывалъ: «я прилежно допытывался у него, не напалъ ли на него сонъ, когда онъ былъ оставленъ игуменомъ въ такомъ положеніи? Преподобный отецъ открылъ мнѣ, что, лежа на землѣ, онъ прочиталъ наизусть всю псалтирь.

Ноября 29 и Іюля 7, о Акакіи.

Былъ одинъ старецъ весьма нерадивой жизни и дерзскаго нрава;—говорю сіе не въ осужденіе ему, но дабы сказать правду. Не знаю, какимъ образомъ онъ пріобрѣлъ себѣ ученика юношу, именемъ Акакія, простаго нравомъ, но мудраго смысломъ, который столько терпѣлъ отъ этого старца, что для многихъ это казалось невѣроятнымъ. Ибо старецъ мучилъ его ежедневно не только укоризнами и ругательствами, но и побоями. Терпѣніе же ученика было безотвѣтное. Видя, что онъ, какъ купленный рабъ, ежедневно крайне страдаетъ, я при встрѣчѣ говаривалъ ему: «что, братъ Акакій, каково сегодня?» И, какъ предъ Богомъ говорю,—онъ показывалъ иногда синяки подъ глазомъ, иногда избитую голову. Зная же, что онъ есть подвижникъ, я говорилъ ему: «хорошо, хорошо, терпи, и получишь пользу». Проживъ у оного немилостиваго старца девять лѣтъ, онъ отошелъ ко Господу. Когда онъ погребенъ былъ въ гробницѣ отцевъ, черезъ пять дней наставникъ Акакіевъ пошелъ къ одному живущему тамъ великому старцу и сказалъ ему: «отче, братъ Акакій умеръ». Услышавъ это, старецъ сказалъ ему: «повѣрь мнѣ, старче, я не вѣрю, что онъ умеръ». А тотъ сказалъ: «поди и посмотри». И вставши, старецъ вскорѣ пришелъ вмѣстѣ съ наставникомъ блаженнаго труженика къ его гробу и воззвалъ къ нему, какъ къ живому, и сказалъ: «братъ Акакій, умеръ ли ты?» Благоразумный же послушникъ и по смерти оказалъ послушаніе и сказалъ: «какъ можно, отче, умереть дѣлателю послушанія?» Тогда старецъ, бывшій прежде ему наставникомъ, пораженный страхомъ, палъ со слезами на землю и, испросивъ у игумена лавры келлію близь гроба Акакіева, провелъ тамъ остатокъ жизни уже добродѣтельно, говоря всегда отцамъ: «я совершилъ убійство». Мнѣ же кажется, отче Іоанне, что великій старецъ, говорившій съ умершимъ, былъ самъ Іоаннъ Савваитскій. И другое онъ разсказывалъ мнѣ какъ бы о другомъ подвижникѣ, между тѣмъ какъ это былъ онъ самъ, какъ и послѣ могъ достовѣрно убѣдиться.

О Іоаннѣ Игуменѣ монастыря.

Въ той же,—говорилъ онъ,—обители въ Азіи былъ одинъ ученикъ у нѣкоего весьма кроткаго, тихаго и безмолвнаго монаха. И видя, что старецъ какъ бы почитаетъ и покоитъ его, онъ благоразсудилъ, что такое обхожденіе для многихъ бываетъ опасно, и проситъ старца отпустить его. Ибо старецъ имѣлъ при себѣ другаго ученика, и удаленіе его не было бы ему тягостно. Такимъ образомъ онъ отходитъ и, при помощи письма отъ своего настоятеля, помѣщается въ одномъ изъ общежитій въ Понтѣ. И въ первую ночь по вступленіи въ общежитіе онъ видитъ во снѣ, что нѣкоторые люди истязаютъ его за долгъ, и будто, по окончаніи сего страшнаго истязанія, онъ остался долженъ сто литръ золота. Проснувшись, онъ вникнулъ въ сновидѣніе и сказалъ самъ себѣ: «смиренный Антіохъ!—ибо такое было имя ему,—поистинѣ еще много остается на тебѣ долгу. И когда я прожилъ,—говорилъ онъ,—въ общежитіи три года въ безусловномъ послушаніи, будучи всѣми уничижаемъ и оскорбляемъ, какъ странный,—ибо тамъ не было другаго страннаго монаха; то опять увидѣлъ во снѣ, будто какой-то человѣкъ далъ мнѣ свидѣтельство въ уплатѣ десяти литръ моего долга. И я сказалъ себѣ: еще десять только? когда же я все выплачу? Тогда я говорилъ себѣ: бѣдный Антіохъ! тебѣ нужно больше труда и безчестія. Итакъ съ того времени началъ я казаться юродивымъ, но нисколько не оставляя служенія. Посему, видя меня въ такомъ положеніи и въ прежнемъ усердіи, немилостивые тамошніе отцы возлагали на меня всѣ тяжкія дѣла въ обители. Проживъ 13 лѣтъ въ такомъ подвигѣ, я снова увидѣлъ во снѣ являвшихся мнѣ прежде мужей, будто они пришли и дали мнѣ рукописаніе о совершенномъ освобожденіи меня отъ долга. Итакъ, когда въ обители меня оскорбляли чѣмъ либо, я вспоминалъ свой долгъ и терпѣлъ мужественно». Объ этомъ разсказывалъ мнѣ, отче Іоанне, премудрый Іоаннъ какъ о другомъ человѣкѣ, для того и Антіохомъ себя назвалъ, а на самомъ дѣлѣ онъ самъ былъ тотъ подвижникъ, терпѣніемъ мужественно разодравшій рукописаніе своихъ грѣховъ. Но послушаемъ, какой даръ разсужденія преподобный сей пріобрѣлъ крайнимъ своимъ послушаніемъ.

О трехъ юныхъ иноцѣхъ.

Во время его пребыванія въ обители святаго Саввы, пришли къ нему три юныхъ инока, желая быть его учениками, коихъ принявъ съ радостію, онъ угостилъ ихъ и старался упокоить послѣ трудовъ путешествія. Но чрезъ три дня старецъ сказалъ имъ: «братіе, я блудникъ по естеству и не могу никого изъ васъ принять къ себѣ». Но они не соблазнились этимъ, потому что знали высокую жизнь старца. И когда уже, всячески умоляя его, не могли убѣдить, тогда повергались къ ногамъ его и просили, чтобы онъ по крайней мѣрѣ далъ имъ наставленіе, какъ и гдѣ имъ проходить монашескую жизнь. Старецъ согласился и видя, что они съ вѣрою, смиреніемъ и послушаніемъ внимаютъ, сказалъ одному изъ нихъ: Господь хощетъ, чадо, чтобы ты пребывалъ въ безмолвномъ мѣстѣ въ повиновеніи у духовнаго отца. Второму сказалъ: иди, продай волю твою и предай ее Богу, и возьми крестъ свой и терпи въ общежитіи съ братіями, и несомнѣнно будешь имѣть сокровище на небесахъ. Также и третьему сказалъ: непрестанно помни изреченіе, глаголющее: *претерпѣвый до конца спасется* (Матѳ. 24, 13); иди и, если возможно, постарайся, чтобы въ родѣ человѣческомъ не осталось никого строже и суровѣе твоего наставника о Господѣ, и, укрѣпившись терпѣніемъ, ежедневно пей отъ него поруганіе и уничиженіе, какъ медъ и молоко». Братъ же сказалъ великому Іоанну: «отче, а если онъ пребываетъ въ нерадѣніи, то что мнѣ дѣлать?» Старецъ же отвѣчалъ: «если бы ты даже увидѣлъ, что онъ блудъ творитъ, не оставляй его, но говори самъ себѣ: «друже, дерзай, на что ты пришелъ!» Тогда увидишь, что возношеніе пропадетъ въ тебѣ и похоть плотская въ тебѣ увянетъ».

Всѣ, желающіе стяжать страхъ Божій, будемъ подвизаться всею силою, чтобы въ семъ училищѣ добродѣтели вмѣсто добродѣтели не пріобрѣсти лукавства и злобы, лютости и коварства, пронырливости и гнѣва. Ибо это случается, и неудивительно. Пока человѣкъ остается простолюдиномъ, работникомъ на кораблѣ, или земледѣльцемъ, противъ него не столь сильно вооружаются и враги царя. Когда же видятъ, что онъ взялъ печать царскую и щитъ, мечъ, лукъ, копье и одѣлся въ воинскую одежду, тогда и они скрежещутъ на него зубами и всячески покушаются убить его. Поэтому не будемъ спать. Видѣлъ я, что незлобивые и прекрасные отроки пришли въ училище для наученія премудрости, для образованія и полученія пользы; но, по причинѣ сообщества и связи съ другими, они ничему тамъ не выучились, кромѣ лютости и злобы. Имѣющій умъ да разумѣетъ.

Поученіе о любви въ монастырскомъ общежитіи.

Нѣкто же изъ приснопамятныхъ оныхъ, имѣя великую ко мнѣ любовь по Богу и дерзновеніе, сказалъ мнѣ однажды съ искреннимъ расположеніемъ: если ты, мудрый, въ чувствѣ души имѣешь силу того, который сказалъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ* (Филип. 4, 13); если Духъ Святый росою чистоты нашелъ на тебя, какъ на Дѣву; если сила Вышняго, терпѣнія осѣнила тебя: то препояши, какъ храбрый мужъ, чресла свои лентіемъ послушанія и, возставъ съ вечери твоего безмолвія, умывай ноги братій въ сокрушенномъ духѣ, вѣрнѣе же — поверги себя подъ ноги братства мыслями самоуничиженія; въ дверяхъ сердца твоего поставь привратниковъ жестокихъ и бодрыхъ; сдерживай неудержимый умъ въ преходящемъ тѣлѣ, имѣй умное безмолвіе въ движущихся и колеблющихся удахъ, что всего достославнѣе; будь неустрашимъ душею среди мятежа, одерживай языкъ, неистово стремящійся на прекословія и семьдесятъ кратъ седмерицею въ день борися съ симъ мучителемъ. На душевномъ крестѣ утверди умъ, какъ наковальню, чтобы онъ; будучи поражаемъ частыми ударами молотовъ поруганія, укоренія, осмѣянія и обидъ, пребывалъ нисколько нераслабляемъ и несокрушаемъ, но весь гладокъ и недвижимъ. Совлекись воли, какъ срамной одежды, и безъ нея вступи на состязаніе, что рѣдко и легко обрѣтается. Облекись въ вѣру, какъ въ броню, не будучи сокрушаемъ и прободаемъ невѣріемъ къ подвигоположнику. Укрощай уздою цѣломудрія безстыдно стремящееся осязаніе. Размышленіемъ о смерти удерживай глаза твои, которые ежечасно хотятъ любопытно смотрѣть на тѣлесную красоту и великолѣпіе. Пытливость ума обуздывай попеченіемъ о самомъ себѣ; не позволяй ему осуждать брата въ нерадѣніи и нелестно изъявляй всякую любовь и милосердіе къ ближнему. *О семъ уразумѣютъ вси, любезнѣйшій отче, яко Христови ученицы есмы, аще въ общежитіи любовь имамы между собою* (Іоан. 13, 35). Гряди, гряди, —говорилъ еще добрый другъ, и поселися съ нами и пей на всякій часъ поруганіе, какъ воду живую. Давидъ, испытавши все прекрасное и все сладостное подъ небомъ, послѣ всего, какъ бы еще въ недоумѣніи, сказалъ: *се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Псал. 132, 1). Если же мы еще не сподобились сего блага, то есть такого терпѣнія и послушанія, то хорошо для насъ по крайней мѣрѣ, познавши немощь свою, пребывая въ уединеніи и далече отстоя отъ подвижническаго поприща, ублажать подвизающихся и молиться, чтобы Богъ даровалъ имъ терпѣніе.

Слово отъ Лимониса о Адельфіи епископѣ 1).

Адельфій, епископъ Арабисскій, имѣлъ сестру, которая была игуменьею женскаго монастыря. Однажды епископъ приходитъ въ монастырь для свиданія съ сестрою своею. И когда онъ входилъ во врата монастырскія, увидѣлъ одну изъ монахинь, одержимую нечистымъ духомъ, и валяющуюся по землѣ и испускающую пѣну. Епископъ, призвавъ сестру свою, говоритъ ей: хорошо ли это, что сестру сію мучитъ нечистый духъ и такъ безобразитъ ее? Или ты не знаешь, что должна отдать отвѣтъ за всѣхъ сестеръ своихъ, какъ игуменья? Она отвѣчала: что жъ я могу сдѣлать противъ демона? Епископъ же сказалъ ей: что же ты дѣлаешь столько лѣтъ въ монастырѣ, принявъ на себя ангельскій образъ? Ибо монашеское дѣло—бороться съ демонами,—и если здѣсь ихъ не одолѣютъ и не прого-

---

1) Рукопись преп. л. 107 на об. Заимствовано изъ Лимонаря, т. е. Луга Духовнаго Іоанна Мосха.

нять, то и въ будущій вѣкъ жестоко будутъ мучимы. И сказавъ сіе, епископъ сотворилъ молитву и, изгнавъ бѣса, избавилъ монахиню!

О разбойницѣ, спасшемся малыхъ ради слезъ въ десять дній [1].

При Маврикіѣ царѣ, былъ во Ѳракійской странѣ одинъ разбойникъ, весьма свирѣпый и жестокій, такъ что многіе не могли поймать его. Услышавши объ этомъ благочестивый царь, послалъ къ нему крестъ свой, говоря: «не бойся!» Разбойникъ, устыдившись царскаго слова, пришелъ и припалъ къ ногамъ царя, принося раскаяніе. Черезъ нѣсколько же дней онъ заболѣлъ и лежалъ въ гостинницѣ и, заснувши, видѣлъ страшный судъ. Потомъ же проснувшись въ слѣдующую ночь и видя себя въ тяжкой болѣзни и близкимъ къ концу, обратился съ молитвою къ Богу, плакалъ и говорилъ: «Владыка Человѣколюбивый Царь! Какъ Ты раньше меня спасъ разбойника, такъ и на мнѣ покажи милость Твою, прими мой плачъ на этомъ смертномъ одрѣ. И какъ ты принялъ и другихъ, пришедшихъ въ единонадесятый часъ, не сдѣлавшихъ ничего достойнаго: такъ прими и мои горькія слезы и очисти меня и крести меня ими. И не требуй отъ меня ничего больше сего; ибо я не имѣю на то времени, когда уже пришли заимодавцы. Не требуй и не спрашивай; ибо не найдешь во мнѣ никакого добра, такъ какъ уже предварили меня беззаконія мои; и я уже дожилъ до вечера, ибо бесчисленны мои грѣхи. Но какъ принялъ ты плачъ апостола

---

[1] Рукоп. преп. Іова, л. 113. Въ рукописи преп. Іова одинъ только конецъ. Заимствовано преп. Іовомъ изъ «Пандектъ» Никона Черногорца. Есть и въ печатномъ прологѣ подъ 17 Октября.

Петра! такъ прими и этотъ малый мой плачъ и оное рукописаніе моихъ грѣховъ и губою милосердія твоего сотри мои прегрѣшенія!» И такимъ образомъ исповѣдуясь въ теченіи многихъ часовъ и своимъ платкомъ утирая свои слезы, онъ предалъ духъ, какъ передавали бывшіе близъ него. Старѣйшій же врачъ этого дома, въ то самое время, когда умеръ разбойникъ, видѣлъ во снѣ, будто множество какихъ-то еѳіоповъ пришли къ постелѣ разбойника, со множествомъ хартій, на которыхъ написано было множество грѣховъ разбойника. А потомъ два нѣкоторые прекрасные евнуха принесли вѣсы; и когда еѳіопы стали класть всѣ рукописанія разбойника, то перетянула одна сторона, а другая поднялась вверхъ. Свѣтлые ангелы говорили: «уже ли мы не имѣемъ здѣсь ничего?» Другой сказалъ ему: «что мы можемъ имѣть? не болѣе десяти дней прошло послѣ того, какъ онъ оставилъ разбой свой». И когда они бесѣдовали объ этомъ, то сказали: «поищемъ какого либо добра!» И одинъ изъ нихъ нашелъ платочекъ, въ которомъ были его слезы. И сказалъ другому: «дѣйствительно, этотъ платочекъ—отъ его слезъ; положимъ его на другую сторону и съ нимъ—человѣколюбіе Божіе, и посмотримъ, что будетъ». И какъ только они положили его на другую сторону, и онъ тотчасъ перетянулъ и разсѣялъ рукописаніе, бывшее на другой сторонѣ. И они единогласно воскликнули, говоря: «воистину побѣдило человѣколюбіе Божіе!» И взявши душу разбойника, повели ее съ собою. Еѳіопы же [illegible] со срамомъ.—Видѣвъ это, врачъ, проснувшись, поспѣшилъ въ комнату и, пришедши къ одру разбойника, нашелъ тѣло его еще теплымъ, а душу его отошедшею къ Богу, платокъ же его, наполненный слезами, лежащимъ на его глазахъ. И выслушавъ бывшихъ вблизи его, говорилъ царю: «Прославимъ Бога и Господа! Мы слышали о разбойникѣ, спасшемся исповѣданіемъ при небесномъ царѣ, и видѣли разбойника, спасшагося въ твое державное царствованіе».

Слыша объ этомъ, будемъ вѣрить, что это есть истина. Однако хорошо приготовлять себя и предварять страшный часъ смерти. Сколько — скажи мнѣ — бываетъ внезапно умирающихъ, которые не могутъ даже говорить или плакать и оставить завѣщаніе? Кто же можетъ поручиться, что онъ въ состояніи будетъ принести въ это время слезы Богу, какъ помянутый разбойникъ? Посему не будемъ лѣниться, не будетъ ждать смерти, чтобы исповѣдаться Богу, но предваримъ лице Его исповѣданіемъ. Это я написалъ не для того, чтобы расположить ваши сердца къ лѣности, но чтобы возбудить ихъ; не для того, чтобы опечалить васъ, но чтобы содѣлать бодрыми, дабы мы, хорошо подвизавшись въ постнической жизни и получивши вѣнцы во отпущеніе грѣховъ, сподобилися царствія небеснаго благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава со отцемъ и съ пресвятымъ, благимъ, пречистымъ Духомъ, нынѣ и всегда и въ безконечные вѣки.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ II.

ОТДѢЛЪ I.

ЖИТІЯ, СКАЗАНІЯ И СЛОВА НА НЕПОДВИЖНЫЕ ПРАЗДНИКИ И НАРОЧИТЫЕ ДНИ ЦЕРКОВНАГО ГОДА.

Стран.

Іюня 30 дня Святаго священномученика Ипполита о двоюнадесятѣхъ апостолѣхъ, и гдѣ кійждо ихъ проповѣда и гдѣ како скончалася . . . 3.

Мѣсяца августа въ 29 день слово на усѣкновеніе честныя главы святаго и славнаго пророка и крестителя Господня Іоанна . . . 8.

Мѣсяца Сентабря въ 5 день слово о убіеніи Захаріинѣ . . . 13.

Мѣсяца Декабря въ 5 день житіе святаго отца нашего и наставника пустынскаго Саввы освященнаго . . . 17.

Мѣсяца Декабря 4 житіе и жизнь преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина, списано Іоанномъ патріархомъ Антіохійскимъ (Іерусалимскимъ) . . . . . 118.

Генваря 4 дня св. священномученика Ипполита о седмидесятѣхъ апостолѣхъ. . . . . 145.

Генваря 6 дня слово о святомъ спасеномъ крещеніи, и о искушеніи, и о разбойницѣ, на аріаны, и что разумѣется *званъ*, и въ нѣкая реченія апостолова . 147.

ОТДѢЛЪ II.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ПАТЕРИКОВЪ И ОСОБЕННО ИЗЪ ЛѢСТВИЦЫ ПРЕПОДОБНАГО ІОАННА СИНАЙСКАГО.

Выписки изъ Лѣствицы преп. Іоанна Синайскаго: Стр.

1) Сказаніе о четырехъ Іоаннахъ, упоминаемыхъ въ Лѣствицѣ . . . . 173.
2) Предословіе слова, ему же именованіе скрижали духовныя . . . 176.
3) О отверженіи суетнаго житія
4) О разбойницѣ, исповѣдавшемся предъ всѣми въ Церкви. 177.
5) О Исидорѣ . . . . 179.
6) О Лаврентіи . . . 181.
7) О Аввакирѣ . . . 182.
8) О Македонѣ архидіаконѣ . . . 183.
9) О аввѣ Минѣ . . . 185.
10) Ноября 29 и Іюля 7 о Акакіи . . . 186.
11) О Іоаннѣ игуменѣ монастыря . . . 187.
12) О трехъ юныхъ инокѣхъ . . . 188.
13) Поученіе о любви въ монастырскомъ общежитіи . 190.
Слово отъ Лимониса о Аделфіи епископѣ . . . 191.
О разбойницѣ, спасшемся малыхъ ради слезъ въ десять дній . . . 192.

* * *